НЕЛЛИ ГОРЕСЛАВСКАЯ

ИОСИФ СТАЛИН

ОТЕЦ НАРОДОВ И ЕГО ДЕТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Властью объявлена кампания десталинизации общества. Однако у народа она вызвала своеобразную реакцию: в день рождения, а потом и в день смерти вождя по инициативе неизвестных активистов, бросивших клич в интернете, прошли акции «Две гвоздики товарищу Сталину», в результате чего его могила оказалась буквально затопленной морем цветов.

Никто из современных «идеологов» и «политологов», захвативших «ящик», не задается вопросом: за что же так любили и любят Иосифа Сталина – деспота, вампира и тирана, что после его смерти рыдала вся страна? По Хрущеву и по Ельцину почему-то никто не рыдал. Совсем напротив, крестились с облегчением.

В чем же секрет непреходящей популярности Сталина? В чем была тайна великих побед – от боевых до спортивных, – которые одерживал наш народ в те годы? И не полезнее ли нам сейчас, вместо проклятий советскому прошлому, задуматься о том, как и за счет чего государства добиваются величия или проваливаются в историческую пропасть? Как и почему обычные люди становятся героями, а в иных условиях – «поколением пепси», для которого главное – «взять от жизни все»?

Впрочем, такое случается иногда не только в одной стране, но даже в одной семье. И даже в семье великого вождя…

Для всех кто интересуется историей СССР, России, кому не безразлична судьба нашего Отечества новая книга Нелли Гореславской.

- Нелли Гореславская
  -
  - Их вырастил Сталин
    - А народ против
    - «У того, кто предал свое прошлое, нет будущего»
    - XX съезд и его отзвуки
    - «Революцию в белых перчатках делать нельзя…»
    - «Большевицкое руководство было неоднородно»
    - Троцкисты и сталинисты
    - «Военная тайна» Советской власти
    - «Вдруг почувствовали люди силу свою…»
    - «Жить стало лучше, жить стало веселей»
    - «Человек для нас самое дорогое…»
    - Когда одни становятся героями…
  - Васька Красный
    - Семья Сталина

- У семи нянек
- «Первым делом, первым делом самолеты…»
- «Вы заставляете нас летать на гробах»
- «Тыловая» работа
- Война и любовь
- Летчики – пилоты, бомбы – самолеты…
- Каким он парнем был
- После войны
- За что судили сына «Отца народов»
- Тюрьма
- Ссылка. Последний год жизни

○ Старший сын
- Като, мать Якова
- «Плохой» отец
- В отцовской семье
- Романы и жены
- Трагедия или предательство?
- Плен
- Гибель

○ Любимая дочь вождя, предавшая отца
- Ни счастья, ни покоя…
- «Пусть меня весь свет ненавидит, лишь бы меня любил папа»
- Счастливое детство… под колпаком
- Когда проходит детство
- Мужья и дети
- «Князь заморский»
- Беглянка

○ Послесловие
○ Литература

Нелли Гореславская
Иосиф Сталин. Отец народов и его дети

…И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна.

Свое будущее они будут строить на нашем прошлом…

И. В. Сталин

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие, есть первый признак дикости и безнравственности.

А. С. Пушкин

Если хочешь прочитать будущее, изучай прошлое.

Конфуций

© Н. Гореславская, 2011
© Книжный мир, 2011

Их вырастил Сталин

А народ против

Эта книга была начата задолго до объявления компании десталинизации нашего общества. Что ж, теперь, когда она провозглашена на государственном уровне, тема Сталина, нашего общества при нем, воспитания молодежи в те сталинские времена только стала еще более актуальной. Особенно после событий на Манежной площади. А прошедшие в день рождения и день смерти вождя акции «Две гвоздики товарищу Сталину», когда могила вождя утопала в море цветов, слишком очевидно показали разницу отношения к нему народа и власти. Кстати, хотелось бы господам, заговорившим о десталинизации, напомнить: нас пытались десталинизировать не раз. Тотально – как помним, в сорок первом. Так что дорожка протоптана. Самим Адольфом Алоизычем по фамилии Гитлер.

И преступником Сталина первым объявил отнюдь не господин Медведев. Тут даже Гитлер был не первым. Первыми стали Троцкий и его сподвижники. Что же касается Медведева, то, вообще-то, удивительно, почему для этого приговора ему, дипломированному юристу, никакие судебные разбирательства не потребовались. Удивляют и его заявления о том, что Великую Отечественную выиграл народ, а «не Сталин и даже не военачальники при всей важности того, чем они занимались».

Правда, спасибо, что пока нам позволено иметь другую точку зрения. «Каждый человек имеет право на собственные оценки. Другой вопрос, что такого рода личные оценки не должны влиять на государственные оценки. А я вам ещё раз их воспроизвёл», – добавил Дмитрий Медведев.

Ну, во-первых, насчет того, какие оценки считать государственными, можно поспорить. Если единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, как это сказано в Конституции РФ, то он свою оценку Сталину уже дал, и вовсе не ту, с которой выступает господин Медведев, призванный эту власть (то есть волю народа) осуществлять. А во-вторых, народу, в отличие от господина Медведева, никогда не приходило в голову отделять деятельность Верховного Главнокомандующего и других военачальников от своих, то есть народных, действий. Да, войну выиграл народ, но во главе со Сталиным и прочими командирами. Народ, опять же в отличие от не служившего в армии нынешнего Верховного Главнокомандующего, знает, что без командиров армии просто не существуют и, тем более, никогда не побеждают. Так, Александр Зиновьев, солдат Великой

Отечественной, ученый с мировым именем, яростный антисталинист в первую половину своей жизни, диссидент, высланный на Запад и вернувшийся, чтобы умереть в России, писал: «…И Великую Отечественную войну мы могли выиграть только благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю ее прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году…».

Такого же мнения были, как ни покажется это странным, и наши враги – те, которые вели против нас ту страшную войну. Риббентроп вспоминал: «В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил – в присущей ему манере – о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин – это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии – грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, – историческая личность совершенно огромного масштаба».

Но не будем спорить об очевидных для каждого адекватного человека вещах. Просто воспользуемся высочайшим разрешением на собственную точку зрения. Пока это разрешение еще дают. Задумаемся, в частности, над вопросом: в чем же была тайна тех великих побед – от боевых до спортивных, – которые одерживал наш народ в те годы? Кого растил и кого вырастил Сталин – на верность народу?

Граждан великой страны, первой в мире попытавшейся создать на своей территории справедливое общество без угнетателей и угнетенных? Граждан, которые, не щадя живота своего, вытащили эту страну из разрухи, отстроили, вооружили, отстояли от страшного врага, а потом восстановили после войны? Которые сделали ее великой державой, одной из двух сверхдержав мира, первой пославшей человека в космос?

Тогда почему вместе с ними выросли и те, которые эту страну

возненавидели и сделали все, чтобы ее разрушить? Так, чтобы она бесславно и кроваво развалилась на радость нашим геополитическим противникам и поборникам «общечеловеческих ценностей» в нашем собственном доме.

Их тоже вырастил Сталин? Или этих уже растил Хрущев, после смерти вождя предательски извративший наше героическое прошлое, представив его кровавым и позорным, заставившим содрогнуться все «цивилизованные» народы и отшатнуться в ужасе от того пути, которым мы вначале так уверенно шли вслед за Отцом народов в светлое будущее? А ведь до того редкий из приличных людей на Западе не называл себя «левым» и не считал своим долгом поддерживать Советский Союз чем только мог, вплоть до ядерных секретов. Однако и Хрущев не с Луны к нам свалился, он был одним из соратников вождя, его выдвиженцем, славившим его едва ли не больше всех остальных…

Уже не одно исследование написано на тему, кто виноват в случившемся: Сталин ли допустил концептуальную ошибку при строительстве нового общества, его соратники, которые после смерти вождя извратили и «исправили» на свой лад его планы и начинания, или козни мировой закулисы, которая не могла мириться с существованием государства с иным, чем на всей остальной территории планеты строем? На самом деле, очевидно, имели место все три фактора: и Сталин допускал ошибки, можно только спорить о их значимости, и «товарищи по партии» свое дело сделали, и мировая закулиса не дремала. Но не полезнее ли нам, вместо споров о том, кто виноват, постараться понять, в чем же была тайна великих побед и подумать о том хорошем, что было, что мы потеряли и что могло бы нам пригодиться в будущем?

Мне, выросшей в селе, наша страна сегодня напоминает поле, где вместе с культурными растениями всегда растут и сорняки, причем часто они бывают более жизнеспособными, крепкими и плодовитыми, чем их полезные и нужные обществу собратья. Поэтому человек ведет с сорняками борьбу: пропалывает, поливает гербицидами, – словом, уничтожает. Можно сказать, репрессирует. И если он эту борьбу ослабляет, то сорняки, заполонившие поле, уничтожают весь урожай. Наступает голод.

Великий агроном в свое время сумел на наших вроде бы не слишком плодородных нивах, в суровом природном климате вырастить урожай, потрясший весь мир своим богатством и своими уникальными качествами – крепостью и стойкостью, способностью к выживанию в самых неблагоприятных, жестоких условиях, к восстановлению после страшных бурь и невзгод. Однако после его смерти все секреты, позволившие добиться

небывалых результатов, оказались то ли потеряны, то ли спрятаны, то ли сознательно искажены и подменены, и нива, еще недавно радующая глаз своей красотой и изобилием, стала жухнуть, подгнивать и вырождаться, а поле поросло быльем и чертополохом.

И вот уже вездесущие коробейники на всех перекрестках кричат, что так и было всегда, что на наших землях сроду ничего мало-мальски съедобного и полезного для жизни не росло, и растить что-то здесь невыгодно – климат не тот. Да и зачем растить, мучиться, надрываться, если у них, коробейников, можно все купить незадорого – и бусы, и бананы, и «ножки Буша», и спирт «Ройаль», а также советников всех мастей, оптом и в розницу, как создать поле невиданной цивилизованности на широких российских просторах.

Ох, как понравилось это вначале почти всем! С каким благоговением прислушивались к словам заморских «гуру»! Редко у кого появлялось опасение, что коробейники могут так повысить цены, что товары их станут недоступными, что за долги они будут вправе отобрать и дом, и сад, и последнюю рубашку. Но «процесс пошел». И, когда очнулись, стало поздно. Вдобавок оказалось, что товар-то заморский лежалый – с душком и гнилью, с вредными добавками, генно-модифицированный и безвкусный, может быть, даже опасный для жизни, не говоря уж о здоровье.

Что ж делать-то? Возможно ли снова вырастить свою собственную жизнеспособную и жизнеспасительную ниву?

Причем все более понятно, что не поможет нам в этом ни Запад, ни Восток – не выгодно им это, к тому же и сами-то мы – не европейцы, не американцы и совсем не китайцы. Поэтому некуда нам обратиться за ответом и опытом, кроме как к собственному прошлому, которое, чем больше проходит времени, тем кажется все более величественным и почти необъяснимо чудесным. В самом деле, ведь Сталин тоже принял страну не в лучшем состоянии – разоренную братоубийственной войной, умиравшую от голода и холода, в тифозных вшах и разрухе. К тому же не было у него тогда и власти единоличной и безусловной, а была, напротив, сильнейшая оппозиция в лице Троцкого и его сторонников и других скрытых и явных противников нового строя и нового общества.

И все же тогда удалось выстроить державу, которая победила сильнейшего врага, создала передовую науку, вырастила множество талантов, восхищавших весь мир, первой вышла в космос!

Каким образом? За счет чего?

«У того, кто предал свое прошлое, нет будущего»

Так гласит восточная мудрость, перекликаясь с одной из заповедей Божьих: «Почитай отца своего и матерь свою, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты долго жил на земле». Потому что наше прошлое – это их, наших родителей, жизнь. Проклиная свое прошлое, отрекаясь от него, мы, по сути, обесцениваем эту жизнь, обесцениваем дела наших отцов и матерей, их мечты и стремления, их подвиги по имя нашего счастливого будущего.

Выходит, забыли мы Христову заповедь, несмотря на демонстративное, во главе с руководителями страны, возвращение к православию? Впрочем, что говорить о нас, если пастыри православные сами наше прошлое хулят так, что лишь брызги летят с разгоряченных уст. Если уже договорились до реабилитации Власова, который встал на сторону страшнейшего врага, с которым воевали не на жизнь, а на смерть наши отцы и деды. Впрочем, это закономерно: если власовский триколор, 65 лет тому назад считавшийся символом предательства, на Параде Победы брошенный в числе вражеских знамен к мавзолею, теперь развевается над Кремлем, – то может ли быть иначе? А то, что священнослужители ни о Христовых заповедях, ни о приличиях, витийствуя на телеэкранах, видимо, совсем не вспоминают, как не вспоминают и о своем народе, который при «безбожном» строе плодился и размножался, а нынче мрет, словно от моровой язвы, так это объяснимо – слаб человек. В самом деле, Бог далеко, а власть со своими «государственными» оценками здесь, рядом.

Потому и не вспоминают практически никогда ни служители церкви, ни политические деятели, ни работники пера и экрана о том, что Сталина называли Отцом народа. Не все, скажут, называли. Не все, но подавляющее большинство, причем абсолютно искренне.

Кажется, никто из современных «идеологов» и «политологов», захвативших «ящик», не задается вопросом: за что же так любили деспота, вампира и тирана, что после его смерти рыдала вся страна? А ведь народное горе невозможно сыграть или изобразить. Можно заставить себя бояться, можно заставить даже уважать, но нельзя заставить себя любить. Причем даже телевизора не было в то время, чтобы часами нагнетать соответствующее моменту настроение. А вот потом ТВ появилось и на всю катушку использовалось в этом смысле, но ни по Хрущеву, ни по Брежневу почему-то никто не рыдал. Совсем

напротив, крестились с облегчением. Правда, к Леониду Ильичу ни ненависти, ни злобных чувств, в отличие от Хрущева, народ не испытывал, просто смотреть на превратившегося в дряхлую развалину руководителя великой еще в то время страны стало уже невмоготу.

А вот на Сталина смотрели по-другому. Помню, что во времена моего раннего детства во многих домах висели его портреты, иногда даже среди семейных фотографий, которые украшали тогда переднюю стенку деревенских изб. Портреты, конечно, громко сказано – обычно это были вырезанные из газет или журналов его небольшие снимки. (Потом, после пресловутого XX съезда, а особенно после снятия Хрущева они перекочевали на лобовые стекла машин – так еще вполне молодые и полные в те времена сил фронтовики молча, но настойчиво требовали от власти восстановить попранную Хрущевым историческую справедливость. Но не дождались.) Мало кому почему-то приходило в голову поместить среди семейных фотографий фото Ленина, тем более руководителей, пришедших после Сталина, а вот его портреты висели повсеместно. Чеканные черты строгого лица с красивыми усами. Да, это было лицо Отца, строгого, даже сурового, жесткого, порой, может быть, и несправедливого – ведь не Бог же он, а человек, который тоже ошибается.

Но от него исходила надежность и сила. С ним были не страшны никакие несчастья и невзгоды, никакие трудности. Напротив – была твердая уверенность, что с ним мы не пропадем: с ним мы выйдем из любой передряги, он не выдаст, не сдаст страну никакому врагу, не «сольет» за дружеское похлопывание по плечу или гамбургеры никакому новоявленному «другу», он не уступит ни пяди территории, ни грана нашего достояния. И никому не позволит такое сделать. За это – главное! – можно простить, забыть и несправедливость, и ошибки.

Мало того – у такого отца и дети должны быть его достойны. Должны быть на него похожи. Должны быть такими же сильными и волевыми. Помните: «Когда страна прикажет стать героем, у нас героем становится любой». И они становились героями – Стахановы, Ангелины, Чкаловы, Байдуковы. За ними появились другие – Талалихины, Матросовы, Космодемьянские… Они действительно верили, что им «…нет преград ни в море, ни на суше», что им «не страшны, ни льды, ни облака», что они рождены, «чтоб сказку сделать былью». И что жить надо по заповеди: «раньше думай о Родине, а потом о себе». Жить надо так, чтобы было за что умирать. Так и жили. И страна, поставленная на дыбы революцией, взнузданная Героями, пробежала за десять лет тот исторический промежуток, который

другим покорялся за сто, а потом одержала победу в страшнейшей битве против сил всей соединенной Европы, за пятилетку восстановилась из разрухи и стала одной из двух сверхдержав мира, достигнув пика своего исторического развития.

В какой еще стране вождя, под чьим руководством она этого пика своего развития достигла, так проклинают и поливают грязью? Только в нашей. «Мертвые сраму не имут», имут его живые – мы. И мы его имем, имеем полной мерой на потеху и злорадство всего мира. Мы, зашедшие вместо светлого будущего в тупик, не понимающие, что же мы строим, куда идем, чего хотим в конце концов добиться.

Собственно говоря, иначе сегодня и быть не может, поскольку не проклинать прошлое наши записные идеологи не могут. Иначе придется признать, что тот строй, от которого мы с таким воодушевлением отказались, был, при всех его недостатках (а без недостатков ничего не бывает на нашей грешной земле), лучше для страны и для народа: он позволял стране развиваться без кризисов, безработицы, инфляции и без оглядки на «вашингтонский обком» и «цивилизованный запад», а народу – не так уж плохо жить, расти и множиться. И главное – быть уверенным в завтрашнем дне.

Но если это признать, то надо возвращаться, пусть с поправками и коррективами, к тому, от чего мы ушли. А значит – надо снова национализировать все богатства страны, отобрать ушедшее в алчные загребущие ручонки нынешних «хозяев жизни» государственное общенародное имущество, наше общее богатство, данное нам Богом и созданное общим трудом наших отцов и дедов и сегодняшних пенсионеров – недра и землю, заводы и фабрики, газеты и пароходы. Нет, не для того, чтобы взять и поделить – это они, новоявленные нувориши, делили и растаскивали по своим карманам то, что принадлежало всем, что входило в неделимую общенародную собственность, – а чтобы вновь превратить в общенародное достояние.

Но прекратить этот захватывающий процесс для них, наших «хозяев жизни», хуже смерти! Поэтому, чтобы не допустить такого развития событий, надо представлять наше прошлое, тот семидесятилетний социалистический эксперимент сплошным кошмаром, черной дырой истории, в которой были лишь репрессии невиновных, лагеря и бессудные казни, дикая нищета и рабский труд. А человека, стоявшего во главе того великого, уничтоженного сейчас государства, изображать чудовищем, сатрапом и монстром – прямо-таки средоточием всемирного зла. Что и делают прикормленные олигархической верхушкой

журналисты, историки, кинематографисты – несть им числа… А одурманенный дружным хором этих «творческих личностей» народ, потеряв уже всякие ориентиры, потеряв надежду на лучшую жизнь и веру хоть в какую-то справедливость, просто спивается и вымирает – едва ли не по миллиону в год, как говорит даже официальная статистика.

Есть и еще одна причина для того, чтобы делать Сталина воплощением мирового зла – русский народ, как верно заметил Гитлер, становится непобедимым, если у него есть лидер, вождь, авторитет которого безусловен. Если же нет вождя, если некому и не в кого верить, не за кем идти, нас можно брать голыми руками, такая вот национальная особенность. Поэтому задача-максимум – уничтожить не только вождя и его авторитет, но и мысли о подобном, скомпрометировать саму идею лидера, подставив вместо нее пугало «культа личности». Что и было сделано в свое время, спасибо сталинским «соратникам» – Хрущеву и его предтечам, поскольку борьба со сталинским авторитетом началась даже не на XX съезде, а сразу после его смерти, когда главным человеком в стране еще был Берия, а рядом с ним стояли Маленков, Молотов, Булганин и другие товарищи.

Как писал в свое время в газете палестинских патриотов «Аль-Кодс» Алексей Балиев, «В 1955 году всевозможные публикации насчет преодоления ошибок «периода культа личности» и важности «коллективного, ленинского руководства» становились в СССР уже традиционными. Еще в 1954 году были отменены Сталинские премии за укрепление мира и дружбы между народами и в области литературы, искусства и науки. И уже с мая 1953 года прекратилось издание произведений Сталина…»

Это не говорит о том, что Берия, Маленков, Молотов и другие тоже были врагами народа. Нет, они лишь хотели, видимо, во-первых, подправить, подкорректировать направление развития государства в том, в чем были не согласны со Сталиным, во-вторых, им это виделось способом укрепления собственного авторитета и удержания власти. Но и тут они, как оказалось, просчитались.

XX съезд и его отзвуки

Между прочим, моему отцу в свое время тоже пришлось принять участие в разоблачении «культа личности». После окончания института его как отличника, фронтовика и молодого коммуниста, вступившего в партию на фронте, взяли на работу в обком, конечно, на самую маленькую должность, кажется, инструктором в сельхозотдел. Мы переехали в областной центр, но прожили там недолго, потому что вскоре отца в составе так называемых «тридцатипятитысячников» отправили «усиливать партработу на селе». Село было большое, фабричное, по тем меркам богатое. Это уже шел год знаменитого XX-го съезда, и отцу, естественно, надо было «проводить разъяснительную работу по решениям партсъезда на низовом уровне». Проводил он ее оригинально, это вообще было его любимое слово и любимый подход к делу. Он приглашал мужиков к нам домой и вел свои беседы с ними за столом с бутылкой водки и нехитрой закуской. А я слушала их споры, сидя за уроками в соседней комнате, я уже была большая, училась в первом классе. Конечно, я понимала, о чем идет речь, только упрощенно: отец, разъясняя доклад Хрущева, говорил о преступлениях Сталина, а мужики, ожесточенно дымя своими цигарками с махоркой и самосадом, с ним спорили и не соглашались.

Я не помню, сколько раз они собирались – село, как уже сказано, было большое, мужики приходили разные, в том числе и беспартийные, приходили и по второму разу, не доспорив, видимо, в предыдущий. Но ни один из них с отцом так и не согласился. Ни разу и ни в чем. Нет, отца мужики уважали – он был такой же крестьянский сын, такой же фронтовик, как и они, к тому же ученый и грамотный. Но Сталина не сдал никто. Ни один человек. Это вам не Политбюро и не Пленум ЦК, это были простые сельские мужики, они не боялись отставки, потери высокой должности, карьеры, почему-то не боялись никаких лагерей и посадок за «не ту позицию» и безбоязненно говорили то, что думали и в чем были уверены.

Я очень любила отца – он был для меня самый сильный, самый умный, самый красивый и бесстрашный, самый-самый… С ним было надежно и не страшно даже в грозу. Но тут я поняла: он, мой любимый отец, не прав, правы мужики. Не потому, что их много, а он один, а… потому что правы. Почему – объяснить я бы не смогла, но ощущение, что правда на их стороне, было сильным.

Отец вскоре ушел с партийной работы на хозяйственную, его

дружно избрали председателем колхоза, где он и проработал много лет, пока не поссорился с местным начальством и резко не сменил род деятельности, уйдя при этом в прямое подчинение Москве. Но до тех пор ему «на собственной шкуре» пришлось вынести все дурацкие, бесконечные хрущевские эксперименты, больше всего ударившие именно по селу: все эти укрупнения и разукрупнения, когда колхоз то становился, по его словам, «величиной со Швейцарию», то возвращался почти к прежним размерам; превращение колхозов в совхозы и обратно; ликвидацию МТС, кукурузную кампанию… Наконец, обрезание приусадебных участков и ликвидацию личного стада, за что Хрущева крестьяне просто возненавидели. Это творческая интеллигенция могла к нему относиться двойственно, порицая за отношение к «авангардистам» и прославляя за разоблачение «культа личности», а на селе я за все детство не слышала ни разу, чтобы кто-то называл его Никитой Сергеевичем, тем более «дорогим», только – «Хрущ», «кукурузник», «толстый боров» и «лысый черт». «Лояльнее» всех относился к нему отец, называя его с уничижительной усмешкой «Микиткой». И никак иначе. Интересно, знал ли он, что так же нередко называл Хрущева и Сталин? Вряд ли. В те годы о подробностях жизни больших людей книг не писали.

Со временем, когда моего родного отца давно уже не было в живых, а во время перестройки началась очередная антисталинская кампания, заставив нас снова переосмыслить наше прошлое, я поняла, что на самом-то деле отец у меня был ярко выраженным сталинистом. Рассматривая его фотографию в молодости, я с удивлением увидела, что он – светловолосый, синеглазый, с мягкими чертами округлого, типично славянского лица – тоже подобие Сталина. И дело не только в прическе под вождя – дело в выражении лица, волевом и решительном, во взгляде, бесстрашном и победительном. И характер был соответствующий, его даже и называли в колхозе не иначе как «Сам» или «Хозяин». Как того, самого главного «Хозяина», хотя время было уже давно послесталинское. Однако молодость-то его, появившегося на свет в далеком 1925-м, проходила в сталинские годы, и отец мой, как и все его сверстники и старшие братья, делал себя под него, под вождя. Они были воспитаны тем временем, пропитаны его духом.

Но искренне ли он вел тогда свою «разъяснительную работу»? Думаю, что искренне, испытав, как и все, огромное потрясение от разоблачений «чудовищных преступлений сталинского режима». Изменил ли он потом свое отношение к Сталину? Не знаю, отец рано умер от рака, возникшего на месте страшного осколочного

ранения. Поговорить с ним на эту тему я не успела.

Между прочим, мои детские воспоминания и ощущения по поводу Хрущева подкрепляет своими словами известный «шестидесятник» Владимир Буковский, который пишет: «Конечно, после того шока, который дало нам всем разоблачение Сталина, ни один коммунистический вождь никогда уже любим народом не будет и ничего, кроме насмешек и анекдотов, не заслужит. Но никто, видимо, и не вызовет столь единодушной и лютой ненависти, как Хрущёв. Всё раздражало в нём людей. И его неумение говорить, неграмотность, и его толстая ухмыляющаяся рожа – кругом недород, нехватка продуктов, а он ухмыляется, нашёл время веселиться! До него тоже бывал голод, была безысходность, но была вера в усатого бога, которая заслоняла всё. Он отнял эту веру… и вся горечь, вся ненависть, вызванная смертью бога, обрушилась на Хрущёва. Лишив людей иллюзий… он тотчас же оказался для всех виновен».

Не прав Буковский, думается, только в том, что не иллюзий лишил людей Хрущев, а веры во власть, которой с тех пор действительно не стало. И второе, не менее важное – не толстая рожа и не неумение говорить раздражало людей, нередко Хрущев был вполне по-народному красноречив. Его не столько даже ненавидели, сколько презирали – за предательство. Это теперь у нас предательство стало едва ли не нормой жизни, и власовский флаг над Кремлем говорит об этом сильнее всего, а в ту пору, когда главную роль везде играли еще молодые и сильные фронтовики, предательство считалось самым позорным из пороков.

…Еще раз имя Сталина коснулось моей жизни уже в начале семидесятых, когда я училась на последних курсах факультета журналистики МГУ. У меня был приятель, работавший в «Комсомольской правде», к которому я частенько забегала. Однажды при мне в его кабинет зашел руководитель отдела.

– Послушай, девочка, я хочу с тобой поговорить, – вдруг обратился он ко мне. – Ты давно к нам забегаешь, мы давно тебя наблюдаем, и ты нам очень нравишься. Ты хочешь пойти к нам работать?

Это был шок. Меня, провинциальную девчонку, еще студентку, еще никак себя не проявившую на ниве современной журналистики, спрашивают, хочу ли я пойти работать в самую популярную и известную газету страны? Уж не сон ли мне снится? Может ли быть такое наяву? Или меня разыгрывают? Слава Богу, за годы учебы в МГУ я уже поняла, что творческие люди большие любители розыгрышей. Как же это выяснить? И я попыталась сделать робкую попытку.

– Да, конечно, – пролепетала я. – Но вы же не знаете, подхожу ли я вам. Может быть, вам не понравится, как я пишу…

– Для нас это и не важно, – со снисходительным высокомерием прервал меня мой собеседник. – Писать у нас есть кому. Для нас важно, чтобы человек был «наш».

Я вытаращила глаза. Вот уж не догадывалась, что при поступлении на работу в такую газету будут не важны профессиональные навыки и способности.

– А лакмусовая бумажка, – продолжал заведующий отделом комсомольской жизни, – отношение к Сталину. Так как ты относишься к Сталину?

Мне очень хотелось работать в «Комсомолке». Но я не была «их» человеком, как-то сразу я это поняла. И врать не умела, да и не хотелось. Поэтому постаралась ответить обтекаемо, хотя вполне честно.

– Я пока не определилась. Ведь в ту эпоху было много всего, и хорошего и плохого.

– Что?! – голос моего собеседника взвился, зазвенев от «праведного гнева». – Двадцать миллионов расстрелянных и погибших в лагерях, а она не определилась?! Да у тебя, дорогая, нет элементарного нравственного чувства! – И он выскочил из кабинета, раздраженно бабахнув дверью.

Больше в «Комсомолку» я не ходила. Дружба с приятелем сама собой сошла на нет. (Только после 90-х мне стало понятно, в какую клоаку я могла бы попасть, если бы «все срослось». Какое счастье, что этого не случилось!) А интерес к Сталину и той эпохе с тех пор стал особо острым и пристрастным.

– Двадцать миллионов репрессированных? А почему не сорок? Чего мелочиться-то? – возмутилась моя подруга, которой я, оскорбленная до глубины души обвинением в безнравственности, приехав в общежитие, рассказала о произошедшем. (В наше время это число, как мы знаем, доходит временами и до сорока, и до шестидесяти, и даже до ста миллионов. Мелочиться давно перестали). – Ты только подумай: на войне, где каждый день били пушки и стреляли пулеметы, тоже погибло двадцать миллионов. Так в твоей семье сколько на войне родственников погибло? Два дяди, и отец был страшно ранен. И у меня два дяди погибло. И так в каждой семье, кого ни возьми. А репрессированные у тебя в семье есть? Нет? И у меня нет, и знакомых таких не знаю. Откуда же двадцать миллионов? Ведь там, в лагерях, люди не воевали, а работали. Пусть в тяжких условиях, пусть их плохо кормили, но пулеметы-то не стреляли!

Ей, моей подруге по факультету, уже тогда все было ясно – ее еще на школьной скамье просветила по этому поводу другая

подруга, более старшая, тоже потерявшая двух «дядьёв», только во время «красного» революционного террора, когда зверствовала та самая «ленинская гвардия», которую в основном и репрессировали в пресловутом 37-м.

Но на всякий случай мы решили во время каникул провести свое собственное расследование и порасспрашивать родственников и знакомых о репрессированных – может быть, их было много и среди «простого народа», но о них нам не рассказывали? Провели. Поспрашивали. Подруга не нашли никого, мне моя тетка рассказала об одном мужичке из Плеса, который не давал житья местным начальникам, постоянно критикуя их за головотяпство, дурость и корыстолюбие.

– Вот они его и засадили, чтобы он им жить не мешал, – рассказала мне тетя. – Боевой слишком был, принципиальный. Только при чем тут Сталин? Разве он им такой приказ дал? Мог ли он знать, что в такой огромной стране разные начальнички вытворяют? Подозревал, конечно, и за это многих из них наказывал, а они наказывали тех, кто им был неугоден или мешал. Нет, дочка, мы тогда жили и мы знаем, что тогда было, нас не обманешь…

Кстати, моего знакомца из старой «Комсомолки», так лихо давшего мне отпор и урок в те далекие 70-е, я не так давно увидела по телевизору в передаче Татьяны Малкиной, где речь шла об отношении к нынешним богатым нуворишам. Жив, курилка, и даже неплохо выглядит, руководит каким-то гламурным женским журналом с английским названием. Что ж, идеологические битвы позади, победа за ними (и тут уж действительно вопреки Сталину), пора и об обеспеченной старости подумать, а в наше время журналы с бабскими сплетнями дохода приносят несравненно больше, чем с обрыдшей всем либерально-демократической демагогией. Что же касается английского названия, так теперь это язык новой «элиты», каким был в свое время французский для русских бар. Не «Ярославной» же, в самом деле, называть журнал для «рублевских» жен.

Но не о нем, одном из маленьких, однако многочисленных подвижников и деятелей, готовивших и совершавших нашу «катастройку», здесь речь. Речь о том, почему эти деятели появились в стране в то время, когда она достигла пика своего могущества за всю её большую историю, став второй державой в мире, а по каким-то показателям и первой. Или это случилось раньше? И почему, за что они ее так возненавидели, что решили уничтожить? Не повторяется ли это с Россией?

И не пора ли нам, вместо проклятий «проклятому советскому прошлому», задуматься наконец о том, как и за счет чего

государства добиваются величия или проваливаются в историческую пропасть? Как и почему обычные люди становятся героями, а в иных условиях – «поколением пепси», для которого главное – «не дать себе засохнуть»? И вспомнить, что героями этими становились не древнегреческие боги, а наши же родители! Что же давало им силу, за счет чего они одерживали великие победы и совершали подвиги?

Ну не страх же, в самом деле, не репрессии…

«Революцию в белых перчатках делать нельзя…»

Стоит лишь посмотреть старую хронику – съемки с первомайских парадов 30-х годов, на которых красивые, крепкие, пышущие здоровьем девушки-физкультурницы демонстрировали праздничные спортивные выступления, наподобие тех, что сейчас устраиваются перед Олимпиадами. Глядя на лучащиеся радостью счастливые лица этих девушек, невозможно поверить, что они чего-то боятся или лишь изображают то, что должны, потому что так изображать радость невозможно. Во всяком случае, русские так не умеют – не американцы, знаете ли. Им, чтобы так улыбаться, надо по-настоящему испытывать и радость и счастье.

Чему же они так радовались в разгар тех «чудовищных» репрессий, о которых нам не устают рассказывать, вставляя обязательные сцены и рассказы о них в любой фильм о том тридцатилетии, когда во главе страны стоял Сталин? Ведь все это происходило на их глазах, отчеты о процессах печатались в газетах, передавались по радио, а они сами на митингах дружно выступали за самое жестокое наказание обвиняемых, почему-то не думая, что завтра «топор страшных репрессий» нависнет и над ними. Почему-то были уверены, что над ними не нависнет. И об этом говорит не только наше студенческое самодеятельное исследование, но и статистика – репрессировали в подавляющем большинстве, как известно, элиту и ее обслугу из числа деятелей культуры, искусства и СМИ, до народа иногда долетали лишь «щепки».

Но, глядя на элиту сегодняшнюю, предающую и продающую оптом и в розницу все, что можно и нельзя, грабящую и терзающую народ, уничтожающую, по сути, страну, невозможно отделаться от кощунственной мысли: а стоит ли сожалений такая «элита»? Стали бы мы сегодня горевать, если бы все эти Абрамовичи, Вексельберги, Дерипаски, Гайдаро-Чубайсы и Грефо-Кудрины и их более мелкая, но не менее паразитическая поросль, а также их теле-радио-журнальная гламурная обслуга были отправлены в столыпинских вагонах на Колыму? Как ни чудовищно звучит этот вопрос для нашей «элиты», для народа он риторический – народ был бы счастлив и так же воодушевлен, как те красивые девушки и спортивные юноши на сталинских парадах. Народ бы воспринял это как восстановление исторической справедливости, как долгожданное возмездие за все, что они сделали со страной и с нами, и как «бич Божий»,

ударивший наконец по тем, кто это давно заслужил.

Но можно ли сравнить нашу «элиту», скажете вы, с той, революционной «ленинской гвардией», которая сражалась не за свои богатства, а за благо трудового народа, которая и осуществила революцию? Безусловно, та, революционная элита была много умнее, энергичнее и деятельнее, дееспособнее нынешней. Но вот по отношению к народу и его благу…

Тут невольно вспоминаются слова о «красном терроре», которые с таким восторгом произносил один из главных деятелей революции Лев Троцкий, считавший, что террор является важнейшим средством и оружием революционеров.

«Революцию, товарищи, революцию социальную такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя! Прежде всего это нам доказывает пример Великой Французской революции, которую мы ни на минуту не должны забывать.

Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов. А это часто заменяло им и собственный ум, и способности.

Что можем противопоставить этому мы? Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, – только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти.

Предупредить, подорвать возможность противодействия – в этом и заключается задача террора…

Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения, – продолжает спокойным, академическим тоном оратор. – Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов: ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой. Будучи изолированными политически, они поневоле будут нейтральны.

Патриотизм, любовь к родине, к своему народу, к

окружающим, далеким и близким, к живущим именно в этот момент, к жаждущим счастья малого, незаметного, самопожертвование, героизм – какую ценность представляют из себя все эти слова-пустышки перед подобной программой, которая уже осуществляется и бескомпромиссно проводится в жизнь!»

Эти слова Троцкого, услышанные на собрании партийного актива в Курске, проводившегося как раз в связи с приездом в город этого вождя революции, приводит в своих записках белоэмигрант А. Л. Ратиев.

В другом месте Лев Давыдович сделал еще более поразительное и чудовищное заявление: «Если в итоге революции 90 % русского народа погибнет, но хоть 10 % останется живым и пойдет по нашему пути, – мы будем считать, что опыт построения коммунизма оправдал себя».

Не отставали от Троцкого в революционной беспощадности и некоторые другие деятели революции. «Не ищите на следствии доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого». «Если можно обвинить в чем-нибудь ЧК, то не в излишней ревности к расстрелам, а в недостаточности применения высшей меры наказания», – учил, например, своих сотрудников М. Лацис, помощник председателя ВЧК Ф. Дзержинского.

Удивительно ли, что в середине тридцатых годов, когда память о революционном беспределе двадцатых была еще свежа, когда знали еще поименно и тех, кто этот беспредел творил, с таким восторгом и одобрением воспринимались сталинские чистки, уничтожавшие этих «революционных гвардейцев», которых теперь принято считать «невинно пострадавшими»? Пусть их судили вроде бы не за то – не за террор против народа и издевательство над ним, а за шпионаж и предательство (но разве не объясняет одно другого?), – воспринимались эти процессы все равно как восстановление справедливости, как возмездие. Так, старый революционер, а затем эмигрант, не принявший Октябрьскую революцию, Владимир Львович Бурцев писал во время процессов 1936–1938 годов: «Все радовались, что наконец-то казнены эти палачи, и были счастливы, что могут открыто, на площадях и на собраниях кричать анафему казненным, о которых они до сих пор принуждены были молчать. Мы с полным правом можем сказать в защиту Сталина, что в бывших троцкистско-зиновьевских-бухаринских процессах он не проявил никакого

особенного зверства, какого все большевики, в том числе и сами ныне казненные Зиновьев, Бухарин, Пятаков не делали раньше – все время после 1917 года со своими врагами – небольшевиками».

Однако, конечно же, не репрессиям радовалась молодежь, хотя без них, опять же, как кощунственно бы это ни звучало, не было бы того ощущения справедливости новой жизни, о котором писала почему-то именно в тридцатые, а не в двадцатые годы Мариэтта Шагинян, непосредственная участница тех событий: «Есть на языке человечества не то медицинское, не то психологическое или философское слово – эйфория. Оно говорит о полном, лишенном всяких других оттенков, чувстве освобождения, совершенной легкости – словно чьи-то тяжелые лапы вдруг сняты с твоих плеч, и тебя не покидает пронизывающее ощущение свободы, обретенного счастья. Вот так было пережито мною и моим поколением единомышленников чудо Октябрьской революции».

И теперь можно было с открытым сердцем радоваться новой жизни, в которой они могли участвовать в парадах и праздниках, учиться в школах, на рабфаках и в университетах, петь, танцевать, ставить спектакли, заниматься спортом в многочисленных кружках, студиях и секциях. Делать все то, о чем раньше им, детям простого народа, не приходилось и мечтать.

«Большевицкое руководство было неоднородно»

Чтобы понять их чувства, стоит вспомнить то время, когда Сталин принял страну от тех, чьи внуки и идеологические наследники ныне входят в состав нашей правящей верхушки, занимая практически все посты в политическом и экономическом пространстве сегодняшней России.

К 1921 году Россия буквально лежала в руинах. От бывшей Российской империи отошли территории Польши, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы, Западной Украины, Белоруссии, Карской области (в Армении) и Бессарабии. Во время военных действий особенно пострадали Донбасс, Бакинский нефтяной район, Урал и Сибирь, были разрушены многие шахты и рудники. Из-за нехватки топлива и сырья останавливались заводы. Рабочие были вынуждены покидать города и уезжать в деревню. В общем уровень промышленности сократился в 5 раз. Оборудование давно не обновлялось. Металлургия производила столько металла, сколько его выплавляли при Петре I.

Сельское производство сократилось на 40 % Почти вся имперская интеллигенция была уничтожена. Оставшиеся в срочном порядке эмигрировали, чтобы избежать этой участи. В ходе гражданской войны от голода, болезней, террора и в боях погибло (по различным данным) от 8 до 13 млн человек, в том числе около 1 млн бойцов Красной Армии. Эмигрировало из страны до 2 млн человек. Резко увеличилось число беспризорных детей после Первой мировой и Гражданской войн. По одним данным в 1921 году в России насчитывалось 4,5 млн беспризорников, по другим – в 1922 году было 7 млн беспризорников. Ущерб народному хозяйству составил около 50 млрд золотых руб., промышленное производство упало до 4–20 % от уровня 1913 года.

По подсчётам специалистов, численность населения на оставшихся территориях едва дотягивала до 135 миллионов человек. Потери на этих территориях в результате войн, эпидемий, эмиграции, сокращения рождаемости составили с 1914 года не менее 25 миллионов человек. В их число, безусловно, следует включить и жертв так называемого «красного террора», воспеваемого Троцким и его сторонниками.

Сравните эти цифры потерь в результате Гражданской войны и революции (по материалам Википедии) с масштабами сталинских репрессий: по данным Государственного архива

Российской Федерации (ГАРФ), чьи фонды содержат документы внутренней отчетности карательных органов перед высшим руководством страны, за время с 1921 года по 1953 год (то есть за 32 года!) за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания – 642 980 человек, к содержанию в тюрьмах и лагерях на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220, в ссылку и высылку – 765 180 человек. Это данные из справки, представленной Хрущеву 1 февраля 1954 года. Она была подписана Генеральным прокурором Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным. Причем данные, приводятся, как видите, с 1921 года, когда во главе руководства страны еще стоял Ленин, а рядом с ним Троцкий, на долю которых стоило бы отнести значительное число из этих жертв. Тем не менее, это точное количество лиц, пострадавших от политических репрессий и во время «сталинизма», и в период нэпа. Приуменьшать масштабы репрессий ежовско-бериевские «монстры» были не заинтересованы – материалы не предназначались для широкой публики.

С приведенными данными о людских потерях и развале экономики страны во время Гражданской войны согласны и зарубежные исследователи. Как считает американский историк Хилари Пилкингтон, «в 20-х гг. после Первой мировой и Гражданской войн, голода в деревнях и полного разрушения экономики все общество находилось на грани развала. Население перемещалось из одной части страны в другую, люди искали, где им легче выжить: из деревни бежали в города, потом назад в деревни, потом обратно. Беспризорники объездили, исколесили всю страну. Безработица, проституция, пьянство, в целом преступность невероятно выросли». (Лекция доктора Хилари Пилкингтон в Ульяновском филиале МГУ для студентов-социологов в ноябре 1995 года).

Мало того, ущерб, нанесенный экономике и хозяйству, заключался не только в разрушенных заводах и шахтах, но и в вывозе из страны огромного количества всевозможных ценностей.

Сейчас появилось множество книг и исторических исследований, в которых весьма убедительно, с помощью документов и фактов, доказывается, что вся революция была ничем иным, как геополитическим заговором международного финансового капитала с целью подчинения им России и захвата ее богатств.

Об этом сегодня спорят между собой так называемые «красные» и «белые», причем стоят и те и другие на самых радикальных позициях: если для одних революция 1917 года –

однозначно великое и светлое событие нашей истории, то для других – трагедия, обернувшаяся кровавым кошмаром. И трагедию эту, как они доказывают, готовили на чужие деньги, причем главную роль в организации сыграли международная масонерия и международный же торгово-промышленный капитал с единственной целью – сделать Россию территорией собственной добычи. Причем революцию финансировали не только деятели из немецкого генерального штаба, но и «акулы Уолл-Стрита», чтобы потом вернуть вложенное сторицей. (Так, внук известного американского банкира Якоба Шиффа оценил затраты своего деда на революцию в России в сумму около 20 миллионов долларов). И, видимо, вернули.

На сей счет основатель издательства «Русская идея» Михаил Назаров приводит следующие факты: «Российские ценности, как пишет проф. Саттон, шли за границу целыми пароходами. Газета “Нью-Йорк Таймс” сообщала, например, что только за первые восемь месяцев 1921 г. США импортировали золота на 460 миллионов долларов, из них 102,9 миллионов приходятся на фирму, основанную Шиффом “Кун, Леб и Ко.” Однако из России – “величайшего военного трофея, который когда-либо знал мир” (так Россия была названа в меморандуме 1918 г. финансиста У. Б. Томпсона Ллойд Джорджу о необходимости поддержки большевиков) – поток золота был наиболее мощным, учитывая, что оно декларировалось как привозимое из Швеции. Франции, Голландии и других стран, – так как прямые поставки золота в США от большевиков осложнялись из-за их дипломатического непризнания.

В документах проф. Саттона показано, что Госдепартамент нашел для этого удобную уловку, допуская возможность “незнания”(!) американскими фирмами советского происхождения ввозимых ценностей. Однако американские газеты не раз описывали (как и проф. Саттон) механизм “отмывания” награбленного большевиками золота: оно переплавлялось в Скандинавии и ввозилось в США с новыми клеймами. В частности, “директор шведского Монетного двора заявил, что в этом году [то есть с 1.1. по 22.4.1921. – М.Н] они переплавили 70 тонн золота стоимостью около 42 миллиона долларов США, и большая часть этого золота ушла в США в уплату за товары. На переплавленное золото ставились клейма шведского Монетного двора. Количество большевицкого золота, находящегося в настоящее время в стокгольмских банках, оценивается в сумму более 120 миллионов долларов США”, – сообщил он.

Не случайно именно в 1921 г., с началом советского нэпа,

золото хлынуло в США небывалым потоком. “Нью-Йорк Таймс” выносит на первую полосу заголовок “Золотой потоп в Пробирной палате” и сообщает: “В результате непрерывного потока золота со всех краев земли, сейфы правительственной Пробирной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах, в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации…”. В итоге, если в 1913 г. золотой запас США составлял 1,9 миллиарда долларов, то в 1927 г. он увеличился до 4 миллиардов.

“Нью-Йорк Таймс” сообщает и о прибытии 29 апреля 1921 г. “советского золота” в Париж на 10 миллионов долларов – “первой из нескольких партий согласно контракту, подписанному в Москве французской делегацией”. Коммунистическая газета “Интернасьональ” сообщила ранее о поставке во Францию 200 ящиков золота стоимостью более 50 миллионов долларов и высказала мнение, что Франция стала перевалочной базой для поставок советского золота в Швейцарию и Англию.

…Не забудем и о размахе концессий: большевики, выгнав и уничтожив своих капиталистов, ради сохранения своей власти были готовы сдавать в аренду чужим организаторам-капиталистам не только недра (добычу золота, угля, цветных металлов), но и огромные территории; в 1920 г. Ленин (тайным соглашением!) был готов передать Америке “для экономической утилизации” всю Камчатку (этому помешали претендовавшие на эти же территории японцы, которые поэтому поддержали там антибольшевицкие выступления)…

Однако большевицкое руководство было неоднородно. После смерти Ленина обострилась борьба за власть, а в ней как оружие использовались не только “идеологические уклоны” противников, но и то, что еще недавно было их преимуществом: **связь с западными влиятельными кругами**. До этих аргументов дошло в 1930-е гг. на серии процессов против антисталинской оппозиции». (М. Назаров. «Тайна России»).

Поэтому не будем отрицать очевидное – да, революция делалась с помощью западных денег, которые давались совсем не для того, чтобы принести народам Российской империи свободу и справедливость. Да, для достижения этих целей у Запада были свои эмиссары, занявшие на первых порах главные посты в новом революционном правительстве. Но махровый антисоветчик и монархист Назаров заметил важнейшую особенность и главное противоречие революции, которое нынешние «красные» и «белые» в пылу своих споров чаще всего не хотят замечать.

Большевистское руководство было неоднородно!

Об этой неоднородности большевистского руководства, пожалуй, лучше всех написал Сергей Дмитриевский, в прошлом эсер, затем большевик, советский дипломат, в 1930 году оставшийся на Западе и оттуда осмысливавший события революционного и послереволюционного периода в жизни страны.

«Партия Ленина никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне ее «генеральной линии» охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом ее создателя и вождя.

<…> В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и все почти активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть много осуществлять. Наметилась неизбежность жестокой борьбы. <…>

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле – западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку, взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии – гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней – то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции – вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки

цивилизованной жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение – как политическое, так и экономическое – городом деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизировался». В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом.

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл».

Дмитриевский упускает из виду только одно – то, о чем выше пишет Назаров: почему и зачем финансовая олигархия Запада снабжала Троцкого деньгами. Неужели для «безраздельного господства рабочего класса», хотя бы и западного? Может быть, это делалось все же для господства над миром другого «избранного класса»? Что и вышло в конце концов наружу, когда троцкистская оппозиция, оттесненная от власти, уже открыто стала сотрудничать с западной буржуазией, а сам Троцкий опустился даже до сотрудничества с Гитлером.

Но обратимся теперь к другой части высшего большевистского руководства, которой Дмитриевский дает не менее интересную характеристику:

«Судьба революции решалась не в кабинетах и квартирах партийных чиновников… не в столицах и городах вообще, но на фронтах гражданской войны, на широких полях земли, в дыму крестьянских восстаний, среди голода. Там редко бывали люди типа Троцкого. Изредка только проносились они по огненной

линии фронта и по развороченным полям в блестящих салон-вагонах – и не столько помогали, сколько мешали. Там были свои люди. Там вырастал слой крепких людей русской просторной земли, который именно и лег в основу ленинской партии, который именно и проделал подлинную работу революции: черную, трудную, кровавую. Эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны.

Часть из них, но очень небольшая, принадлежала к партийной «старой гвардии» – к русской подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи… Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды, и интеллигенты, все – вплоть до дворян, до аристократов. В результате тяжелой жизни, упорной и кровавой борьбы они все стали внутренне на одно лицо. Их души поросли звериной шерстью, покрылись мозолями – и стали непроницаемыми для праздных сантиментов и сомнений. Много, много уродства было в их душах, как много было уродства и в сложившейся в своеобразных русских исторических условиях народной душе. Но эти люди были плоть от плоти народа. И именно такие люди были нужны стране в жестокую эпоху революции. Они походили на пионеров американского Запада. Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира…

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы. Внутри страны ими разрушались фактории иностранного капитала – динамитом коммунистических идей они хотели взорвать западный империализм в его собственных твердынях. Кроме того, идеи коммунизма вносили какой-то высший смысл в их борьбу. **Они делали Россию носительницей огромной идеи мирового счастья, обетованной страной всех угнетенных народов, священной родиной социализма.** Совокупность их идей легла в основу своеобразного русского национал-коммунизма. Из них родились теории социализма в одной стране и красного империализма, ставшие краеугольными камнями сталинской системы.

С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее молодое, второе поколение…

Вождем этих слоев был Сталин. Он сам был плоть от плоти

их, вырос, воспитался в тех же, что они, условиях. И эти слои на своих мускулистых руках и вынесли его к власти».

Троцкисты и сталинисты

О западничестве Троцкого и его связях с западной финансовой олигархией убедительно пишет и другой исследователь нашей истории, кандидат исторических наук Александр Елисеев: «Вообще же по отношению к Троцкому, его соратникам и союзникам в партийно-государственном руководстве было нечто вроде консенсуса. “Демона революции” боялись больше, чем кого бы то ни было. И дело здесь не только в его несомненных политических талантах, а также героическом ореоле “второго человека после Ленина”. Троцкий был наиболее радикальным и последовательным сторонником проведения прозападной политики, ориентированной на Англию, Францию и США. Он действительно был агентом иностранных разведок, но не фашистских, а “буржуазно-демократических”. За ним стоял не только самый левацкий и авантюристический из всех революционных проектов. За ним стояла и мощь ведущих западных держав.

И когда в 1936 году открылась связь Зиновьева и Каменева с Троцким, и Сталин, и почти все его противники пришли в ужас. Речь шла уже не только о политической борьбе, но и о работе на иные страны. То есть о шпионаже очень высокого уровня. Шпионов такого ранга обычно называют почтительно – “агенты влияния”. Но суть от этого не меняется».

Здесь, пожалуй, А. Елисеев упрощает. Агент влияния – это не просто шпион, хотя передача нужных сведений в центры влияния, естественно, не исключается. Но все же «агент влияния» – это, в первую очередь, человек, способный именно влиять на общественное сознание, это сознательный проводник политики, враждебной интересам государства, в котором он свое влияние распространяет. (Вспомним хотя бы небезызвестного А. Н. Яковлева, бывшего таким агентом влияния в годы перестройки). О том, собственно, и пишет далее Елисеев: «Сердце Троцкого принадлежало Западу, в особенности – США, с чьими спецслужбами он сотрудничал на закате своей жизни. Еще до событий 1917 года “демон революции” предсказывал их хозяйственное и культурное доминирование во всем мире. Вот отрывок из его воспоминаний об “открытии Америки” в 1916 году: “Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах – нравственная философия доллара. Нью-Йорк импонировал мне, так как он вполне выражает дух современной эпохи”.

И надо сказать, что Западу Троцкий тоже импонировал. В том числе – и некоторым западным капиталистам. Вообще, как это ни покажется странным, но многие деловые круги на Западе были весьма заинтересованы в развитии революционного движения. Марксисты были убеждены в необходимости и неизбежности отмирания как наций, так и государств. Поэтому они своей деятельностью способствовали стиранию национально-государственных различий, что на руку транснациональному капиталу. К тому же на революциях в некоторых странах можно очень неплохо поживиться, используя свои связи среди самих революционеров». (Александр Елисеев. Кто развязал «Большой террор»?)

Как раз об этом и говорилось выше.

Надо ли говорить, что Троцкий был не одинок в своих взглядах и пристрастиях? Все эти прибывшие тогда в Россию в пломбированных вагонах и приплывшие на американских пароходах и заняли ключевые посты в новом правительстве. Прослойка же местных, российских революционеров, которые вели рабочие кружки, проводили маевки, организовывали забастовки, сидели в тюрьмах и ссылках ради построения нового справедливого общества, на первых порах была чрезвычайно тонкой в руководящих органах нового государства. Только позже, с приходом Сталина на пост генерального секретаря партии, в результате его кадровой политики их число постепенно увеличилось. Впрочем, различие между двумя этими группировками, между которыми и развернулась кровавая борьба за власть, вряд ли стоит проводить только по принадлежности или непринадлежности к эмиграции. Можно было и в России находиться все время, как, например, Свердлов, но связь с западными влиятельными кругами иметь, причем весьма крепкую, основанную даже на родственных узах.

Позднее людей из двух этих лагерей стали называть сталинистами и троцкистами, по именам главных фигур, олицетворявших и возглавлявших каждое направление. Как видим, разница между ними проявлялась не только в очередности этапов и задач, связанных с мировой революцией, но и – главное! – в определении ее миссии, ее целей, а также в методах революционной борьбы и в отношении к русскому, да и другим народам России. В отношении к стране, которую одни воспринимали как «вязанку дров в костер мировой революции» и территорию узаконенной добычи, а другие – как самодостаточный субъект мировой политики, где должны царить законы социальной и классовой справедливости.

И тут надо отметить еще одно различие между этими

людьми. Практически все, так или иначе примыкавшие к Троцкому, относились к выходцам либо из интеллигенции, либо из буржуазии. Неудивительно, что они с презрением относились к Сталину и его окружению – в основном, выходцам из народа, пусть и обладавшими какими-то талантами, но, по сравнению с ними, малообразованными и малокультурными, даже, как правило, иностранных языков не знавшими. Что ж, зато эти последние, как и заметил Дмитриевский, были сильны своей связью с народом, пониманием его стремлений и чаяний, что и определило в конечном счете их победу. Понимал различие между этими группировками на каком-то глубинном, чувственном уровне и народ. Это нам сейчас неясно, о чем спрашивал Чапаева хитрый мужичок, допытываясь за «большевиков он аль за коммунистов», потому что мы думаем, будто речь идет о проблеме ложного выбора, а мужичкам-то тогда все было понятно: за «большевиков» – значит, за народ, за то, чтобы народ хорошо жил, чтобы была справедливость. А вот за что боролись «коммунисты», народ четко, может, и не понимал, но добра от них не ждал. Пусть сами они такого деления не признавали, народ их разделял.

Различие между представителями двух группировок проявлялась (что, на самом деле, глубоко логично) даже в отношении их личного обустройства во время революции, гражданской войны и в первые годы Советской власти. Если нарком продовольствия Цюрупа падал в голодные обмороки, Сталин ходил в старой шинели и не имел даже угла в Москве, то Троцкий, как известно, ездил по фронтам Гражданской в «царском» поезде и ел деликатесы с царской посуды, Зиновьев устраивал в голодном Петрограде лукулловы пиры, Пятаков – оргии, о которых полнилась слухами Москва, а Каменев имел собственный коньячный погреб.

(Как же напоминает все это «забеги в ширину» в Куршавеле и на других западных курортах сегодняшней так называемой «элиты» на фоне бесконечных техногенных катастроф и голодовок российских рабочих, требующих всего лишь выплаты нищенской заработной платы, позволяющей им хотя бы не умирать голодной смертью!)

Сын царского генерала Александр Нагловский, одно время работавший под началом Троцкого, вспоминал: «Троцкий был очень властолюбив и тщеславен, подчас даже мелочно. Так, помню приезд его в Петроград весной 1919 года. Из Москвы в Петроград Ленин обычно ездил в купе 1-го класса. Троцкий – в комфортабельном поезде. В этот поезд я был вызван к нему на Николаевский вокзал. На Николаевском вокзале – поезд из

вагонов бывших царских поездов, оборудованный по последнему слову комфорта, тут и типография, и отдельный вагон для свиты, и первоклассная кухня, и ванны, словом, «царский» поезд. Чтобы дойти до поезда, мне пришлось пройти сквозь две цепи солдат. Троцкий принял меня в салон-вагоне».

А вот воспоминание другого современника, писателя Романа Гуля, о Зиновьеве.

«В периоды опасности (октябрьская революция, восстание Кронштадта, наступление Юденича) Зиновьев превращался в дезориентированного, панического, но необычайно кровожадного труса. В периоды же спокойного властвования Зиновьев был неврастеничен, безалаберен и, в противоположность многим старым большевикам, не имевшим вкуса к плотским “прелестям жизни”, Зиновьев с большим удовольствием предавался всем земным радостям. Хорошо выпить, вкусно поесть, сладко полежать, съездить в театр к красивым актрисам, разыграть из себя вельможу и мецената – все это Зиновьев чрезвычайно любил и проделывал с большим аппетитом.

В то время как при Ленине в Петербурге частная сторона жизни комиссаров в Смольном была в полном небрежении, при Зиновьеве на нее сразу же было обращено сугубое внимание. По его личному распоряжению в Смольном стали даваться так называемые комиссарские обеды, которые не только уж на фоне революционного всеобщего недостатка, но и в мирное-то время могли считаться лукулловскими. Только когда в столице голод принял чрезвычайно сильные размеры, комиссары стали указывать Зиновьеву на неудобство в Смольном этого “гурманства” и “шика”. И Зиновьев приказал перенести комиссарские обеды в “Асторию”, гостиницу, целиком занятую коммунистической знатью, где подобные “отдыхи” могли проходить более незаметно. …Как в демагогии, так и в интриге Зиновьев был мастер. От природы необычайно хитрый и ловкий, Зиновьев тут возвышался до большого мастерства…»

Задумывались ли Троцкий и его соратники о кричащем противоречии между лозунгами, которые они провозглашали, и их поведением, их бытом? О том, что народ это противоречие не мог не замечать, отчего они казались ему всего лишь «новыми барами», только еще более жестокими и чуждыми, чем прежние, которых он сбрасывал и изгонял? Мало того, они становились чуждыми самим революционным преобразованиям общества, которые они же и возглавляли. Уже только эти противоречия, при участии Сталина или без него, в новых условиях, помимо всякой оппозиционной деятельности, рано или поздно должны были смести их с исторической сцены.

Для сравнения – воспоминание о Сталине во время революции Серго Кавтарадзе, бывшего его соратника, а затем противника, осужденного по делу Мдивани, Думбадзе, братьев Окуджава (дяди и отца ныне покойного барда): «Когда мы познакомились с ним, на нем был ободранный пиджак уличного разносчика и разбитые сапоги. Многодневная щетина на лице и глаза фанатика. Но смешон он никогда не был. Мы работали в одной организации. Я знавал много революционеров, но такого одержимого делом, неприхотливого, бесчувственного ко всему, что касалось лично его – еды, развлечений – не встречал».

Подчеркнем, что это было сказано противником Сталина, причем уже после его смерти и развенчания.

Что касается Ленина, то он, безусловно, был революционным романтиком: «кремлевским мечтателем» – по выражению Герберта Уэллса, «Лениным Ламанчским» – по выражению того же Сталина. Народ относил его к «большевикам». Это, однако, не мешало ему вполне прагматически пользоваться связями и деньгами из заграничных поступлений, добытых с помощью собратьев по эмиграции, использовать их самих и их методы – и сотрудничать с теми и другими, принимая то одну, то другую сторону. Что и позволило впоследствии и тем и другим прикрываться его именем, оправдывая свои противоположные по смыслу действия. Непростым человеком был Владимир Ильич.

Однако Ленин находился у власти недолго. И после его смерти борьба за власть между двумя группировками революционеров обострилась до крайней степени. Главным вопросом, вокруг которого шла эта борьба, был, конечно, вопрос о путях развития революции и страны, который вскоре преобразовался в знаменитый вопрос о возможности построения социализма в одной отдельной стране. Троцкий утверждал, что это невозможно. По мнению же Сталина, суть троцкистской концепции «перманентной революции» заключалась в ее презрении к русскому народу, в неверии в силы и способности российского пролетариата.

«Военная тайна» Советской власти

Что же бы случилось, если власть после смерти Ленина все же удалось бы захватить сторонникам Троцкого с ним во главе? Многие историки считают, что это было вполне возможно. Культ личности Троцкого начали раздувать намного раньше сталинского. Так, последний салют Ленину отдал поднявшийся по Неве миноносец «Троцкий», портреты Троцкого висели на каждом углу. В 1922 году Гатчину назвали Троцком (хотя Петроград еще не был Ленинградом), а на книжных лотках лежали брошюрки, где Троцкого называли «экстрактом революции» и ее «душой». Однако на почве неприязни к Троцкому тогда объединилось большинство членов Политбюро, и это не удивительно. Троцкому удалось испортить отношения почти со всеми: «экстракт революции» презирал людей и не считал нужным это скрывать.

Особенно он презирал Россию и ее самый многочисленный класс – крестьянство, так что, видимо, при его власти со страной произошло бы нечто страшное, по сравнению с чем ужасы «сталинского ГУЛАГа» могли бы показаться райской жизнью. В лучшем случае, было бы то же, что и сейчас, когда в результате «перестройки» его духовные наследники, по давней исторической традиции называющие себя демократами и либералами, сумели-таки захватить власть в стране и превратили-таки её в территорию узаконенной добычи и сырьевой придаток Запада.

Но тогда, в 20–30-е годы прошлого века, Сталину удалось их переиграть. Каким образом?

Много, много раз уже писалось и говорилось, что Россия – страна идеократическая, что только высший смысл может поднять ее на подвиги и великие свершения, заставить сделать немыслимое. Именно такое отношение к ней как к стране – «носительнице огромной идеи мирового счастья, священной родины социализма», воплощения идеи социальной справедливости – и стало тем секретом, той «военной тайной», которая сплотила народ вокруг Сталина, которая возбуждала невиданный энтузиазм народа, позволивший России в считанные годы превратиться в великую державу, победить страшного врага в мировой войне, вырваться в космос. Эта «военная тайна» была, как ни странно, известна невозвращенцу Дмитриевскому, но недоступна Троцкому и его апологетам, Россию презиравшим.

Молодежь, о которой писал Дмитриевский, молодежь, рожденная революцией, чьими умами овладела эта великая идея, и стала движущей силой всех послереволюционных

преобразований – от борьбы с «религиозными пережитками» до строительства новых заводов и фабрик, преобразований на социалистических началах сельского хозяйства, освоения новой техники.

На самом деле, так происходит всегда – молодежь становится движущей силой всех революционных преобразований, так как она более пассионарна, легка на подъем, ее всегда влекут новые идеи. Причем чем более велик масштаб, тем более привлекательна идея. Здесь же масштаб был поистине грандиозен – указать человечеству путь к счастью! За такую идеею и жизнь отдать не жаль – ни свою, ни чужую. И отдавали, и не жалели тех, кто этой великой и прекрасной идее по каким-то причинам сопротивлялся, выступал против преобразования страны и общества с оружием в руках или другими, как считала эта молодежь, более хитрыми и коварными методами, вроде саботажа индустриализации или сопротивления коллективизации.

Конечно же, эта революционная молодежь не могла не объединяться. Еще в 1917 году, сразу после февральской революции, в разных городах начали создаваться молодежные организации социалистической ориентации. Например, в Петрограде организационно оформился ориентирующийся на большевиков Социалистический союз рабочей молодёжи (ССРМ). В 1918 году эти организации объединились в одну общероссийскую – Российский коммунистический союз молодёжи – комсомол.

«Мемуары многих комсомольцев первого поколения дают (помогают) нам понять, что сначала эта организация была невероятно привлекательной для молодежи. Одни шли (поступали) в комсомол по чисто идеологическим убеждениям потому, что действительно хотели непосредственно участвовать в борьбе за «светлое будущее». Для других комсомол открывал новые горизонты: работу и возможность для продвижения по службе, участие в общественной деятельности. Чем более тяжелой была борьба за новую жизнь, тем больше молодежь тянулась к комсомолу – во время гражданской войны число членов этой организации выросло с 22 тыс. в 1918 г. до 400 тыс. за 1920 г., а в период НЭПа в 1922 г. было всего 247 тыс. членов комсомола. Тем не менее в течение 20-х годов комсомольская молодежь активно участвовала во всех «задачах дня» – особенно активными они были в кампании ликвидации неграмотности, борьбе с религиозными предрассудками и за коллективизацию в деревнях. Когда началась первая пятилетка, в ее первых рядах опять же была молодежь. Миллионы молодых людей добровольно

уехали на грандиозные стройки сталинских времен, веря в то, что они действительно построят новое социалистическое общество». (Лекция доктора Хилари Пилкингтон в Ульяновском филиале МГУ для студентов-социологов. 1995 г.)

В то, что страна строит новое справедливое социалистическое общество, верила не только молодежь. Этой верой был объят весь народ. А. С. Макаренко в своей книге «Педагогическая поэма» рассказывает, как он с несколькими педагогами, отнюдь не коммунистами, тем не менее, нисколько не сомневающимися в идеалах революции, в 1920 году начинал работу в колонии малолетних преступников. Между прочим, и сам Макаренко коммунистом не был.

Залогом успеха им служила только эта их вера и желание сделать настоящих, новых людей из бывших воришек, «шестерок» при бандах, на что, с их пороками и криминальным прошлым, вроде бы и надеяться не приходилось. Однако уже через два года колония действительно стала образцовым педагогическим заведением, а ее воспитанники – столь же убежденными в правильности революционных, большевистских идей, творческими и инициативными личностями.

Поистине, вера города берет. И не только города, но и души. Причем тут вера была взаимной – Макаренко верил, что его воспитанники станут настоящими, порядочными, образованными и сознательными людьми, строителями новой жизни, а они верили ему, своему воспитателю и моральному лидеру, который жил с ним одной жизнью, ходил в такой же рваной одежде, ел тот же «кондер». Он мог быть жестким и суровым, мог, доведенный до предела, даже ударить, и все же он был справедлив, был выше их нравственно и несравнимо образованнее. Но самое главное – они видели, что он живет и работает для них, для того, чтобы сделать их самих и их жизнь лучше, богаче, чище, сделать ее качественно другой. И верили, что он знает, как этого добиться.

Более всего в «Педагогической поэме» поражает рассказ, как Макаренко со 120 воспитанниками коммуны имени Горького буквально в один момент совершили преображение почти трехсот беспризорников из Куряжа, находившихся до их прибытия в самом ужасном моральном и физическом разложении. Как описывал это сам Макаренко, «…подготовляясь к борьбе с Куряжем, я рассчитывал на один молниеносный удар, – куряжан надо было взять сразу. Всякая оттяжка, надежды на эволюцию, всякая ставка на «постепенное проникновение» обращали всю нашу операцию в сомнительное дело. Я хорошо знал, что «постепенно проникать» будут не только наши формы, традиции, тон, но и традиции куряжской анархии… А мне уже было

известно, что самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверёнышей».

Результаты блестяще подтвердили мысли Макаренко – Куряж был молниеносно «взят», преображен и в короткий срок превращен в столь же образцовый педагогический коллектив, каким уже стала к тому времени колония имени Горького, еще раз показав великую силу коллективного воспитания. Этот феномен также подтвердил его же, Макаренко, мысль, что человек, помещенный в нормальные, человеческие условия, в подавляющем большинстве случаев без особых усилий и сам становится нормальным, вполне нравственным индивидом. «… Нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я (Разумеется, Макаренко имел в виду богатство не материальное, а духовное – богатство внутренней жизни, – *прим. авт.*), имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача – воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения».

Вот так же и революция одномоментно преобразовала страну, поставив ее на другой путь развития, задав этому пути другое направление по сравнению с прошлым, по сравнению со всем известным до сих пор, с тем направлением, по которому шло человечество. И люди, поставленные в другие условия, стали другими. Не все с этим согласились, не обошлось без борьбы, без войны и крови, но основная масса граждан страны с энтузиазмом пошла по новому пути, приняла новые правила и новые принципы общественной жизни, посчитав их более справедливыми и правильными – теми, которых она искала и жаждала многие века и годы. На этом пути не могло не быть ошибок и жертв – мы были первопроходцами, мы шли там, где никто и никогда до нас не ходил, мы искали новый путь методом проб и ошибок, и списывать, подглядывать, учиться было не у кого. Напротив – другие учились у нас, другие смотрели на нас с надеждой и восхищением (а кто-то и со страхом), как беспризорники Куряжа смотрели на колонистов-макаренковцев. А мы верили в идею, в свою миссию, и верили вождю, который указывал путь, как колонисты верили Макаренко.

Правда, Сталину нужно было научить жить по-новому не несколько сотен сбившихся с пути подростков, а огромную страну. Великая Отечественная показала, что эта задача была

решена. Иначе мы бы не победили…

Как уже говорилось, главная роль в этом грандиозном переустройстве страны принадлежала молодежи. После окончания Гражданской войны комсомол направил все усилия на восстановление разрушенного народного хозяйства. Эти юные Павки Корчагины участвовали в восстановлении заводов Петрограда, Москвы, Урала, шахт и заводов Донбасса, железных дорог страны. Они рождали новые формы общественного труда. Так, в сентябре 1920 года был проведён первый Всероссийский субботник молодёжи. Комсомольцы вместе с коммунистами, не страшась ни бандитских пуль, ни финки из-за угла участвовали в борьбе со спекуляцией, вредительством, бандитизмом.

Именно молодежь участвовала в сплошной коллективизации, в борьбе с кулачеством, пополняла ряды органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, с энтузиазмом шла в Красную Армию, формировала ряды новой советской интеллигенции, активно боролась с общей и политической неграмотностью.

Комсомольцы деревни разъясняли декреты новой власти, участвовали в организации товариществ по совместной обработке земли, пропагандировали передовые приёмы земледелия. Они боролись за ликвидацию неграмотности, за искоренение религиозных суеверий, пережитков прошлого в быту, с мещанством, частнособственнической психологией, рваческим отношением к труду. На селе комсомольцы организовывали избы-читальни, клубы, распространяли книги, газеты, журналы, плакаты, листовки, участвовали в проведении политических и культурных мероприятий партии и Советской власти. Нередко, конечно, их молодой энтузиазм оборачивался перегибами и необоснованным левачеством, особенно в борьбе с религией, но вряд ли в той обстановке могло быть иначе. Это сейчас легко судить, занимаясь подсчетами жертв репрессий, но «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», и совсем по-другому все представляется тем, кто оказывается в гуще боя.

Во всяком случае, за 1918–1928 гг. было построено, восстановлено и введено в действие 2200 предприятий. И это в то время, когда основным орудием труда были рабочие руки плюс кайло да лопата.

Однако кайло и лопата не могли удовлетворить строителей нового общества, поэтому основным звеном плана построения социалистического общества для страны стало восстановление и развитие машинной индустрии, а также электрификация всей страны. Электрификация рассматривалась как первейшая ступень в создании материально-технической базы социализма и коммунизма. Ленинский лозунг «Коммунизм – это есть Советская

власть плюс электрификация всей страны» вызывал огромный энтузиазм у молодежи. «Лампочка Ильича» вместо керосиновой лампы и лучины в деревенской на 80 % России казалась невиданным прогрессом.

Но чтобы участвовать в электрификации, в развитии машинной индустрии, нужно было учиться. И в 1920 году по инициативе комсомола были созданы школы фабрично-заводского ученичества для подготовки квалифицированных рабочих и рабочие факультеты (рабфаки) для подготовки рабочей молодёжи к поступлению в вузы, которые стали для нее первой ступенью на пути овладения новыми знаниями.

Тогда же, в двадцатые годы, комсомол выступил застрельщиком социалистического соревнования, в 1927 начал массовый поход за рационализацию производства, за повышение производительности труда. На предприятиях создавались комсомольско-молодёжные ударные бригады. В 1929 ЦК ВЛКСМ провёл ленинский набор молодёжи в эти бригады. После опубликования 20 января 1929 года в «Правде» статьи Ленина «Как организовать соревнование» газета «Комсомольская правда» призвала молодёжь начать Всесоюзное социалистическое соревнование.

А ведь сначала это новшество встретили в штыки, назвав соревнование конкуренцией и пережитком буржуазного строя, отчего пришлось пострадать от бюрократов Наркомпроса тому же Макаренко, у которого в его Горьковской колонии соревнование между ребятами возникло стихийно на сельхозработах, и было им поддержано…

«Вдруг почувствовали люди силу свою…»

Уже в первую пятилетку индустриализация охватила всю территорию страны – от Полярного круга до пустынь Средней Азии. Как писали тогда газеты, «Вдруг почувствовали люди человечью силу свою, мощь своих рук и коллективных усилий. Все стало возможным: покорение пустынь и перековка людей, осушение болот и переделка мира. Уже заканчивался Турксиб и зачинался Беломорский канал. Покорялась Арктика, и ждала топора колымская тайга. Арматурщики Сталинграда, закончив свое дело на Тракторном, долгими эшелонами уходили на восток, в Магнитную степь, о которой было известно, что она пустынная, рыжая, злая и что ветры над нею свистят свирепо».

Комсомол выдвинул из своих рядов десятки тысяч рационализаторов, изобретателей, организовал всесоюзный сквозной комсомольский контроль за доставкой грузов подшефному ВЛКСМ строительству Урало-Кузбасса. 9-й съезд ВЛКСМ (прошедший в январе 1931 г.) объявил комсомол ударной бригадой 1-й пятилетки (1929–1932 гг.).

В соответствии с этим призывом в 1929 году комсомол провёл первую мобилизацию молодёжи на новостройки 1-й пятилетки. Свыше 200 тыс. человек приехало на стройки по комсомольским путёвкам от своих организаций. Это их руками были построены Днепрогэс, Московский и Горьковский автозаводы, Сталинградский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, железная дорога Турксиб и другие предприятия страны. Постановлением Президиума ЦИК СССР 21 янв. 1931 года «за проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства…» ВЛКСМ был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Этот орден был заслужен самоотверженным, поистине героическим трудом молодых строителей новых гигантов советской индустрии, осуществлять который приходилось порой в самых ужасных и невыносимых условиях, в голоде и холоде. Прочитайте у Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», написанный после разговора с реальным человеком: «Под старою телегою рабочие лежат… Сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут… Сливеют губы с холода…». Рабочий Хренов – не вымышленное лицо, а реальный знакомый поэта, строитель Кузнецка.

Что же заставляло людей терпеть эти лишения? Трудиться, надрывая жилы, отдавая все силы? У них, в отличие от нас, в

отличие от нынешнего молодого поколения, которого со всех телеэкранов призывают брать от жизни все, была вера. Вера в светлое будущее, которое они непременно построят.

И города вставали, заводы вздымались трубами, турбины зажигали по городам и селам «лампочки Ильича».

В 1935 по примеру молодых рабочих: шахтёра Алексея Стаханова, паровозного машиниста Петра Кривоноса, ткачих Евдокии и Марии Виноградовых, фрезеровщика Ивана Гудова и других началось массовое движение стахановцев, когда за счет лучшей организации трудового процесса нормы труда многократно перекрывались. Мгновенно это движение распространилось по всей стране.

Менялась и деревня. Там проходила коллективизация, которую ныне представляют лишь актом страшного насилия над крестьянином, не принесшим стране ничего, кроме огромных безвинных жертв. Жертвы были, коллективизация была проведена троцкистскими методами и во многом их руками. Хотя и она в разных районах проходила по-разному. Как пишет С. Г. Кара-Мурза в своем фундаментальном исследовании «Советская цивилизация», «Поначалу образование колхозов шло успешно, крестьяне воспринимали колхоз как артель, известный вид производственной кооперации, не разрушающий крестьянский двор – основную ячейку всего уклада русской деревни. Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины. Вскоре, однако, оказалось, что обобществление заходит так далеко (рабочий и молочный скот, инвентарь), что основная структура крестьянского двора рушится. Начался отток из колхозов, возникло сопротивление, административный нажим, а потом и репрессии.

Много было написано о «перегибах» в коллективизации: вопреки намеченным в центре темпам, местные парторганизации, а с ними и органы власти, стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткий срок, развивая при этом огромную энергию и упорство. «Разверстка» на число раскулаченных означала **предельные цифры** (типа «раскулачить **не более** 3 % хозяйств») – но они повсюду перевыполнялись…»

Почему так старались активисты на местах, написано много. Имел место и обыкновенный карьеризм, и искренний идейный фанатизм, и троцкистские умышленные перегибы, чтобы обострить обстановку в стране и, воспользовавшись смутой, взять власть в свои руки.

Но, оказывается, было и другое. Однажды, во время студенческой практики в Костромской областной газете, у меня произошел удивительный разговор с одной старой крестьянкой, у

которой мне пришлось переночевать в командировке. Это было начало 70-х годов. Бабушке тоже было уже лет под семьдесят, но она все еще работала в колхозе. И в доме у нее, как у многих наших русских деревенских старушек-тружениц, у которых скотины на дворе уже почти нет, а дети выросли и живут отдельно, царила чистота и необыкновенный, теплый, деревенский патриархальный уют: пикейные покрывала, выбитые кружева подзоров, тюлевые накидушки на пышных подушках, скатерки.

– Тяжело, наверно, уже вам в поле-то работать, – посочувствовала я ей.

– Что это? – удивилась бабушка. – А как же без работы-то жить? Да нас, старых, уже на тяжелую-то работу и не посылают. Нет, сейчас не тяжело. Вот раньше – да, тяжело было, **до коллективизации(!)**, когда полный двор скотины держали. Ее ведь обиходить надо, накормить-напоить, с ведерными-то чугунами так накувыркаешься за день, что рук-ног к вечеру не чувствуешь. Да и в поле работы полно, и дома. Только когда скотину на колхозный двор свели, мы, бабы-то, и вздохнули. Скотина в колхозе, детки в яслях – живи да радуйся! У нас деревня дружная была, работящая. На сенокос выйдем, на лугу бабы с девками все нарядные, все друг перед другом работать на выхвалку стараются – кто быстрее да ловчее. На работу идем с песнями, с работы – с песнями… Хороший колхоз у нас был.

– А чем же вы питались, если всю скотину на колхозный двор свели? – помня страшные рассказы о коллективизации, расспрашивала я. – Где же молоко-то брали? Уж о мясе я не говорю.

– Как это где? – обиделась моя старушка. – Да на колхозный двор заходи и выписывай, сколько надо, и молока и мяса.

– Что, всегда можно было выписывать и молоко и мясо? – снова поразилась я.

– Да хоть каждый день. Говорю, у нас колхоз до войны хороший был. А как в войну всех мужиков-то поубивало да поранило, так и захирели…

Так что большая у нас страна, по-разному жили люди в разных ее районах, по-разному происходила и коллективизация, все же не везде со зверствами, а иногда и вот так, мирно, с одобрения большинства и с очевидно положительными результатами. Надо думать, много зависело от тех, кто эту коллективизацию проводил – нормальные люди и вели себя нормально, а жестокие и действовали жестоко.

Но все же, так или иначе, а дело свое коллективизация сделала – продовольственная проблема в стране была решена.

Колхозы и совхозы накормили город, а во время войны кормили и фронт и тыл, тогда как сейчас, после деколлективизации, продовольственную безопасность страны мы потеряли.

И здесь, в деревне, снова огромную роль играла молодежь. В рядах деревенского комсомола в 1928 году было около 1 млн. молодых крестьян. 8-й съезд ВЛКСМ призвал их быть «организаторами и застрельщиками коллективизации» и обязал каждого комсомольца, самостоятельного домохозяина показать пример другим – вступить в колхоз. Комсомольцы и на селе постоянно рождали новые формы работы: проводили Всесоюзный поход за урожай, «месячник плуга», создавали «отряды красных пахарей», «агроразведчиков» и т. д. и т. п. В числе двадцатипятитысячников – рабочих, выехавших в деревню, – более двух тысяч человек были комсомольцами. Они перенесли в деревню опыт социалистического соревнования и ударничества, уже освоенный ими в промышленности и строительстве. Скоро всей стране стали известны имена молодой колхозницы-ударницы Марии Демченко, трактористки Прасковьи Ангелиной и других. Молодые рабочие помогали в ремонте сельхозинвентаря, создавали комсомольские тракторные колонны, помогали создавать и строить машинно-тракторные станции (МТС). «Комсомолец – на трактор!» – этот лозунг стал одним из самых популярных в деревне.

8-й съезд ВЛКСМ (1928 год) объявил Всесоюзный культпоход по ликвидации неграмотности. Были созданы «ударные отряды по ликбезу», тысячи комсомольцев влились в ряды «культармейцев». Они обучали неграмотных, создавали новые школы ликбеза, открывали читальни и библиотеки. В 1930 году комсомол взял шефство над всеобучем, выступил инициатором создания двухгодичных вечерних школ для малограмотных. За годы 1-й пятилетки в стране было обучено грамоте около 45 млн. чел. Молодежь и сама училась. Про рабфаки уже говорилось. Комсомол объявил поход молодёжи в науку. В 1928–1929 гг. по комсомольским путёвкам пошли учиться на рабфаки 15 тыс. чел., на курсы по подготовке в вузы – 20 тыс., в вузы и техникумы – 30 тыс. человек. В 1934 году рабочая прослойка среди студентов достигла 47,9 %.

В стране был создан культ науки и техники. Быть учёным, первопроходцем, изобретателем стало престижно. Именно в то время выросли и состоялись такие учёные, имена и изобретения которых знает весь мир – Курчатов, Келдыш, Капица, огромное количество других учёных и конструкторов. Для них создавались практически идеальные усилия для творчества. Была развёрнута колоссальная по своим масштабам система исследования

территории страны. Почти все месторождения, которые разрабатываются сейчас, были открыты в то время – в сталинском СССР.

Менее чем за 10 лет в неграмотной доселе стране произошла культурная революция – СССР стал самой читающей страной мира. В каждом селе открывались Дома Культуры, библиотеки, культурные клубы. Стремительно развивалось радио и киноискусство. Весь народ получил возможность заниматься искусствами в кружках творчества – музыки, театра и так далее.

И страна преображалась. Ее успехи в хозяйственном и культурном строительстве доказывали: путь, по которому она идет, правильный. Идея о стране – носительнице идеи мировой справедливости и всеобщего счастья, – казалось, осуществлялась на глазах. Весь мир был поражен этим историческим феноменом: Россия, многонациональное государство, где были миллионы беспризорных, голодных, неграмотных детей и подростков, Россия, изможденная двумя войнами, прошедшими одна за другой – первой мировой и Гражданской, за два десятилетия превратилась в мощную державу с высоким уровнем образованности, культуры, духовности и патриотизма. Поколение, выросшее в те годы, в основном и определило нашу победу в Великой Отечественной войне.

Сталин в докладе XVII съезду Коммунистической партии, состоявшемуся в 1934 году, говорил: «СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной и некультурной он стал – вернее, становится – страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР».

«Жить стало лучше, жить стало веселей»

Вопреки страшилкам, которые сочиняют сейчас о том времени, именно в те предвоенные годы существовала не часто встречающаяся в жизни симфония власти и народа. Народ, одушевленный великой идеей построения первого в истории человечества справедливого общества без угнетателей и угнетенных, показывал чудеса героизма и самоотверженности. А государство в те годы, ныне изображаемое нашими либеральными историками и публицистами чудовищной репрессивной машиной, отвечало народу заботой о нем. Бесплатные медицина и образование, санатории и дома отдыха, пионерлагеря, детские сады, библиотеки, кружки стали массовым явлением и были доступны всем. Не случайно во время войны, по воспоминаниям очевидцев, люди мечтали только об одном: чтобы снова все стало, как до войны.

Вот что писал, например, о том времени посол США в 1937–1938 гг. Джозеф Е. Дэвис: «С группой американских журналистов я посетил пять городов, где осмотрел крупнейшие предприятия: тракторный завод (12 тыс. работающих), завод электродвигателей (38 тыс. рабочих), Днепрогэс, алюминиевый завод (3 тыс. рабочих), который считается крупнейшим в мире, Запорожсталь (35 тыс. рабочих), больницу (18 врачей и 120 медсестер), ясли и детские сады, завод Ростсельмаш (16 тыс. работающих), Дворец пионеров (здание с 280 помещениями для 320 преподавателей и 27 тыс. детей). Последнее из этих учреждений представляет собой одно из наиболее интересных явлений в Советском Союзе. Подобные дворцы возводятся во всех крупных городах и предназначаются для воплощения в жизнь сталинского лозунга о детях, как наиболее ценном достоянии страны. Здесь у детей раскрываются и развиваются их дарования…»

И каждый был уверен, что его дарование не зачахнет и не пропадет втуне, что у него есть все возможности для осуществления любой мечты во всех сферах жизни. Перед детьми рабочих и крестьян открылись двери средней и высшей школы. На полную мощность работали социальные лифты, вознося вчерашних рабочих и крестьян на вершины власти, открывая перед ними горизонты науки, премудрости техники, подмостки сцены. «В буднях великих строек» поднималась новая, невиданная миром страна – «страна героев, страна мечтателей, страна ученых».

А для того, чтобы уничтожить всякую возможность эксплуатации человека – будь то частник или государство, –

первыми же декретами в СССР был введен восьмичасовой рабочий день. Кроме того, был установлен шестичасовой рабочий день для подростков, запрещён труд детей до 14-летнего возраста, установлена охрана труда, введено производственное обучение молодёжи за счёт государства. В то время как США и страны Запада задыхались в тисках «Великой депрессии», в Советском Союзе в 1936 году 5 млн. работников имели шестичасовой и более сокращенный рабочий день, почти 9 % промышленных рабочих пользовались выходным после четырех дней работы, 10 % рабочих, занятых в непрерывном производстве, после трех восьмичасовых рабочих дней получали два выходных.

Более чем в два раза выросла заработная плата рабочих и служащих, а также личные доходы колхозников. Взрослые, наверно, уже не помнят, а молодые и не знают, что в Великую Отечественную войну некоторые колхозники дарили фронту самолеты и танки, построенные на личные сбережения, которые они успели накопить за не столь долгое время, прошедшее после «преступной» коллективизации. Каким образом им это удалось? Дело в том, что количество обязательных трудодней для «бесправных рабов» составляло в тридцатые годы 60–100 (в зависимости от района). После этого колхозник мог работать на себя – на своем участке или в производственном кооперативе, которых было огромное количество по всему СССР. Как пишет создатель сайта «Русский проект» публицист Павел Краснов, «…В сталинском СССР желающие проявить личную инициативу имели всю возможность сделать это в кооперативном движении. Нельзя было только пользоваться наёмным трудом, договорно-кооперативным – сколько угодно.

В стране существовало мощнейшее кооперативное движение, в кооперативах постоянно работали почти 2 миллиона человек, которые производили 6 % валовой продукции промышленности СССР: 40 % всей мебели, 70 % всей металлической посуды, 35 % верхнего трикотажа, почти 100 % игрушек. Кроме того в стране было кооперативных 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории, два научно-исследовательских института. Это без учёта кооперативных сельских артелей с частичной занятостью. В них работало в 30-е годы до 30 миллионов человек. Можно было заниматься индивидуальным трудом – например, иметь свою фотолабораторию, платя с этого налоги, врачи могли иметь частную практику и так далее. В кооперативах обычно участвовали высококлассные профессионалы своего дела, организованные в эффективные структуры, чем объясняется их высокий вклад в продукцию СССР.

Всё это было ликвидировано Хрущёвым ударными темпами с

56 года – имущество кооперативов и частных предпринимателей было конфисковано, даже личное подсобное хозяйство и частный скот».

Добавим, что тогда же, в 1956 году и количество обязательных трудодней было повышено до трехсот. Результаты не заставили себя долго ждать – тут же появились первые проблемы с продуктами.

В тридцатые годы также широко применялась сдельная оплата труда. Практиковалось дополнительное премирование за сохранность механизмов, экономию электроэнергии, топлива, сырья, материалов. Вводилось в практику премирование за перевыполнение плана, снижение себестоимости, выпуск продукции повышенного качества. Осуществлялась продуманная система подготовки квалифицированных работников промышленности и сельского хозяйства. Только за годы второй пятилетки было подготовлено около 6 млн. человек вместо 5 млн., предусмотренных планом.

Наконец, в СССР впервые в мире была ликвидирована безработица – труднейшая и неразрешимая в условиях рыночного капитализма социальная проблема. Для всех стало реальным закрепленное Конституцией СССР право на труд. Уже в 1930 году, во время первой пятилетки, прекратили свое существование биржи труда.

Вместе с индустриализацией страны, со строительством новых заводов и фабрик велось и жилищное строительство. Государственными и кооперативными предприятиями и организациями, колхозами и населением во второй пятилетке было введено в действие 67,3 млн. квадратных метров полезной площади жилищ. С помощью государства и колхозов труженики села возвели 800 тыс. домов. Инвестиционные вложения государственных и кооперативных организаций в жилищное строительство вместе с индивидуальным увеличились в 1,8 раза по сравнению с первой пятилеткой. Квартиры, как мы помним, предоставлялись бесплатно при самой низкой в мире квартплате. И, наверно, мало кто знает, что за вторую пятилетку в жилищное, коммунальное и культурное строительство, в здравоохранение в бурно развивающемся Советском Союзе было вложено почти столько же средств, сколько в тяжелую промышленность.

В 1935 году вошел в строй лучший в мире по техническому оснащению и художественному оформлению Московский метрополитен. Летом 1937 года был сдан в эксплуатацию канал Москва-Волга, решивший проблему водоснабжения столицы и улучшивший ее транспортные связи.

В 30-е годы в стране не только выросли десятки новых

городов, но в 42 городах был построен водопровод, в 38 – канализация, развивалась транспортная сеть, запускались новые линии трамваев, расширился автобусный парк, начал вводиться троллейбус.

В годы предвоенных пятилеток в стане впервые в мировой практике были сформированы **общественные фонды народного потребления,** которыми, сверх оплаты труда, пользовалась каждая советская семья. Средства из них шли на строительство и содержание жилья, культурно-бытовых учреждений, бесплатное образование и медицинское обслуживание, на различные пенсии и пособия. Втрое, по сравнению с первой пятилеткой, увеличились расходы на социальное обеспечение и социальное страхование.

Быстро ширилась сеть санаториев и домов отдыха, путевки в которые, приобретенные на средства социального страхования, распределялись профсоюзами среди рабочих и служащих бесплатно или на льготных условиях. Только за одну вторую пятилетку в домах отдыха и санаториях отдыхало и лечилось 8,4 млн. человек, в 10,7 раза увеличились по сравнению с первой пятилеткой расходы на содержание детей в яслях и детских садах. Выросла средняя продолжительность жизни.

Такое государство не могло не восприниматься народом как свое, народное, родное, за которое не жаль отдать жизнь, ради которого хочется совершать подвиги… Как воплощение той революционной мечты об обетованной стране, где зримо, на глазах воплощалась в жизнь великая идея народного счастья. Над словами Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселей» в перестроечные и постперестроечные годы стало принято глумиться, однако они отражали реальные изменения в социальной и экономической жизни советского общества.

Эти изменения не могли остаться незамеченными и на Западе. Мы же привыкли, что доверять советской пропаганде нельзя, что правду о том, как у нас обстоят дела, говорят только на Западе. Что ж, посмотрим, как оценивали успехи советского государства господа капиталисты.

Так, Гиббсон Джарви, председателя банка «Юнайтед доминион», заявлял в октябре 1932 года: «Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я – определенный капиталист и индивидуалист… Россия движется вперед, в то время, как слишком много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищут в отчаяньи работы. Пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось… Во всех промышленных городах, которые я посетил,

возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее современного типа, школами, больницами, рабочими клубами и неизбежными детскими яслями и детскими домами, где заботятся о детях работающих матерей… Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что Советское правительство может провалиться… Сегодняшняя Россия – страна с душой и идеалом. Россия – страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми… Быть может самое важное – в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно – надежду».

А вот что писал журнал «Форвард» (Англия) в том же 1932 году:

«Бросается в глаза огромная работа, которая происходит в СССР. Новые заводы, новые школы, новое кино, новые клубы, новые громадные дома – всюду новые постройки. Многие из них уже закончены, другие еще окружены лесами. Трудно рассказать английскому читателю, что сделано за последние два года и что делается дальше. Надо это все видеть для того, чтобы этому поверить.

Наши собственные достижения, осуществленные нами во время войны – лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР. За последние два года в СССР произошло так много изменений, что отказываешься даже представить себе, что же будет в этой стране еще через 10 лет:

Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и нелепо лгут об СССР. Выбросьте также из головы всю ту половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетанствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там: СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, которых мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Посетив эту страну вторично за два года, я

получил впечатление, что она идет по пути прочного прогресса, планирует и строит, и все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира».

«Форварду» вторил американский «Нейшен»:

«Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основной жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости: Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц и скверов, новых зданий, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов.

Новые города возникли в степях и пустынях, по меньшей мере, 50 городов с населением от 50 до 250 тыс. человек. Все они возникли в последние четыре года, каждый из них является центром нового предприятия или ряда предприятий, построенных для разработки отечественных ресурсов. Сотни новых райэлектростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постоянно воплощают в жизнь формулу Ленина: «Социализм есть советская власть плюс электрификация». Советский Союз организовал массовое производство бесконечного множества предметов, которые Россия никогда раньше не производила: тракторов, комбайнов, высококачественных сталей, синтетического каучука, ширико-подшипников, мощных дизелей, турбин в 50 тыс. киловатт, телефонного оборудования, электрических машин для горной промышленности, аэропланов, автомобилей, велосипедов и нескольких сот типов новых машин.

Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, йод, поташ и многие другие ценные продукты. Путеводными точками советских равнин являются теперь не кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни. Колхозы строят дома, хлева, свинарники. Электричество проникает в деревню, радио и газеты завоевали ее. Рабочие учатся работать на новейших машинах. Крестьянские парни производят и обслуживают сельскохозяйственные машины, которые больше и сложнее, чем то, что видела когда-либо Америка. Россия начинает «мыслить машинами». Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

Так отзывались о СССР в 30-х годах гордые англичане и американцы, завидуя советским людям – нашим родителям.

«Человек для нас самое дорогое…»

Изменения в обществе влияли на сознание людей, изменяя его в нужную государству сторону. Но велось и целенаправленное воспитание общества, особенно детей и молодежи. Причем совсем не так, как многие из нас это помнят по годам брежневского «развитого социализма», когда говорились правильные, но скучные, набившие оскомину слова, которым никто не верил, считая их лишь данью обязательному, свыше установленному ритуалу.

Очевидно, главное различие брежневского времени со сталинским состояло именно в том, что в сталинские годы словам верили. Верили не потому, что были наивны и доверчивы. Просто слова тогда подкреплялись делами, обещания выполнялись, планы претворялись в жизнь. Страна реально строилась, создавала мощную, современную индустрию, социальные лифты работали на полную мощность, любая мечта могла стать явью, если проявить настойчивость и характер.

А главной мечтой того времени совсем неслучайно стала авиация. Да, почетом окружали ученых, конструкторов, рабочих-стахановцев, но главными героями были летчики. Страна буквально бредила небом, о летчиках снимали фильмы, писали картины, сочиняли песни и стихи. Трудно было найти мальчишку, который бы не хотел стать летчиком. И государство шло навстречу этим мечтам. В 1936 году в стране насчитывалось 150 аэроклубов, тогда как в 1930-м их было только четыре, кроме того – 240 планерных станций с 1200 инструкторами и 2000 планеров, 600 парашютных вышек. Парашютные вышки строились даже в колхозах. В журналах печатались подробные инструкции по сооружению вышек, подсказывалось, что «под парашютную вышку можно приспособить любое сооружение: колокольни церквей, башни минаретов, башни крепостных стен, фабричные трубы». По приблизительной статистике за 1935 год с парашютом прыгнуло более миллиона человек, в 1936-м, по разным оценкам, прыжки совершили более 1,3 млн человек.

По мнению В. В. Волкова, декана факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, «летчики и парашютисты являлись центральными культовыми фигурами середины 30-х годов, образцами героизма как мужского, так и женского, моделями, созданными для подражания. Атмосфера тридцатых годов – это стремление к полету на всех возможных технических средствах: самолетах, планерах, дирижаблях, воздушных шарах, а также прыжки с

парашютом, ставшие особенно массовыми в 1936 году. Конечно, покорение воздушного пространства было частью более широкого и всеохватывающего движения. В этот ряд героических практик следует включить и стахановское движение, и покорителей Северного полюса, и спортсменов, и военных и других. Но летчики, в силу ряда присущих им особенностей, занимали особое место. Они совмещали в себе высшие достижения технического прогресса, зрелищность, риск, эстетику, наглядный и продолжительный героизм…».

И становились мощным фактором воспитания нового человека, человека будущего, которому покоряется не только земля, но и небо. Великая идея, овладевшая массами, особенно молодежью, давая крылья в духовном плане, требовала и физически реализовать этот порыв. Эти молодые мечтатели и энтузиасты хотели летать, летать «все выше, и выше, и выше, преодолеть пространство и простор…», веря, что именно так они перелетят из прошлого в прекрасное светлое будущее, веря, что для этого «нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор». С другой стороны, с рациональной точки зрения, такое стремление ввысь, к небу, к полету легко объяснимо приближающейся войной, необходимостью овладевать новой техникой, которая скоро может стать боевой. Ведь освоение воздушного пространства и авиационной техники есть часть военного строительства, обороны страны. («И в каждом пропеллере слышим спокойствие наших границ»). Кроме того, оно входило и в более широкий индустриальный проект, милитаризацию страны, военизацию населения.

Не случайно тридцатые годы стали временем выдающихся рекордных полетов и перелетов. Советскими летчиками были установлены многочисленные мировые рекорды. Именно на 30-е годы приходятся подвиги Чкалова, спасение челюскинцев, беспересадочный перелет в США Белякова и Байдукова, полет на Северный полюс Водопьянова, полеты в стратосферу Коккинаки. Сам знаменитый конструктор космических аппаратов академик Королев начинал как летчик в 30-е годы.

Мало того, героическая профессия летчика перестала быть привилегией только мужчин. В самом деле, если революция провозгласила равноправие женщин, то почему советское государство должно препятствовать девушкам летать, становиться летчицами и парашютистками? И девушки тоже устремились в небо. Летчицы Гризодубова, Раскова и Осипенко (экипаж самолета «Родина») установили женский мировой рекорд дальности беспосадочного полета. В войну, как помним, были эскадрильи девушек-летчиц, немалое число которых стало

Героями Советского Союза. С парашютных клубов начинали и наши космонавтки, хотя после войны число женщин-летчиц стало резко снижаться.

Освоение воздушного пространства имело и другой – социальный – эффект. «По сравнению с двадцатыми, в тридцатые годы произошел существенный политико-культурный сдвиг, – пишет В. В. Волков. – Его зафиксировали по-разному многие исследователи советской культуры. Это переход от коллективизма к большему индивидуализму… от массового человека к выдающимся личностям. Коллектив перестает быть героем социалистического строительства; начиная с 1935 года и особенно в 1936 году и далее таким героем становится личность, своего рода сталинский сверхчеловек».

Как считает профессор Волков**, «**известный феномен культа личности вождя на самом деле был лишь кульминацией более широкого явления культивирования личности, то есть культ личности Сталина был частным случаем культа личности как таковой. Выдающиеся летчики и летчицы выступали как культовые мифологические персонажи и при этом всегда были связаны специфическими отношениями со Сталиным… **Летчики и стахановцы есть прежде всего некоторый тип коллективной репрезентации новой общности – семьи, отцом которой выступает Сталин**…»

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «Сущность институтов государства и права могут быть поняты лишь исходя из типа того общества, которым они порождены. Определять тип общества по признаку господствующей в нем социально-экономической формации (феодальное, капиталистическое, социалистическое) – недостаточно. Россия, Китай и Англия различны независимо от экономической формации».

Более важным и определяющим является понятие современного и традиционного общества. Вопреки либеральным утверждениям, они отличаются друг от друга вовсе не тем, что одно является свободным и гуманным, иными словами – цивилизованным, а второе – жестоким и деспотическим. Как мы знаем, в западном современном обществе долгое время процветало рабство, которое никак не смущало ни его отцов-основателей, ни граждан. Так, основатель теории гражданского общества философ Б. Локк помогал составлять конституции рабовладельческих штатов и вложил все свои сбережения в работорговлю.

Главным отличием является положение человека в обществе, его связи с другими. Так называемое современное общество – это общество неких индивидуумов, соединенных отношениями

купли-продажи, рынка, конкуренции, свободных от этических ценностей и выражаемых чисто количественной мерой цены. Каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится **рынок**.

«Напротив, в обществе традиционном люди связаны множеством отношений зависимости. Акты обмена между ними по большей части не приобретают характера свободной и эквивалентной купли-продажи (обмена равными стоимостями) – рынок регулирует лишь небольшую часть общественных отношений. Зато велико значение отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Все это отношения с точки зрения либерала несвободные и не поддающиеся рациональному расчету, они в значительной части мотивируются этическими ценностями. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в традиционном обществе **семья**.

Принципиальное отличие традиционного общества от западного в том, что в нем всегда есть ядро этических ценностей, признаваемых общими для всех членов общества («неписаный закон»). Само западное общество и возникло через расчленение этой общей (тоталитарной) этики на множество частных, профессиональных этик – коммерческой, административной, политической и т. д. В большой мере очистив отношения людей от внерациональных сил (заменив ценности ценой), гражданское общество приобрело большую устойчивость, стало нечувствительным к потрясениям в сфере идеалов. Так, оно стало полностью равнодушным к проблеме признания социального порядка справедливым или несправедливым – критерий справедливости исключен из процесса легитимации общественного строя. Напротив, для традиционного общества идеал справедливости играет огромную роль в обретении или утрате легитимности». (С. Кара-Мурза. Советская цивилизация.)

Естественно, что во главе традиционного общества-семьи стоит Отец. В дореволюционной России это был Царь-батюшка, в СССР – Отец народов. Таким образом, можно сказать, что Октябрьская революция не изменила тип общества, хотя изменила форму собственности и тип экономических отношений. Вдобавок она дала обществу новую, необычайно привлекательную и отвечающую менталитету народа мессианскую идею, как говорилось выше. Эта идея воспитывала и направляла народ уже сама по себе, будучи закрепленной в государственном устройстве. Однако для того, чтобы она укрепилась в сознании как единственно верная, стала его доминантой, государство

применяло и соответствующие воспитательные усилия, в основном, разумеется, при воспитании молодого поколения.

Это стало большой культурной программой того времени, в ходе которой, помимо школы и обычного агитпропа в виде кино, радио, театра и т. п., было изобретено множество новых социальных форм – от шахматных кружков и спортивных секций до пионерских лагерей, парашютных и аэроклубов. Именно парашютные и аэроклубы стали особенно важной формой воспитания личности нового человека, овладения им техникой контроля над собой.

«Журналы публикуют описания опыта прыжков, а также исследования по психофизиологии прыжка, – пишет В. В. Волков в своем исследовании «Покорение воздушного пространства и техники личности сталинского времени». – Все описания практически одинаковы. Первый раз парашютист испытывает большое волнение, его обычно хлопают по плечу, указывая ему на то, что пора прыгать, иначе он стоит над люком совершенно невменяемый. Все, кто прыгает, не помнят момент первого прыжка, не отдают себе отчет. От руки к кольцу протянута веревочка, так как многим в состоянии паники кольцо не найти. Люди не помнят деталей. Освоение парашюта, по сути, сводится к освоению техники сознательного прыжка, т. е. самообладания, показателем чего является тот факт, что человек осознает и помнит все, что и как делал, он учится сознательности. Психологи установили определенные закономерности влияния прыжков с парашютом на развитие характера в сторону «повышения эмоционально-волевой устойчивости»…

Прыжки с парашютом, таким образом, стали одновременно и актом массового героизма, и практикой воспитания личности».

Причем в воспитании такой личности принимал участие сам Отец народов, как это показывает Волков на примере его отношений с Чкаловым.

«Имеется множество вариантов его (Чкалова, – *прим. авт.*) биографии, написанных как им самим, так и другими. Биографии варьируются по степени подробности, но тем не менее все они содержат одни и те же ключевые моменты, показывающие личность в процессе становления. Сначала это стихийная сила, юношеское богатырство, которые некуда, кроме драки, применить. Вместе с тем, биографии подчеркивают его народное происхождение. Потом Чкалов становится летчиком – дерзким, рискованным, но очень умелым. Совершив бреющий полет над железной дорогой и «прыжок» через встречный паровоз, самолет Чкалова задевает станцию и терпит крушение. Это уже второй разбитый им самолет, за что его в 1929 г. отстраняют от полетов.

Одноименный фильм показывает другой знаменитый хулиганский трюк Чкалова – пролет под Троицким мостом в Ленинграде. Основными чертами героя являются порывистость, сила, стихийность с элементами хулиганства. Но в 1932 г. Чкалову, наконец, находят соответствующее применение – он становится летчиком-испытателем на Московском авиационном заводе. Далее 2 мая 1935 г. происходит событие, которое меняет его жизнь и дает толчок развитию личности. На аэродром им. Фрунзе приезжает Сталин. Чкалов показывает воздушные трюки, потом они беседуют. Впоследствии Чкалов напишет: «После встречи с великим вождем содержание моей жизни стало богаче, я стал летать более дисциплинированно, чем летал раньше, в меня, казалось, влились новые огромные силы для служения нашей прекрасной родине».

Диалог Сталина и Чкалова на аэродроме стал известен на всю страну, его цитировали во всех массовых изданиях. Сталин спрашивает у летчика, берет ли он с собой парашют, когда летает. Чкалов отвечает, что нет, не берет, так как он испытывает дорогие машины и сохранить машину важнее всего, а о себе заботиться – дело, мол, вторичное. «Нет, товарищ Чкалов, – говорит Сталин, – надо пользоваться парашютом, так как человек для нас самое дорогое, дороже техники». Чкалов поразился этой сталинской «заботе о человеке» и пообещал впредь брать с собой парашют. Увы, в 1937 году он все же разбился.

Однако речь о другом. Во всех биографиях Чкалова выстраивается единая, четкая линия: движение от стихийности, необузданности, порывистости к большей самодисциплине, точному расчету, самоконтролю, где Сталин выступает как дисциплинирующая инстанция, запускающая активную работу над собой, поднимающая уровень сознательности. Аналогичные переходы имеются и в биографии Байдукова – от хулигана к рациональному, рассчитанному героизму.

То же самое можно проследить и в отношении к стахановскому движению, которое поначалу ассоциировалось просто с перевыполнением нормы, с физическим порывом, с простым напряжением сил. Но постепенно, особенно после первого съезда стахановцев в декабре 1935 году и известной речи Сталина, смысл стахановского движения меняется. «Стахановцы, – говорит Сталин, – это люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами».

То есть по отношению к стахановцам Сталин выполняет ту же

воспитательную роль, что и по отношению к летчикам. Культурная логика движения смещается в сторону самодисциплины, технических навыков, гигиены и общей культурности. Итогом стахановского движения должен стать рост сознательности. Трудовой порыв воспринимается как вредный, если он не основывается на знании и расчете.

Эти на первый взгляд далекие друг от друга, но яркие явления жизни тридцатых годов были связаны с воспитанием новой личности и освоением определенной системы навыков, вписанных в структуру нового советского индустриального общества. Скоро ему пришлось пройти проверку войной. Она показала: СССР смог выставить против врага новый культурный и социальный тип человека, который оказался более стойким и героическим, более способным и лучше обучающимся, чем противостоящая ему армия всей «цивилизованной» Европы.

Эти люди, воспитанные Советской властью, видевшие в Сталине своего вождя и Отца народов, отстояли страну, одержали победу над мощной, прекрасно организованной военной армией Гитлера. Среди них были и родные дети Сталина, его сыновья Василий и Яков, приемный сын Артем Сергеев.

Когда одни становятся героями…

В своей «Книге для родителей» Макаренко описывает эпизод, когда четырнадцатилетний мальчик Алеша, сын высокопоставленного советского чиновника, устраивает скандал из-за того, что билеты на курорт, где семья собирается провести летний отдых, куплены не в международный, а в мягкий вагон. В мягком он ехать отказывается. В книге конфликт благополучно разрешается, потому что отпор малолетнему советскому «барчуку» дает старшая сестра, которая легко и с презрением к «барским» запросам доказывает мальчишке, что он не только международного, но и мягкого вагона, как и курорта, пока еще ничем не заслужил.

Ну, а в жизни? Как в жизни разрешались коллизии с многочисленными отпрысками высокопоставленных родителей, которые росли в условиях, несравнимых с условиями большинства народа, несмотря на то, что советская власть условия существования народа по сравнению с дореволюционным временем многократно улучшила? Увы, в реальной жизни умные сестры попадались не часто, и выросшие в полном достатке, часто с няньками и гувернантками, прислугой в доме детки элиты закономерно превращались в новую, советскую буржуазию, для которой идея всеобщего равенства и всеобщего народного счастья не могла не стать чуждой, если не враждебной.

Но почему же отцы в таких семьях, еще недавно не на жизнь, а на смерть сражавшиеся за равенство и уничтожение эксплуатации и эксплуататоров, став новой элитой, тут же вернулись, по крайней мере, в личной жизни к старым порядкам? То же самое было и в семьях творческой интеллигенции, где порядки вообще не менялись. Там все было еще хуже, поскольку в них чаще всего царила, как до, так и после революции все та же атмосфера интриг, подсиживаний, зависти, без которой эта интеллигенция своего существования, кажется, вообще не мыслит. И, разумеется, там росли циники, для которых всякие светлые идеи вообще были лишь блефом и обманом «для простонародья», а потому они с ранних лет стремились к счастью только для себя, к красивой жизни, наполненной красивыми, преимущественно заграничными вещами и комфортом. Ни пионерия, ни комсомол не в силах были пересилить эти потаенно-мещанские, а по сути буржуазные стремления, ставшие в конце их концов подлинной сущностью. И как когда-то революционная молодежь стала движущей силой всех общественных преобразований в стране в двадцатые-тридцатые

годы, своим героическим трудом выведя ее на уровень сверхдержавы, так эти люди со временем стали движущей силой преобразований обратных. Отрекшись при первой же возможности от идей, которые всю жизнь, как оказалось, с трудом преодолевая себя, воспевали, они с воодушевлением занялись поливанием грязью страны, народа, всей истории.

То есть не только идеология, по поводу которой велись ожесточенные дискуссии в партии в двадцатые годы, привела советское общество и советский социализм к краху, но и, в не меньшей мере, обуржуазивание быта партийно-советской верхушки, неизбежно приведшее ее к конформизму, соглашательству, а потом и отступлению перед Западом. Да, сам Сталин славился своей неприхотливостью в быту, равнодушием к комфорту и прочим украшательствам жизни, но далеко не все его соратники и не вся советская элита были такими же. Почему же он жестко их не ограничивал? Неужели не понимал, что именно это создает из «пламенных революционеров» «проклятую касту»? Или же понимал, но шел у них на поводу, боясь в условиях жестокой внутрипартийной борьбы оттолкнуть от себя сторонников?

Возможно, именно так и было. Ведь становление советской буржуазии началось еще в первой половине двадцатых годов – во время нэпа. «Для многих идейных большевиков, – пишет Федор Раззаков в статье «ГПУ против «красных буржуев», – введение нэпа было катастрофой, поскольку у них возникал резонный вопрос: «За что боролись?» Однако Ленин настоял на принятии именно этого пути, объясняя, что нэп – это не уступка «мироедам-капиталистам», а всего лишь временная передышка. Возможность накопить «жирок», который затем поможет стране выстоять в противостоянии с мировой буржуазией. Однако так вышло, что введение нэпа (при всех ее плюсах) ускорило процесс формирования своей собственной буржуазии – красной. Ведь на базе капиталистических отношений аппетиты новых «хозяев жизни» стали расти в геометрической прогрессии. И это было закономерно, учитывая тот факт, что новый государственный и хозяйственный аппарат молодого государства приходилось формировать второпях и из тех людей, которые были под рукой. Почти 80 процентов этих кадров были представителями интеллигенции, бывших собственников, дельцов, банкиров, коммерсантов и их бывших приказчиков, которые были либо чужды Советской власти, либо откровенно ей враждебны. И лишь 20 % нового слоя руководителей представляли собой идейных большевиков, причем многие из них в моральном плане оказались не лучше «бывших».

Словом, стремление к личному достатку у многих партийцев быстро пересилило коммунистические идеалы – возникла коррупция, взяточничество, казнокрадство. Разумеется, советское государство боролось с такими явлениями, и во главе этой борьбы встали, по призыву Ленина, Дзержинский как председатель ОГПУ и ВСНХ, и нарком Рабоче-крестьянской инспекции (1920–1922), а с весны 22-го Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин. Но в условиях нэпа полностью устранить коррупцию, взятки, воровство и остановить перерождение «пламенных большевиков» в «красную буржуазию» было невозможно. Это случилось только после сворачивания нэпа. Но зараза уже была занесена, государственный организм уже был инфицирован, и время от времени болезнь давала рецидивы. Вспомним непомерное увлечение трофеями практически всех советских генералов и маршалов в конце Великой Отечественной войны во главе с Жуковым. Удержались, как считают исследователи этого периода, только двое – Рокоссовский и Василевский. Почему Сталин не боролся с этим перерождением более радикально? Но ведь нэп, ставший спусковым крючком болезни, был введен не троцкистами – любителями красивой жизни, а Лениным при поддержке всей партии, в том числе и Сталина. Возможно, он чувствовал за это свою вину и ответственность…

Но были ли другие пути, кроме нэпа, для восстановления полностью разрушенной страны? Трудно сказать, СССР стал первым в мире государством, строившим социализм, поэтому вынужден был двигаться путем проб и ошибок.

Тем не менее, в результате именно эта «проклятая каста», полностью обуржуазившаяся, возлюбившая превыше всего спокойствие и комфорт, внешний и внутренний, и погубила государство, и вызвала своими спецпайками, спецмагазинами, спецполиклиниками презрение и отторжение народа, который в решающий момент не захотел вставать на защиту такого переродившегося, фальшивого, несправедливого, по его мнению, строя, без боя сдав страну врагам и предателям.

Я мало в чем могу согласиться с писательницей Ларисой Васильевой, сделавшей жизнь и быт кремлевской верхушки, детей и жен советских лидеров неиссякаемой темой своего во многом конъюнктурного творчества, но ее вывод: «Кремлевские привилегии – главная отличительная черта небольшой группы людей от всего народа – не только разложили души, испортили характеры и изломали судьбы привилегированных, но и лишили целое столетие возможности сформировать не «проклятую касту», а гармоничный мир», – оспорить трудно.

Причем не только лишили возможности, но и опошлили, исказили мечту о таком гармоничном мире, представив ее глупой, недостижимой в жизни, вредной сказкой. Тем и победили. Победили, принеся в жертву великую страну. Причем, как считает уже упоминавшийся Павел Краснов, сделали это вполне осознанно: «Без сомнения, уничтожения Системы Будущего было сознательным и целенаправленным. **Происходило приведение в соответствие общественной системы и управленческой элиты путем опускания общества до уровня, которым эта шайка могла управлять комфортно для себя…** Наш народ не сумели сломить силой, его сломили подлостью и предательством. Это урок нам на будущее… Если когда-то будет создан СССР-2, то воспитание сильного, несгибаемого и волевого человека станет важнейшим вопросом обеспечения государственной безопасности, тогда невозможны станут второй хрущев или горбачев».

Но почему Сталин не оставил преемника и не создал механизм передачи власти? Как оказалось, что вокруг Сталина были сплошь предатели? «Не совсем так, – полагает Краснов. – Людей Будущего, верных сподвижников Сталина в руководстве страны было немного, но они были, иначе Сталин вообще ничего не смог бы сделать… Кстати, преемника было бы убить еще легче, чем Сталина.

Естественно, что лучше Сталина никто этого не понимал. Поэтому единственное, что он мог сделать – это создать такую систему, при которой формирование преступной олигархии было бы крайне затруднено. Было бы более чем странно и неуместно создавать такой механизм во время Индустриализации, Войны или Возрождения Народного Хозяйства, да на это бы не хватило никаких человеческих сил… Потом же, когда страна, наконец, получила возможность вздохнуть, Великий Архитектор (то есть Сталин, – *прим. авт.*) приступил к выполнению своего плана. Сталина убили именно тогда, когда он начал создавать такой механизм… Последнее дело своей жизни Великий Архитектор завершить не успел, хотя был совсем недалек от успеха. Именно поэтому его и убрали, пошли на очень и очень большой риск: настолько партийная верхушка испугалась того, что ее власть уходит навсегда и безвозвратно…»

Васька Красный

То есть воспитание человека нового типа – сильного, несгибаемого и волевого – оказалось более успешным в советском обществе, чем в его верхушке, где этому не всегда помогал даже личный пример. Хотя Макаренко, рассказывая историю с Алешей, именно в этом видит выход – в общем правильном стиле жизни семьи, в ее атмосфере, а также в скромности и самоограничении самих высокопоставленных лиц. И приводит в пример Сталина, цитируя Анри Барбюса, который в конце двадцатых – начале тридцатых годов неоднократно бывал в Советском Союзе, бывал в гостях у вождя и описывал скромность быта его семьи:

«Поднимаемся по лестнице. На окнах белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая. Обставлены просто, как в приличной, но скромной гостинице. Столовая имеет овальную форму; сюда подается обед – из кремлевской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яков спит в столовой, – ему стелют на диване; младший – в крохотной комнатке, вроде ниши». (Анри Барбюс. Сталин.)

Однако Макаренко не знал, что его пример был не самым удачным. Да, Сталин, безусловно, являлся образцом руководителя-аскета, но общая атмосфера в семье не всегда была самой лучшей, ссоры между супругами случались нередко, самоубийство Надежды и вовсе разрушило ту хрупкую теплоту семейных связей, которые существовали в ней до этого трагического случая, и стало тяжким потрясением для каждого из ее членов.

Правда, «барчуками» сталинские сыновья не стали (о дочери разговор особый), хотя Василий, при попустительстве многочисленной «обслуги» и столь же многочисленных родственников и не прочь был воспользоваться громадными возможностями и именем своего отца. Но, при всем том, он, кажется, оказался единственным из детей Сталина (кроме разве что приемного сына Артема Сергеева), который, несмотря на все его недостатки, настоящие и вымышленные, понимал, что его отец – еще и вождь, еще и символ, еще и отец народа всей огромной страны. Он был, видимо, единственным из них, кого затронула и покорила та великая идея построения страны социальной справедливости, всеобщего счастья, родины

социализма, ради которой жил и работал его отец. И он, конечно же, стал летчиком.

Василий родился 21 марта 1921 года, когда его отцу уже исполнилось сорок лет, а матери, Наденьке Аллилуевой, было только двадцать. Познакомились они, как известно, еще в 1918 году, в Питере, когда Сталин возвратился из ссылки и остановился в семье своего старого друга, старого большевика Сергея Аллилуева. Наде тогда еще не исполнилось и семнадцати, она была младшей в семье – семье не самой благополучной, хотя и стопроцентно революционной. Дело в том, что Надина мама, Ольга Евгеньевна Аллилуева, частенько «загуливала», бросая при этом семью на все время очередной «роковой страсти». Потом возвращалась, а муж и отец, Сергей Яковлевич, почему-то неизменно неверную жену прощал. Почему? Такое и сейчас мало какой муж терпеть станет, а тогда, в дореволюционном Баку, где строгость нравов дореволюционного общества усиливалась кавказским менталитетом, это было, надо думать, особенно нестерпимым. Да и позднее, в Питере, происходило то же самое.

Разгадку столь странной семейной жизни Аллилуевых узнали после революции, когда Ольга Сергеевна, став тещей Генерального секретаря партии, оказалась прикреплена к Кремлевской поликлинике – у нее была шизофрения. Увы, эти болезненные гены она передала и своим детям, двое из которых – Павел и Надя – покончили жизнь самоубийством, а Анна Сергеевна свои последние годы провела в психиатрической больнице. Надо думать, Сергей Яковлевич знал о болезни жены задолго до того, как ей был поставлен диагноз в Кремлевке, и, как порядочный человек, больную жену жалел и терпел рядом. Возможно, она лечилась и до революции, однако шизофрения – болезнь неизлечимая. Надо думать, знали о болезни матери и дети, иначе их отношение к ней было бы, скорее всего, другим. А вот знал ли о болезни матери невесты Сталин до брака с Надеждой – большой вопрос. Или знал, но надеялся, что Надежду и его минет чаша сия? Не всегда же больные гены передаются по наследству. Передались. Этот диагноз Надежде Аллилуевой поставили в Германии, когда ее стали мучить невыносимые головные боли, когда у нее уже родилось двое детей – Вася и Света. Чаша не миновала.

В 32 года Надежда Аллилуева покончила жизнь самоубийством. Вокруг этой смерти наверчено множество слухов и версий. Враги Сталина однозначно обвиняют в смерти жены его самого, его грубость и даже хамство по отношению к ней, а также будто бы ее политические взгляды, не такие, как у него. Друзья и соратники невнятно говорят о ее нервности, вспоминают ее

головные боли, бешеную ревность, ее несправедливые нападки на мужа, даже оскорбления в присутствии посторонних людей, в ответ на которые он отмалчивался. Что тут правда, что ложь – уже не установить. Только нужны ли причины для самоубийства, когда присутствует болезнь?

Безусловно, ударила смерть матери и по детям. Правда, Сталин считал, будто дети забыли мать недопустимо быстро, но это еще не значит, что материнская смерть прошла бесследно для Васькиной хрупкой психики.

Но вернемся в март 1921 года. По дошедшим до нас из тех времен легендам и слухам, первый месяц счастливый отец ребенка с матерью месяц не разговаривал – то ли сердился оттого, что она не хотела называть его на «ты», а упорно величала на «Вы», то ли оттого, что она родила не дочь, как ему хотелось, а сына. Ну, самодур и тиран, что с него возьмешь. Но вот в одном из источников читаем, что юная жена Сталина, накануне родов, поссорившись с мужем, ушла из дома неизвестно куда, рискуя ребенком. В результате Васька появился на свет не в Кремлевской больнице, где с первых минут своей жизни был бы обеспечен всем необходимым, а в каком-то крошечном роддоме на окраине Москвы, где её после родов с трудом разыскали. Так, может, из-за этого сердился на неё Сталин? Поссорилась с мужем, решила показать характер, ушла из дома… А о ребенке, который вот-вот должен был родиться, подумала? Для кавказских мужчин, привыкших, что для женщины первое место в жизни занимает семья, то есть муж и дети, такое поведение кажется непростительным. Да и для многих некавказских тоже.

Но все же простил. По тем же легендам и слухам, а также по вполне достоверным воспоминаниям можно понять: свою молодую жену суровый Иосиф Виссарионович сильно любил и прощал ей многое, что некоторые другие мужья и не в таком ранге не прощают. Например, то, что выносила сор из избы, жаловалась на него не только родным и друзьям, но и недругам, ссорилась с ним, унижая его, гордого сына Кавказа и вождя народа, в присутствии свидетелей, о чем уже шла речь раньше. Разумеется, он и сам был не ангел, был вспыльчив, как все южные мужчины, и не всегда сдержан. И все же старался быть снисходительным к поступкам своей юной жены, делая скидку на разницу в возрасте.

К счастью, роды, пусть и не в элитном роддоме, прошли благополучно. Ребенок родился здоровым, правда, впоследствии оказалось, что нервная система у него слаба и неустойчива. Но это, скорее, результат наследственности, чем неудачных родов. Во всяком случае, в письме свекрови через полтора года после

рождения Васьки, Надежда пишет: «Васенька в Москве чувствует себя совсем иначе, чем на Кавказе (Весной 1922-го годовалый Василий уже побывал с матерью на Кавказе и был показан своей грузинской бабушке. – *прим. авт.*), он стал совсем здоровый, ни разу не болел, уже кушает котлетку мясную, кашку и кисели; говорить он еще не научился, но так просто кое-что лепечет. Он так привык ко мне на Кавказе, что очень скучает, когда я бываю на службе, а когда я к нему прихожу, он всё время держит меня за юбку и никуда не пускает».

Ох, уж эта служба! Неужели она была так нужна двадцатилетней жене вождя, не имеющей пока что ни образования, ни специальности, но зато уже имеющей ребенка и мужа, занятого делами государственного строительства, то есть делами огромной государственной важности? Разве не важнее было создавать ему условия для работы и отдыха, надежный семейный тыл и растить здорового ребенка? Для нас сегодня очевидно, что важнее, для неё тогда – нет, а объяснить молодой Наденьке, посоветовать, рассказать о значении семьи и о роли жены и матери было, похоже, некому, потому что её собственная мать, Ольга Евгеньевна Аллилуева, как уже говорилось, строительством семейного очага тоже особо не заморачивалась. Даже народив четверых детей, она с воодушевлением занималась не семьей, а революционной деятельностью и своими любовными увлечениями. Сталин это знал по себе, потому что любвеобильная Ольга Евгеньевна и его не обошла своим вниманием в прошлые времена, отчего даже пошла байка, что Сталин будто бы женат на собственной дочери. Сам он, видимо, сказать жене о важности нормальной семьи, в том числе и для воспитания детей, пытался неоднократно, но успеха не добился, зато был записан и ей самой и её многочисленными родственницами и эмансипированными подругами в деспотичного восточного сатрапа. Даже Владимир Ильич тут отметился. По воспоминаниям Фотиевой, секретаря Ленина (а Надежда работала именно в секретариате Ленина), однажды она сказала, что уходит с работы, так муж ей велел, поскольку времени на него и на детей у неё не оставалось. Фотиева тут же пошла к Ленину жаловаться на «восточного деспота». Владимир Ильич попросил, если Аллилуева не выйдет на работу тут же ему сообщить, а уж он примет меры – вразумит Сталина. Но Надежда на работу вышла. Фотиева доложила Ленину, он произнес: «Азиат».

В самом деле, до того ли было им, созидателям нового мира и новой морали, считающим семью и детей чем-то типа пережитков проклятого капиталистического прошлого! У них самих всё было на новый лад – жена могла прекрасно уживаться с

любовницей, жен могло быть несколько, мужей тоже и т. д. и т. п. Сталин был не из их числа. К счастью, в таких консерваторах в большевистской верхушке ходил не он один, поэтому революционным радикалам в семейной и сексуальной сфере пришлось с их существованием смириться. Как «консерваторам» пришлось смириться и принять до поры до времени новые формы воспитания типа детских домов, в которых пришлось побывать и сталинским детям, пока их мама печатала на машинке ленинские указы.

Как вспоминает Артем Сергеев, сын погибшего в 1921 году большевика Федора Сергеева, больше известного под партийной кличкой Артем, «Мы родились с Василием в одном роддоме с разницей в 19 дней, наши матери дружили, были они и содиректорами детского дома для беспризорников и детей руководителей государства. С двух до шести лет и мы с Василием были воспитанниками этого детдома. У Василия с самого раннего детства отец всегда был занят. Мать Василия была занята отцом: она обеспечивала его жизнь, а его жизнь значила много, и она это понимала: она была его помощницей, секретарем, разрывалась между детьми и мужем. И если другие женщины отдают предпочтение детям, то она, может быть, отдавала предпочтение тому великому делу, которым занимался ее муж. И поэтому дети воспитывались людьми, обслуживающими дом».

Артем или Томик, как звали его в семье Сталина, считался приемным сыном Сталина и названным братом Василия, жил с Васей в одной комнате и вместе с ним воспитывался. Безусловно, он знал всё или почти всё о том, что в сталинской семье происходило в то время, но насчет того, что Надежда Аллилуева была занята исключительно помощью мужу, наверно, всё же ошибается. Во всяком случае, сама она пишет свекрови в 1926 году, как раз тогда, когда, по словам Артема Федоровича, они с Васькой были воспитанниками детдома, «Дети мои здоровы. На днях их сниму и пришлю карточку. Яша учится, готовится дома к высшему учебному заведению, что из этого выйдет, пока не знаю, так как на ученье он ленив и не совсем способен. Но посмотрим, может быть, что-либо выйдет, с ним занимается учитель ежедневно. Вася уже грамотный (А Васе всего пять лет! – *прим. авт.*), сейчас он болен, у него грипп, а как поправится, то вместе со своей карточкой пришлет письмо, самим написанное. Я работаю и суечусь».

Из её биографии мы знаем, что она работала вначале в секретариате Ленина (а не Сталина!), затем в редакции журнала «Революция и культура» и в газете «Правда». В секретариате Ленина она была секретарем-машинисткой, кем она работала в

редакциях, неизвестно, скорее всего, тоже каким-то техническим сотрудником. Вдобавок, судя по воспоминаниям того же А. Ф. Сергеева, она еще и содиректор детского дома, где вместе с беспризорниками воспитывается и её родной сын.

О том, что они, дети, мало видели мать, вспоминала впоследствии, уже во взрослом возрасте её дочь Светлана, очень хвалившая при этом материнскую заботу об их с Василием воспитании и образовании: «Маму больше заботило другое (в отличие от отца, который любил заниматься хозяйственным обустройством семейной усадьбы-дачи, – *прим. авт.*) – наше образование и воспитание. Мое детство с мамой продолжалось всего лишь шесть с половиной лет, но за это время я уже писала и читала по-русски и по-немецки, рисовала, лепила, клеила, писала нотные диктовки. Моему брату и мне посчастливилось: мама добывала откуда-то замечательных воспитательниц… В особенности это требовалось для моего брата Василия, слывшего «трудным ребенком». Возле брата находился чудесный человек, «учитель», (как его называли), Александр Иванович Муравьев, придумывавший интересные прогулки в лес, на реку, рыбалки, ночевки у реки в шалаше с варкой ухи, походы за орехами, грибами и еще Бог весть что. Конечно, это делалось с познавательной целью, вперемежку с занятиями, чтением, рисованием, разведением кроликов, ежей, ужей и прочими детскими полезными забавами. Попеременно с Александром Ивановичем с нами проводила все дни, лето и зиму, воспитательница (тогда не принято было называть её «гувернанткой») Наталья Константиновна, занимавшаяся с нами лепкой из глины, выпиливанием всяких игрушек из дерева, раскрашиванием и рисованием и уже не знаю еще чем… Она же учила нас немецкому языку. Я не забуду её уроков, они были занимательны, полны игры – она была очень талантливым педагогом».

И далее: «Вся эта образовательная машина крутилась, запущенная маминой рукой, – мамы же никогда не было дома возле нас. В те времена женщине, да еще партийной, вообще неприлично было проводить время около детей. Мама работала в редакции журнала, потом поступила в Промышленную академию, вечно где-то заседала, а свое свободное время она отдавала отцу – он был для неё целой жизнью. Нам, детям, доставались обычно только её нотации, проверка наших знаний. Она была строгая, требовательная мать, и я совершенно не помню её ласки: она боялась меня разбаловать, так как меня и без того любил, ласкал и баловал отец…»

Почему-то так и хочется сказать: «Бедные, бедные дети», –

несмотря на всех этих замечательных педагогов и воспитателей, гувернеров и гувернанток (то есть вполне буржуазную систему воспитания), которые, при всех своих талантах и способностях, никак не могли заменить детям мать, материнскую нежность и теплоту. Вряд ли много времени у неё оставалось и для мужа с такой-то занятостью.

Причем нельзя сказать, что от этой своей работы, обычной и общественной, она была в большом восторге. Впрочем, как и от семьи. Так, в 1926 году она писала по этому поводу своей новой родственнице Марии Сванидзе: «Я очень жалею, что связала себя опять новыми семейными узами (речь шла о предстоящем рождении Светланы, – *прим. авт.*). В наше время это не очень легко, так как вообще страшно много новых предрассудков, и если ты не работаешь, то уже, конечно, «баба», хотя, может быть, не делаешь этого потому, что считаешь работу без квалификации просто не оправдывающей себя интересом к ней. А теперь, особенно когда я займусь семьей, думать о квалификации не приходится. Я Вам, дорогая Маруся, очень советую за границей (М. А. Сванидзе тогда работала вместе с мужем А. С. Сванидзе в советском торгпредстве в Берлине, – *прим. авт.*) чем-либо для России запастись. Серьезно. Вы даже не представляете, как тяжело работать только для заработка, выполняя любую работу, нужно иметь обязательно специальность, которая дает тебе возможность не быть ни у кого на побегушках, как это обыкновенно бывает в «секретарской» работе, а выполнять всё, что касается специальности».

Да так ли был нужен семье этот её грошовый секретарский заработок? Можно подумать, что Сталин без него не смог бы прокормить свою семью. И уж, конечно, она не стала бы для него «бабой», менее любимой и дорогой, если бы эту не приносящую ей самой удовлетворения работу оставила. Нет, просто мама маленького Васьки была дитем своего времени, когда эмансипированные женщины новой страны стремились к новой жизни, наполненной самостоятельной, желательно творческой работой. Не творческая и не самостоятельная, пусть даже в секретариате Ленина или в редакциях таких известных изданий, тяготила. Но не менее тяготила и жизнь без работы – с семейными «бабскими» заботами. Тут, видимо, повлиял и пример родительской семьи, где, судя по юношеской переписке Надежды, бытовые заботы лежали на подросших дочерях, и где мать могла, закрутив роман с «товарищем по борьбе», на месяцы исчезать из дома. Последнего, кажется, больше всего боялся Сталин, позора измены он бы не вынес. Но измены не было, как бы ни пытались на неё намекать жадные до сенсаций современные беллетристы –

Надежда любила и ревновала мужа не менее сильно, чем он её.

Было другое: новая мораль с новыми предрассудками, о которой писала Надежда в Берлин своей родственнице, её собственная натура со страстным стремлением к независимости, желание состояться в этой новой жизни не благодаря мужу, а благодаря себе, своему характеру, своим знаниям и умениям. Не последнюю роль в этих стремлениях, приобретающих крайнюю степень выраженности, играла набирающая силу болезнь. Потому что те же проблемы возникали ведь и в других семьях первых руководителей Советской страны, среди которых было немало и кавказцев, но там до крайностей не доходило. Конечно, сейчас принято в этих проблемах винить исключительно Сталина с его невыносимым характером диктатора. Однако, судя по воспоминаниям родных и близких его семьи, трудно сказать, кто в этих распрях был виноват больше.

Так или иначе, против был Сталин или нет, но Надежда, как видим, всегда работала и именно работу, а не семью считала главным в своей жизни. Дети же с ранних лет были предоставлены заботам нянек и воспитателей.

Вот Надежда пишет свекрови после рождения дочки: «Недавно я родила Вам внучку, очень хорошую девочку, которую звать Светланой. Родилась она 28/II в 3 часа ночи… Васенька стал совсем большим мальчиков, он эту зиму очень часто болел и поэтому чувствует себя немного слабо. Он очень вырос и стал очень самостоятельным человечком».

Васеньке, между прочим, в ту пору еще не исполнилось и пяти лет. Но приходится быть самостоятельным, если родители все время заняты работой, а они с Артемом – в детском доме вместе с беспризорниками. Артем потом вспоминал, что они с Василием пробыли в этом детском доме «в этой самой компании» с 1923 по 1927 год. Но о детском доме Надежда свекрови не писала. Надо думать, та подобных революционных методов воспитания не поняла бы и не одобрила. Поэтому приходилось писать более понятное: «Яша это лето (лето 1927 года, – *прим. авт.*), очевидно, опять поедет на Кавказ, и тогда Вы увидите, какой он стал большой и как он похож на Иосифа. Светланочка тоже похожа на него. Она очень хорошая и веселая девочка, так что мы её все очень любим, только Васенька, хотя и очень любит её, но все-таки немного ревнует, но это пока он еще глупенький. Вырастет немного и поймет, что не нужно этого делать».

Васенька вырос, но ревность осталась, только не к матери, матери уже не было, а к отцу. А близости между братом и сестрой так и не появилась – слишком разными они были людьми. Он был вспыльчивый, заводной, бесстрашный до бесшабашности,

неусидчивый и хулиганистый, но очень добрый, готовый поделиться последней рубахой. Она – всегда себе на уме. И оба – очень, очень непростые дети, оба со слабой психикой, очевидно, унаследованной от матери.

А что касается самостоятельности, то да – с возрастом Василий становился все более самостоятельным. Вот в сентябре 1930 года Надежда пишет мужу, который находится в отпуске на юге: «Всех нас в Москве развлек прилет Цеппелина (10 сентября 1930 года крупнейший в мире немецкий дирижабль “Граф Цеппелин” (LZ 127) под командованием Хуго Эккенера долетел до Москвы и два часа кружил над Москвой на высоте 150 метров в сопровождении нескольких советских самолётов, – *прим. авт.*), зрелище было, действительно, достойное внимания. Глазела вся Москва на эту замечательную машину… В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал».

В 1930 году Васе было девять лет. Но ни тени беспокойства в словах матери, отпустившей ребенка на велосипеде через всю (!) Москву, не чувствуется. Конечно, Москва в 1930 году была не такой огромной, как сейчас, но все же не провинциальный городок, численность населения, по переписи 1926 года – более двух миллионов. И движение транспорта было весьма оживленное – в телефильме Е. Листовой о метро, например, говорится, что в те годы Москва задыхалась от пробок, почему и возник вопрос о строительстве метрополитена. А Васька Красный – сын главы государства. А вот поди ж ты! Нам сейчас даже и не понять поведение его матери – то ли, правда, ребенок был такой самостоятельный, смелый и умелый, то ли мать чересчур спокойная. Или жизнь была другая?

У семи нянек

В это время Вася уже ходил в школу, но школа ему, неугомонному, чересчур подвижному мальчугану, совершенно не нравилась. Хотя, по общему мнению, способности у него были хорошие, к тому же, как мы помним, «грамотным» он был с пяти лет, так что трудностей в постижении азбучных истин быть не могло. Другое дело, что в школе дисциплина нужна, а с ней у Василия всю жизнь были проблемы.

Тем более что в одиннадцатилетнем возрасте он потерял мать, в отличие от маленькой сестры, уже прекрасно осознав этот страшный факт. Сильно ли он его переживал? Воспоминания родственников и того же Артема говорят о том, что сильно, и Сталин в данном случае был неправ. Правда, то, что мать была с детьми довольно холодна, да и времени они с ней проводили немного, наверно, облегчило удар. Тем не менее, качество воспитания, безусловно, ухудшилось. Сталину некогда было заниматься детьми, это понятно. Но вот почему он доверил их воспитание охране, вместо того, чтобы, как Надежда в свое время, подобрать воспитателей, профессиональных педагогов, вернее, поручить подобрать их кому-то из многочисленной родни или помощников, непонятно. Хотя ведь любил детей, думал о них, заботился, во время коротких встреч старался как-то на них повлиять. Как пишет в своих воспоминаниях Светлана, «Нас, детей, он видел на квартире во время обеда, тут он и спрашивал об учебе, проверял отметки в дневнике, иногда просил показать тетради. Вплоть до самой войны, как это полагается делать всем родителям, он сам подписывал мой школьный дневник, а также дневник брата (пока тот не ушел в 1939 году в авиационную спецшколу). Все же мы виделись тогда часто, почти каждый день».

О том же сообщает и М. А. Сванидзе в своем дневнике в ноябре 1934 года: «Вася… последние полгода все время с отцом. Но внутренне он не заботится быть отцу приятным, так как учится неважно и ведет себя в школе на «удовлетворительно». Приходится всем окружающим скрывать от отца все Васины проделки. При отце он тихий и дисциплинированный мальчик». А чуть раньше она записывает: «Обстановка создана идеальная, чтоб учиться, развиваться и быть хорошими. Ужас в том, что дети чувствуют привилегированность своего положения, и это губит их навеки».

Привилегированность действительно губит, но Василия в конце концов погубила не привилегированность положения, а «верные» соратники Сталина, после его смерти бросившие сына

вождя по надуманным обвинениям в тюрьму, а через год после нее и вообще, по мнению родственников и многих исследователей, сведшие его в могилу. Что касается воспитания, то могло ли оно после смерти матери и при крайней занятости отца быть идеальным?

Обстановку в семье Сталина ярко описывает в своих воспоминаниях приемный сын вождя Артем Сергеев. «…Дети воспитывались людьми, обслуживающими дом. Отношение этих людей к Василию было своеобразным: с одной стороны, они должны были его воспитывать, в чем-то ограничивать. С другой – боялись, что он пожалуется. Ну, а когда Василию минуло 11 лет, он остался без матери и оказался в руках работников охраны и учителей, которых брали в дом. А у семи нянек…

Василий был властолюбивым мальчиком, это да. Мы как-то с ним играли и перегородили вход в кабинет. Пришел Сталин, посмотрел, спрашивает: «Так. Кто тут у вас главный? Надо освобождать проход». Мы отвечаем, что оба главные. Он нам: «Нет, должен быть кто-то один главный, командир, а то когда два главных – вот так и получается – застряли. Тогда командование на себя беру я». Сразу сказал, кому куда встать, кому толкнуть, кому нажать – проход освободили. Ну а дальше говорит: «Том (меня так называли домашние) будет главным». Василий в ответ на это: «Ладно, пусть Том будет главным, а я чуточку главнее». «Нет, – говорит Сталин, – так не бывает. Главный всегда один, чуточку главнее не бывает, иначе выйдет неразбериха, и опять застрянете».

Еще один случай, рассказанный А. Ф. Сергеевым Екатерине Глушик: «Помню, однажды Василий прибегает домой, подходит к Иосифу Виссарионовичу и хвастает: “Папа, ребята, когда возвращались из школы, увидели, как старухи крестятся и молятся, так они бросили им под ноги пугачи-взрывчатку”. Сталин, нахмурив густые, черные как смола брови, со всей строгостью: “Зачем? Я спрашиваю, зачем они это сделали?!” Василий опешил: “А зачем они молятся?!” Отец ему в ответ: “Ты бабушку уважаешь? Любишь ее? А она тоже молится. Потому что знает чего-то такое, что ты не знаешь!»

Со Светланой не было проблем. Она училась очень хорошо. Была прилежной. Василию же отец порой жестко выговаривал. Конечно, какие-то проступки вызывали более серьёзные нарекания. Однажды сидели на даче за обеденным столом, Василий бросил кусочек хлеба в окно. Отец вспылил: «Вася! Что ты делаешь?! Ты знаешь, сколько в этом хлебе труда, пота и даже крови? Хлеб уважать нужно. Не всем хлеба хватает. И мы над этим работаем». Вася ответил: «Папа, я больше не буду, я

нечаянно». На что Сталин ответил: «За нечаянно тоже бьют. Хлеб – всему голова. Его надо беречь и уважать».

«Когда нам исполнилось по 13 лет, мы с Василием нашли бутылку шампанского. Выпили. Домашние пожаловались Сталину. Он вызвал нас и спросил: «Голова не кружилась? О, значит, ваша голова не голова. Еще рано, надо подождать немножко». Наверное, если бы он на нас накричал, мол, такие сякие, не смейте, мы бы на следующий день еще попробовали…»

А вот про изучение истории, которую Сталин очень любил и хорошо знал.

«Летом в августе 1934 года на даче в Сочи Сталин и Киров работали, в частности, над указаниями по составлению учебника «История СССР», который вышел в 1937 году под редакцией профессора Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал не просто все великие сражения, но и причины этих сражений, войн, знал, каково соотношение сил, чем закончились сражения: если поражение – почему, если победа – в результате чего достигнута.

Нам с Василием были даны задания. Каждому выдана книга – учебник истории Илловайского и Бельярминова, нужно было прочитать и отвечать на вопросы, выполнять задания. Думаю, помимо того, что нам хотели дать знания по истории, еще и смотрели, как усваивается тот или иной материал, что вызывает интерес или, наоборот, затруднения. Ну, пока не приехал Киров, у нас еще было свободное время, а потом мы даже забыли, что вблизи находится море.

Книги были не просто старые: над ними работал не один десяток, думается, читателей. И состояние их было, прямо скажем… И когда Сталин нам эти книги дал, мы их положили на терраску, где с Василием и жили. А терраска открытая. Убежали на соседнюю дачу играть в волейбол. Возвращаемся и издалека видим, что этот наш взгорочек, на котором находится дача, усеян белыми пятнами, по нему ходит Сталин, нагибается, подбирает что-то. Мы поняли: что-то случилось. Подбегаем, видим, что Сталин собирает листы. Оказывается, налетел ветер, его порывом учебник (а это был тот, что достался мне) разметало, и вот Сталин собирал разлетевшиеся листы.

Увидев нас, Сталин сказал пару серьезных резких слов в мой адрес: «У тебя что, на шее задница вместо головы?» Но эта вспышка гнева была секундной. Потом очень спокойно объяснил, что в этой книге описаны тысячи лет истории, что она далась потом и буквально кровью сотен людей, которые собирали факты, записывали, другими способами передавали, переписывали, хранили эти сведения. А потом ученые историки десятки лет

перерабатывали эти сведения, чтобы дать нам представление об истории человечества. «А ты?!»

Велел нам взять шило, нитки, клей и привести книгу в порядок. Кстати, Василий в свои 13 лет имел элементарные навыки переплетного дела.

Вообще он был мастер на все руки. Пару дней мы возились с этой книгой: подбирали листы, складывали, сшивали, сделали обложку из крепкой бумаги. Работу мы выполнили аккуратно и с большим усердием. Показали починенную книгу Сталину, он сказал: «Вы хорошо сделали. Теперь вы знаете, как надо обращаться с книгами». Мы тут же пояснили, что мы и раньше не хотели её портить, мы не знали, что она совсем не сшита и что налетит сильный ветер, который ее развеет, получилось все неумышленно. Но это был такой урок, что с тех пор я даже газету порвать не могу. И у Василия трепетное отношение к книгам сохранилось до конца жизни.

Сталин на это заметил: «Имейте в виду: у ветра может быть большая сила. Он может и помогать, и разрушать». И тут же нам сказал, что создаются ветровые двигатели, где с помощью ветра получают электроэнергию. Спросил: «Вы про ветряные мельницы знаете? Ветер у ветряных мельниц вращает валы, давит на лопасти, на крылья, вращает их, крутит вал, а вал крутит жернова, которые и размалывают зерно до муки. Есть книги про эти мельницы. Почитайте. Там вы найдете много интересного». Вот такая история была с книгой.

По ходу разговора Сталин объяснял многие вещи так просто и ясно, что запоминалось на всю жизнь. Мы с Василием, получив задания по книгам, потом отвечали на вопросы Кирова и Сталина, и я не помню, чтобы даже учителя в школе могли так четко формулировать вопросы, так толково и доходчиво объяснять. Например, отвечая, я перепутал и вместо «Плутарха» сказал «плутократ». Сталин поиронизировал на мой счет, но тут же растолковал значение слов «плутократ», а затем «демократ», «аристократ». Причем сделал это очень ненавязчиво, доступно для понимания. При объяснении значения слова «плутократ» коснулся политической и социальной обстановки в мире и стране.

Или как-то я читал текст, книга была старой. И там встретилась буква «фита» – это такой кружок, а поперек волнистая линия. Я вместо города Фивы прочитал «Оивы». Сталин объяснил, что это за буква, почему её сейчас нет. Сказал, что нужно обучать людей грамоте, чтобы они умели читать и писать, и сделать так, чтобы обучиться можно было быстрее максимально большому количеству людей. Эти буквы – фита, ять – останутся для профессоров-лингвистов, а чтобы всем проще и

быстрее научиться, азбуку немного упростили.

Ну, а если мы не очень хорошо выполняли задания, Сталин спрашивал: «Дорогой товарищ Киров, как Вы думаете, будем мы наказывать их сегодня?» Киров отвечал: «Великий вождь, давай не станем их наказывать на этот раз. Простим их». «Да? Считаете, что нужно на этот раз простить? Тогда так и сделаем, сегодня не станем их наказывать».

– …Между собой всегда у них с Кировым был юмор, – поясняет этот юмористический диалог Артем Федорович.

Учителя, о которых упоминает Артем Федорович, это то, что мы нынче называем репетиторами. Воспитателей, авторитетных, способных «взять в шоры» трудного подростка, не было. Так что эти функции приходилось выполнять охране. Охрана старалась, по мере своих возможностей и представлений о воспитании, а также исходя из указаний Сталина.

Вот он пишет в сентябре 1933 года коменданту зубаловской дачи С. А. Ефимову: «…Прошу Вас и Паукера (начальника сталинской охраны, – *прим. авт.*) устроить её (Светлану, – *прим. авт.*) в школу. Посоветуйтесь оба с няней и Каролиной Васильевной и определите, в какую школу её устроить. (К. В. Тиль присматривала за детьми и была экономкой в сталинском доме ещё со времен Надежды Аллилуевой, – *прим. авт.*) …Следите хорошенько, чтобы Вася не безобразничал. Не давайте волю Васе и будьте с ним строги. Если Вася не будет слушаться няни или будет её обижать, возьмите его в шоры… Держите Васю подальше от Анны Сергеевны (Аллилуевой, сестры Надежды, – *прим. авт.*): она развращает его вредными и опасными уступками».

Паукер тут же отвечает вождю на это письмо: «С Васей и учителем (с каждым отдельно) при Каролине Васильевне я имел серьезный разговор. Напомнил Васе его грехи, пригрозил. Он обещал мне с сегодняшнего дня вести себя хорошо. Учителю предложил не замазывать Васины проказы и не советоваться ему с Анной Сергеевной и бабушкой, а говорить обо всем Каролине Васильевне или звонить мне. Хорошо бы перевести его в другую школу. В 20-й очень много развинченных ребят – у меня намечена 25-я школа в Пименском пер. (Тверская). Там очень строго, большая дисциплина. В какую его группу зачислят – четвертую или пятую – покажут испытания. В эту же школу можно поместить и Светланку. Было бы хорошо взять ей учительницу. Я сегодня одну нашел. Знает немецкий, французский языки. Член партии с 1919 г. Одинока, ей 41 год – хороший педагог. Она бы могла и Васе преподавать языки. По всем вопросам прошу Вашего согласия и ответа».

Начальник охраны Паукер был вдобавок еще и председателем

общества «Друг детей» при ОГПУ СССР, поэтому, возможно, Сталин считал, что он занимается подбором учителей со знанием дела. Паукер вообще был очень услужлив, как пишет некий современный беллетрист Орлов, «Абсолютно все, что имело отношение к Сталину и его семье, проходило через руки Паукера. Без его ведома ни один кусок пищи не мог появиться на столе вождя. Без одобрения Паукера ни один человек не мог быть допущен в квартиру Сталина или на его загородную дачу. Он изучил сталинские вкусы и научился угадывать его малейшие желания…» Увы, Паукер выполнял приказы и просьбы не только Сталина, но и Ягоды, начальника ОГПУ и видного, как оказалось, троцкиста, поэтому в 1937 году был расстрелян и даже в хрущевские времена при массовых реабилитациях троцкистов не реабилитирован. Но тогда, в 1933-м, Сталин ему доверял и вскоре ответил: «Согласен на все Ваши предложения о Васе и Светлане. Сталин».

Васю перевели в новую школу, и вскоре он уже сам написал отцу о своих впечатлениях: «Здравствуй, папа! Я живу средне и занимаюсь в новой школе очень хорошей и думаю, что я стану тоже хорошим Васькой Красным… Привет тебе от нашего трудового коллектива».

Васька Красный – так он сам называл себя в детстве. Так его называли друзья и товарищи. Так, в шутку, его называл и отец, отвечая на его детские письма. Васе нравилось это прозвище, оно ему шло. И не только из-за цвета волос, который оба они со Светланой унаследовали от своей грузинской бабушки Екатерины, матери Сталина. Василий, сын вождя, был «красным» и по духу, и по убеждениям. Он боготворил отца, никогда, как это, по его и не только его мнению, сделала Светлана, не предавал его и память о нем, никогда, как Яков, не подвергал никаким сомнениям правильность отцовских идей и взглядов, которые стали и его взглядами и убеждениями.

Что же касается новой школы, то вскоре Васька Красный и в новых педагогах разочаровался: уж слишком трепетно они к нему относились, не могли даже самостоятельно решить вопрос, можно ему играть в футбол в школьной команде или нет, боялись, как бы он не получил травмы. Приходилось снова вступать с отцом в переписку. «Я живу ничего, хожу в школу, и вообще жизнь идет весело. Пап, я играю в первой школьной команде по футболу, но каждый раз, когда я хожу играть, бывают по этому поводу разговоры, что, мол, без папиного разрешения нельзя и вообще. Ты мне напиши, могу я играть или нет. Как ты скажешь, так и будет… У меня маленькая просьба, чтобы ты прислал немного персиков».

Отец в тот раз и персиков прислал, и в футбол играть разрешил, но так было не всегда – за плохую учебу и шалости, не раз бывало оставлял и без подарков.

Потому что охранники, зная характер Сталина, сообщать неправду не рисковали, докладывали всё, как есть: «Светлана учится хорошо. Вася занимается плохо – ленится, три раза Каролине Васильевне звонила заведующая школой, говорила, что Вася один день не стал в классе заниматься по химии, через несколько дней отказался по географии, мотивируя отказ, что не подготовился. В тетрадях по письму пишет разными чернилами, то черными, то синими, то красными, что в школе не разрешается. Бывают случаи – в школу забывает взять то тетрадь, то вечную ручку, а другой ручкой он писать не может и отказывается.

7. IX в школу не пошел совсем, говоря, что у него болит горло, но показать горло врачу отказался, температура у него была нормальная, а перед выходным днем и в выходной день он уроков не делал и, по-моему, в школу не пошел не потому, что у него болело горло, а потому, что не сделал уроков, и болезнь горла придумал, чтобы не идти в школу.

Вася имеет большое пристрастие к игре в футбол, так что через день после уроков в школе идет сыграть в футбол и домой приходит вместо 3 часов в 6–7 часов вечере, конечно, усталый, и учить уроки ему трудновато, тем более что учителя у него нет. Я его отпустил по распоряжению «тов. С.» (По распоряжению тов. Сталина, конечно, и как видно, зря, – *прим. авт.*), а с учительницей Вася занимается только по немецкому языку, а по остальным предметам он за помощью к ней не идет, говоря, что справляется сам.

19. IX. по двум предметам в школе получил отметку «плохо», так что у него есть уже 5–6 отметок на «плохо».

Несколько дней тому назад у Васи в кармане Каролина Васильевна обнаружила 10 рублей, на вопрос, откуда у него деньги, он вперед ей ответил, что не твое дело, а потом сказал, что он продал альбом с почтовыми марками, альбом этот ему был кем-то подарен.

19. IX. он на листе бумаги писал все свое имя и фамилию, а в конце написал Вася Ст… (написано полностью) родился 1921 года марта месяца, умер в 1935 году 20.IX. мне об этом сказала Каролина Васильевна. Записки я сам не видел, так как она ее уничтожила, эта надпись производит нехорошее впечатление. Уж не задумал ли он что?

Отношения с ним бывают хорошие, а бывают и такие, когда он капризничает.

В Кремле с ним вместе живет Том, с которым он и проводит время. Каждый выходной день дети проводят в Зубалове.

Вообще Вася чувствует себя взрослым и настойчиво требует исполнения его желаний, иногда глупых. Почему у нас и происходят с ним разногласия, которые почти сейчас же аннулируются благодаря моим доводам и уговорам».

Это письмо написал Власику снова тот же Ефимов, комендант зубаловской дачи – с тем, чтобы тот доложил о поведении и жизни сына Сталину.

Самому Сталину Ефимов, непосредственно общающийся с Василием, по законам субординации докладывать, видимо, был не должен. Какое уж тут могло получаться воспитание, с такой-то многоступенчатой системой подчинения и общения! И, главное, все эти люди, возможно, неплохие и по-доброму относящиеся к детям, не были воспитателями. Они пытались влиять на подростка Васю в силу своих понятий о плохом и хорошем, в силу своего авторитета, который, скорее всего, не мог быть слишком высоким, потому что это были люди подчиненные, стоящие ниже сына вождя на ступенях социальной лестницы. Во всяком случае, родителей заменить они никак не могли. А поскольку письмо Ефимова датировано сентябрем 1935 года, то получается, что Васе было в это время 14 лет – самый сложный, переломный подростковый возраст. И никого близкого рядом, кроме Артема. Однако Артем, пусть более спокойный и уравновешенный, но все-таки такой же подросток, вряд ли мог направить Васю на путь истинный. Да вряд ли и помышлял об этом. Потому ничего особо хорошего от такого воспитания ожидать вроде бы не приходилось. Однако становление личности – сложный процесс, на который оказывает влияние множество факторов. И что скажется сильнее: отсутствие профессиональных воспитателей и практическое отсутствие родителей или вот такие мимолетные, но яркие и сильные впечатления, которые оставляли в памяти Артема и, надо думать, Василия слова и поступки их отца, непререкаемого авторитета не только для них – для всего народа и всей страны – это еще большой вопрос.

И будем справедливы – при всей его бесшабашности, вспыльчивости, неусидчивости и неприлежании к учебе, у Васи было множество хороших черт. Например, друзей у него было огромное количество, в отличие от Светланы. Причем, как вспоминает тот же его друг и брат Артем Сергеев, «Он мог все отдать, что у него было, даже если за это ему могло попасть. Всегда старался товарищам что-то подарить, если даже ему и самому эта вещь была нужна. «За други своя» он готов был «живот положить». Василий, будучи школьником, много дрался, но

никогда не дрался с теми, кто был слабее его или меньше. Дрался со старшими после какого-нибудь спора или обиды, нанесенной слабому. Он был «слабозащитником». Ему часто доставалось, его колотили крепко. Он никогда не жаловался и, уверен, считал позором пожаловаться, что ему крепко досталось. Он был добрым мальчиком, в отношении товарищей у него была ласковость, с возрастом она прошла…

Был он очень хорошим рукоделом, у него в этом был удивительный пример и учитель – его дед Сергей Яковлевич Алилуев – удивительный мастер во всём, за что брался! По дому он, как впоследствии и Василий, многое делал сам. Умер он в 1945 году. Василий очень любил работать, в семье вообще приветствовался труд, особенно физический. Василий и дома, и на даче много работал: сгрести мусор, с крыши сбросить снег, грядки вскопать, починить что-то – он первый, и работал буквально до упаду. Работоспособность у Василия была весьма высокой всегда. Он любил физический труд, работу руками и хорошую работу, выходящую из-под его рук. У меня до сих пор сохранились его рисунки на плоских морских камешках, сделанный в переплете блокнот. Изготовлен этот блокнот мастерски: и с рисунками, и с портретиком вставленным, а ведь Василию тогда было всего 10 лет.

Он был талантлив во многом. Был хорошим спортсменом, хотя физически казался не крепким, даже на вид хиленьким. Например, играли старшие в футбол, его брали в команду: не за фамилию, а за ноги. Прекрасно играл в бильярд ещё мальчишкой. Мы с ним в свое время занимались в кавалерийской школе. Нам было по 13–14 лет. Нашими тренерами были мастера. Мы все прыгали конкур пионер-класса. А Василий, только начав заниматься, прыгал с мастерами, чемпионами, с такими, как капитан Эйдинов, Александра Левина, чемпионка СССР, Валентин Мишин. Как известно, лошадь в фамилиях не разбирается, ею управлять нужно. Мастера сами удивлялись. Конь у него был Борт. И, как говорится, мастер на мастере сидел. Они были привязаны друг к другу. Василий заходит в конюшню, Борт его ещё не видит, у себя в деннике стоит, но уже копытами перебирает, ржет – чувствует Василия, волнуется и радуется. Ну и Василий подойдет, сразу трепать его, гладить, в морду целовать, кусочек сахара даёт. Я удивлялся, что его так животные любят. А потом понял – они чувствовали, что он их очень любил, и отвечали ему тем же. Это была часть его жизни, а я тогда этого не понимал. Василий с детства и до конца очень любил животных. Лошадь раненую из Германии привез и выходил, она жила у него. Собак даже приблудных держал. Хомяк был у него, кролик. Он

заботился, чтобы собака кролика не съела. Собака у него одна была, как он говорил, с высшим образованием – знанием двух языков. Это была немецкая овчарка трофейная, так сказать: он привез её тоже из Германии, но выучил понимать по-русски. Разговаривал с животными, целовал их. Как-то я к нему пришёл на дачу, он сидит, рядом пёс – очень грозный пёс. А Василий его гладит, целует в носик, из своей тарелки даёт ему есть. Заметил мой недоуменный взгляд: как это? Ответил на моё немое недоумение: «Не обманет, не изменит». Сам он того и другого пережил много».

Что касается учебы и плохих оценок, то, по словам А. Ф. Сергеева, они случались не часто:

– Во-первых, дети Сталина, в том числе и я, почти всегда учились хорошо. А во-вторых, он нас никогда не наказывал. А дневничок-то иногда просил посмотреть. Причем он просил показать сей документ совершенно неожиданно. Как-то у Василия был период, когда в дневнике у него засверкали двойки. Так он попросил меня: “Спрячь мой дневник, только не потеряй”. Понимаете, Василий знал, что отец в любой момент может потребовать дневник, и на всякий случай он должен был быть».

Ну, тут Артем Федорович, похоже, просто прикрывает «друга незабвенного» от журналистских, писательских и прочих нападок. На самом деле, конечно, учеба не входила в список Васиных приоритетов, чему есть многочисленные свидетельства. Так, М. А. Сванидзе однажды записала в дневнике, что Сталин в гневе на Васину учебу даже пообещал выгнать его из дома, а на его место взять на воспитание троих способных парней. Речь о Васиных «успехах» на школьном поприще шла за семейным ужином. Отец дал своему Ваське Красному на исправление два месяца, сердобольные родственники, по словам М. А. Сванидзе, даже заплакали от ужаса перед грозившей двоечнику горькой судьбой. Но тогда как-то все обошлось, на троих сирот Сталин все-таки сына не обменял.

Из более позднего времени до нас дошло знаменитое письмо Сталина Васиному преподавателю Мартышину, из которого можно понять, что на Васю в очередной раз поступила жалоба, на сей раз из школы.

«Преподавателю т. Мартышину.

Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо.

Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения.

Василий – избалованный юноша средних способностей, дикаренок (типа скифа!), не всегда правдив, любит

шантажировать слабеньких "руководителей", нередко нахал, со слабой или – вернее – неорганизованной волей.

Его избаловали всякие "кумы" и "кумушки", то и дело подчеркивающие, что он "сын Сталина".

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от этого нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец-Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку.

Мой совет: требовать построже от Василия и не бояться фальшивых шантажистских угроз капризника насчет "самоубийства". Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

Привет!

И. Сталин. 8.VI.38 г.»

Как видим, отец оценивал сына сурово и нелицеприятно, может, даже чересчур строго, вот только «брать его за шиворот» было ему в это предвоенное время совершенно недосуг. Хотя у Василия, по словам его сестры, «…дела с учебой пошли все хуже и хуже. Учителя из школы и директор её одолевали отца письмами о дурном поведении и плохой успеваемости сына. Отец разъярялся, шумел, давал Василию нагоняй, ругал при этом всех – Власика, теток, весь дом, – но дело от этого не улучшалось…»

На самом деле, вовсе не от испорченности Васька Красный плохо учился, шалил и совершал другие проступки и шалости. Все родители, имеющие счастье (или несчастье, кто как на это смотрит) растить мальчишку с таким характером и типом нервной системы, знают, что хорошие стабильные оценки и примерная дисциплина в подобном случае – недостижимая мечта. Ну, не в силах такие мальчишки быть «хорошими» в том смысле, какой в это слово вкладывают взрослые – то есть послушными и дисциплинированными. Что же касается человеческих качеств, то Васька Красный, как уже говорилось, по свидетельству не только Артема, но и множества других людей, был и добрым, и отзывчивым, и щедрым, и бескорыстным. Вот, например, как характеризует сталинских детей в своих воспоминаниях многолетний глава охраны вождя Николай Власик:

«Дочь, любимица отца, хорошо училась и была скромной и дисциплинированной. Сын, по натуре одаренный, занимался в школе неохотно. Слишком он был нервным, порывистым, не мог

долго усидчиво заниматься, часто в ущерб занятиям и не без успеха увлекаясь чем-то посторонним, вроде верховой езды. О его поведении, скрепя сердце, приходилось докладывать отцу и расстраивать его. Детей он любил, особенно дочь, которую в шутку называл «хозяйкой», чем она очень гордилась. К сыну относился строго, наказывая за шалости и проступки. Девочка, внешне похожая на бабушку, мать т. Сталина, характером была несколько замкнутой, молчаливой. Мальчик, наоборот, живой и темпераментный, был очень душевный и отзывчивый…»

И, добавим, очень любящий отца, очень переживающий оттого, что не соответствует тому идеалу, какой бы желал видеть отец. Об этом и написал Сталину умный преподаватель Мартышин в ответ на приведенное выше письмо:

«Прошу извинить за навязчивость, но я не могу скрыть от Вас одного наблюдения, а именно: Василий болезненно переживает ту неприятность, которую он Вам причинил, Вам, которого он искренне любит и к которому его влечет.

Однажды в разговоре со мной о его самочувствии Василий заявил мне, что готов сделать все, чтобы восстановить Ваше доверие, чтобы быть ближе к Вам…»

Вот такого бы умного, справедливого и требовательного педагога привлечь к Васиному воспитанию, глядишь, толку было бы намного больше. Но Мартышина в списке преподавателей школы № 2 на следующий 1938–39 год не оказалось, о чем он написал Сталину, правда, не объясняя причин. То ли сам ушел почему-либо, то ли дирекции показался слишком инициативным, а с такими людьми, которые чуть что вождю готовы письма писать, хлопот не оберешься.

Но Вася, к счастью, вскоре сам нашел путь своего исправления, причем наиболее для него подходящий – он, человек, страстно любящий не только животных, но и технику, риск и скорость, решил поступить в Качинскую авиашколу, в которой сумели все же привить ему необходимые правила дисциплины и самоограничения и сделать из него первоклассного летчика и красного командира. Это и сам Василий признавал, сказав однажды другу: «Отец на меня жалуется, говорит, что я горяч, не выдержан, веду себя не как положено. А кто в этом виноват? От кого я мог быть хорошо воспитан? Сам он не занимался нашим воспитанием – у него работа. После смерти матери отдал нас на воспитание во второй интернациональный дом вместе с испанскими детьми. Затем нас воспитывали беззубая немка и рязанский милиционер, который научил меня пить водку и шляться по бабам. Вот и все мое воспитание. Хорошо хоть немного подправила пробелы в этом Качинская школа, где

мне не давали поблажек…»

Вообще-то воспитанием Василия занимались, как мы видим, постоянно. Другое дело, что воспитателей было слишком много, а вот система отсутствовала.

«Первым делом, первым делом самолеты…»

Школу № 2 с артиллерийским уклоном Василий Сталин не закончил, артиллерия его не привлекала. Вначале он, страстный любитель лошадей, мечтал стать кавалеристом, не отходил от Семена Ивановича Буденного, когда тот приезжал на сталинскую дачу. И, как ясно из воспоминаний генерала Сергеева, добился немалых успехов в верховой езде. Но потом, там же, на даче у отца познакомившись с Чкаловым, изменил свои планы на будущее. Теперь он, как и многие мальчишки того довоенного поколения, бредил небом. Эти мечты он и решил воплотить в жизнь с помощью Качинской школы летчиков. Правда, брали в авиашколу с 18-ти лет, года Василию не хватало, но ждать, терять время было не в его характере. Помог тот же Власик, который сумел «выправить» ему документы, в которых недостающий год был прибавлен. Это потом запутало многих писателей и журналистов, решивших даже из-за несовпадения дат будто бы Василий не родной, а приемный сын Сталина.

Но Васька Красный, ясно, ни о каких писателях и биографах не думал, исправляя себе год рождения. Он боялся только одного: вдруг его с не самыми-то лучшими оценками в летчики не возьмут? Вот это будет позор и стыд… Но взяли. Причем не только взяли, но и, увидев такую фамилию, решили сделать для такого курсанта особые, улучшенные условия: поместили не в общежитие курсантов, а в отдельный дом для приезжих, в так называемую гостиницу-школу, стали готовить для него еду в столовой комсостава. Мало того, сам начальник штаба школы вместе с курсантом Сталиным, как с другом, гонял на мотоцикле по территории школы, начальство предоставляло ему машину для поездок в Севастополь и Мухалатку (Качинская авиашкола находилась, как известно, в Крыму). Эта развеселая жизнь была прервана письмом Берии Сталину-отцу, в которой угоднические жесты начальства школы в сторону курсанта Сталина-сына подробно описывались, как и меры, принятые главой НКВД по прекращению всех привилегий сыну вождя.

Разумеется, с этими мерами отец немедленно согласился, Василия тут же перевели в казарму и посадили на общий кошт. Это его нимало не расстроило, все же Василий был сын своего отца, хоть и отличался от него характером, однако к привилегиям также относился без пиетета: дают – хорошо, нет – тоже проживем. Главное, за что он бился всю жизнь и всю войну –

чтобы летать давали, потому что после пленения Якова пуще всего боялись, как бы то же самое не случилось и с Василием. Но он и тут нашел выход – летал без парашюта, не оставляя для себя никаких шансов спастись, но зато и не попасть в плен в случае, если самолет подобьют. Одно это уже говорит о Василии Сталине как о человеке геройских качеств, но он героем себя никогда не считал.

Впрочем, все это произойдет в войну, а до войны еще оставалось несколько лет. Пока что Василий учился, причем гораздо успешнее, чем в обычной школе – он нашел себя. О чем с радостью и писал отцу: «Я живу хорошо. Занимаюсь много и пока успешно. Товарища себе нашел, некоего Мишу Лепина, очень хорошего и умного парня. Думаю подать заявление в партию. Придется много готовиться, но ничего, думаю, что примут.

Вообще живем очень хорошо и весело. Приехало новое пополнение курсантов, и все из Москвы. Пятнадцать человек. Погода у нас испортилась. Дуют очень сильные северные ветры, но пока погода летная, и я летаю.

До свиданья, папа. Твой Вася Сталин».

Это письмо Вася написал в декабре 1938 года, а в следующем его и в самом деле приняли кандидатом в партию, в 1940 он стал членом партии. Яков, между прочим, в партию вступать долго не хотел, вступил только перед окончанием Артиллерийской академии, после разговора с отцом. Для Василия же сомнений в правильности дела отца никогда не было, в великой идею справедливости, положенной в основу социального строя СССР, он никогда не сомневался. Это про таких, как он, Васька Красный, писал Дмитриев: «Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира…

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами…»

Из этого молодого поколения и были Василий и его товарищи, только им уже не приходилось бороться за власть. Им пришлось эту власть защищать.

Но пока он еще учился. И первая же летно-строевая характеристика подтверждает: летчик из Василия Сталина получается, к летному делу у него определенные способности, если не талант. «…Теоретическая успеваемость хорошая. Может учиться отлично, мало оценивает теоретическую учебу, особенно систематическое изучение предмета. Любит учить «залпом» – сразу, неусидчивый. Летным делом интересуется. Летать любит.

Усвоение отличное, закрепление хорошее, недооценивает «мелочей» в технике пилотирования, вследствие чего допускает отклонения в полете, которые после серьезного решительного замечания изживает и не допускает в последующих полетах.

Воинская дисциплина хорошая, имел ряд нарушений в начале обучения: опаздывание в учебно-летное отделение, выход на полеты небритым, пререкание со старшиной группы, стремился оправдать их объективными причинами. В последнее время резко улучшилась дисциплина, откровенно признает и охотно изживает недостатки. Общая оценка техники пилотирования отличная. Усвоение по элементам: взлет – отлично, набор высоты – отлично. Нормальный профиль посадки усвоил отлично, движения на посадке плавные и соразмерные. Посадку на колеса выполняет отлично… Пилотаж любит и чувствует себя на нем хорошо. Осмотрительность в полете отличная. Пилотирует энергично, свободно. В полете инициативный, решительный. На контрольных полетах несколько волнуется. На неудачи в полете реагирует болезненно, внутренняя досада на себя, особенно в элементах полета, которые уже делал хорошо. Считаю, что курсант т. Сталин к самостоятельному вылету готов».

Эта характеристика была представлена в феврале 1939 года в секретариат Сталина за подписью начальника Управления ВВС РККА командарма 2-го ранга А. Д. Локтионова, а написал ее, во всяком случае то, что относится непосредственно к летной части, – Васин летчик-инструктор К. Маренков. После того, как за «особые условия», созданные в начале учебы Василия в авиационной школе, её начальнику пришлось расстаться с должностью, все поняли: ни особые условия курсанту Сталину предоставлять нельзя, ни скрывать или сглаживать недочеты в его учебе и поведении не рекомендуется – выйдет себе дороже. Это видно и по характеристике, она выглядит предельно объективной. Васина нелюбовь к теории и неусидчивость отмечена, недостаток дисциплины тоже, хоть и по мелочам. Да и не относился капитан Маренков к лизоблюдам, готовым сапоги лизать у вышестоящих лиц, это был талантливый летчик, ставший в войну не без помощи Василия Сталина командиром одного из истребительных полков. Помощь, конечно, специфическая – не в тыловой штаб на непыльную должность продвинул Василий своего инструктора, а истребителями командовать, рядом со смертью каждый день ходить. Но так они, воины, отстоявшие страну, понимали помощь друг другу.

Словом, летал Василий в авиашколе много, освоил все типы самолетов, которые в ней было возможно освоить, и весной следующего 1940 года вышел из летного училища, получив

профессию летчика-истребителя. Как гласило заключение аттестационной комиссии, «Школу закончил по теоретической и летной успеваемости с круглой оценкой «отлично». Достоин присвоения звания «лейтенант» и назначения летчиком в истребительную часть на И-15». А в характеристике Василия было отмечено: «Хорошо разбирается и живо интересуется вопросами международного и внутреннего положения страны. Общее развитие хорошее. Пользуется хорошим деловым и политическим авторитетом среди товарищей, активно участвует в общественной жизни части. Энергичный, инициативный, настойчивый, принятое решение доводит до конца, требовательный к подчиненным, как старшина отряда, внимательный к запросам подчиненных, резковат в обращении, иногда в разговорах с вышестоящими командирами. Лично дисциплинированный, может служить примером для других, охотно делится с товарищами своими знаниями. Теоретическая успеваемость отличная. Больше интересуется практическими занятиями по всем предметам, недооценивает теоретическую часть их. Хорошо усвоил полеты в закрытой кабине и штурманские, отлично выполняет полеты на высоту с кислородом. Отлично летает строем. Летать любит, но недостаточно тщательно готовится к полетам, необходим контроль за подготовкой к полетам. Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная».

Что касается теоретической подготовки, которую Василий так и не полюбил, то тут даже отец оказался бессилен, потому что еще во время учебы командир школы пожаловался на это его отцу, и тот даже написал сыну: «Вася, если любишь меня, полюби и теорию». Отца Вася очень любил, а вот с теорией любви так и не получилось. Правда, видимо, все же выучил и сумел сдать на «отлично». Но сдать – не значит любить. Поэтому и после училища, поступив осенью в Военно-воздушную академию, сбежал оттуда после первого же семестра и отправился на курсы усовершенствования комсостава ВВС в Липецк, где готовили будущих командиров эскадрилий. Перед этим снова выдержав стычку на эту тему с отцом, о чем рассказал в своей книге сын Берии Серго.

«Сталин упрекал в чем-то Василия, а я рядом стоял.

– Посмотри, – говорит, – на Серго. Академию окончил с отличием, адъюнктуру, аспирантуру. А ты-то почему не учишься?

Василий огрызнулся:

– Ты-то сам академий не кончал, вот и я обойдусь».

Между прочим, летчики считают, что тут Василий был прав: для летчика главное все же практика, умение владеть машиной, никакая академия не заменит личный пилотажный опыт. Тактика

воздушного боя рождается там, в небе, а не в аудиториях академий и курсов. И там он, по свидетельству товарищей, заслуживал звания аса – машины его любили и в небе, и на земле.

«Вы заставляете нас летать на гробах»

Однако уже в Липецке с летной практикой у Василия начались проблемы. Как он в марте 1941 года жаловался в письме к отцу, «Я недавно (22, 23-го и половину 24-го) был в Москве, по вызову Рычагова, очень хотел тебя видеть, но мне сказали, что ты занят и не можешь.

Начальник Главного управления ВВС Рычагов вызвал меня по поводу учебы. Летать тут мне опять не дают. Боятся, как бы чего не вышло. Он меня вызывал и очень сильно отругал за то, что я начал вместо того, чтобы заниматься теорией, ходить и доказывать начальству о том, что необходимо летать. И приказал об этом выводе и разговоре доложить тебе, но я тебя не видел.

Все же Рычагов приказал давать мне летать столько же, сколько летают и остальные. Это для меня самое главное, так как я уже два месяца не летал, и если бы так пошло бы и дальше, то пришлось бы учиться летать сначала.

Вообще от курсов ожидали все слушатели большего.

В Люберцах и многих других частях летают на новых машинах МиГ, Як, ЛаГ, а у нас на курсах командиры эскадрилий летают на таком старье, что страшно глядеть. Летают в большинстве на И-15.

Непонятно, кем мы будем командовать. Ведь к июню месяцу большинство частей будет снабжено новыми машинами, а мы, будущие командиры эскадрилий, не имеем понятия об этих новых машинах, а летаем на старых. Проходим в классах И-16 и мотор М-63 и М-62. По-моему, лучше было бы нас учить мотору 105 и 35 и самолету Як и МиГ, потому что тот командир, кто не знает новой материальной части, не может командовать летчиками, летающими на ней. Слушатели получают письма от товарищей из частей и, правду говоря, жалеют о том, что не находятся в части, летают на старых машинах без охоты, а лишь для того, чтобы выполнить задание. Да это вполне понятно. Люди тут собрались по 1000 и 2000 часов летавшие, почти все орденоносцы. У них очень большой практический опыт. И вполне понятно, что им надоело летать на старье, когда есть новые хорошие машины. Это мне все равно, на чем летать, так как у меня этого практического опыта мало. А им, конечно, хочется нового.

К тому же были случаи, когда эти старые самолеты не гарантировали благополучного исхода полета. Например, отлетали фонари, отлетали щитки крепления крыльевых пулеметов. А такие случаи очень редко кончаются благополучно. В данном случае все обошлось хорошо только благодаря тому, что

на этих самолетах были старые и очень опытные летчики.

Вот, отец, обо мне и курсах пока все.

Отец, если будет время, то напиши хоть пару слов, это для меня большая радость, потому что без тебя ужасно соскучился. Твой Вася».

Вот так, и до войны и, тем более, в войну Василию все время приходилось бороться за право летать. Начальники все, как один, боялись, «как бы чего не вышло» с бесстрашным и бесшабашным, не слишком дисциплинированным и постоянно рвущимся в воздух сыном вождя. Он все равно летал, несмотря ни на чьи запреты, не мог не летать, и в конце концов освоил едва ли не все типы отечественных истребителей, летал и на штурмовиках и на бомбардировщиках, в том числе и на трофейных, и на боевых машинах наших союзников.

Однако это письмо, обычное письмо сына отцу с отчетом о своих делах и попутно о проблемах не личных, но близких ему и волнующих его, сыграло свою трагическую роль в судьбе Василия. После смерти Сталина, двенадцать лет спустя, Василия обвинили в том, что именно это его письмо якобы стало причиной ареста и казни П. В. Рычагова, Я. В. Смушкевича и других руководителей ВВС. На самом деле как раз в марте 1941 года, через несколько дней после получения письма, Рычагов был повышен Сталиным в должности и стал заместителем наркома обороны страны. А еще через месяц был снят со всех постов постановлением ЦК и Совнаркома «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии».

По версии постперестроечных писателей и журналистов, повторяющейся из статьи в статью, Рычагов подписал себе приговор, сказав на совещании у Сталина роковую фразу: «Вы заставляете нас летать на гробах». Тот будто бы застыл, а затем произнес в адрес Рычагова зловещие слова: «Вы не должны были это сказать». После чего судьба Рычагова была предрешена. Между прочим, даже в этом случае получается, что в аресте и расстреле Рычагова виноват не Сталин-сын, а Сталин-отец.

Однако если обратиться не к версиям, а к фактам, то можно увидеть, что перед войной количество катастроф и аварий в ВВС в самом деле превышало все мыслимые пределы. Писатель Станислав Грибанов, бывший летчик, проведший детальное исследование архивных материалов на эту тему, утверждает, что упрек генерала Рычагова был брошен не по адресу. Что касается отношения к авиации И. В. Сталина, то именно он после испанских событий «собрал руководящих работников наркомата авиационной промышленности и ВВС, всех ведущих авиаконструкторов и поставил задачу – за полтора-два года

провести работу по проектированию, постройке, летным испытаниям, доводке и внедрению в серию новых типов боевых самолетов с улучшенными летно-техническими характеристиками. В 1940 году уже созданы и запускаются в серию истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-1. По скорости они обходили «мессера», только вот по «выпуску в свет» не обходили. В 1940 году то, что планировали, – ни один авиационный завод не выполнил. За 1941-й заводы наркомата авиапромышленности недопоставили для боевых частей 1144 самолета!

Одной из причин невыполнения плана, как свидетельствуют архивные документы, являлось отсутствие военных представителей ВВС в самолетостроительных КБ. Это позволяло главным конструкторам передавать самолеты на государственные испытания и в серийное производство без должной отработки, не доведенными, с большим количеством конструктивных недостатков… Так, в ходе испытаний по самолетам МиГ-1 и МиГ-3 было выявлено 128 дефектов, по самолету Як-1 – 144 дефекта, а по самолету Пе-2 – 132!»

«…Не Сталин, а именно «командование ВВС принимало и отправляло в авиационные полки не облетанные боевые машины, нередко ссылаясь на… плохую погоду! Например, в конце, 1940 года у завода № 1 без облета было принято 122 самолета И-153 и 15 самолетов МиГ-1. За январь-февраль 1941-го – 176 самолетов МиГ-3. Это 40,5 процента – почти половина новых истребителей, поступивших в строевые части». (С. Грибанов. Хроники времен Василия Сталина).

То есть «гробов», говорит Грибанов, если верить цифрам, «именно при Рычагове заметно прибавилось. Так, в 1939 году – с 1 января по 15 мая – в авиационных катастрофах погибло 79 человек, а за неполный квартал 1941-го в два раза больше – 141 человек! Это без войны. Просто так. Земля шибко твердая…»

В результате 12 апреля 1941 года нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков издали по этому поводу приказ: «Главный Военный Совет Красной Армии, разобрав вопрос об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии, установил, что аварии не только не уменьшаются, но все более увеличиваются из-за расхлябанности летного и командного состава авиации, ведущей к нарушениям элементарных правил летной службы. Из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах в среднем гибнут 2–3 самолета, что составляет в год 600–900 самолетов».

Вот такие потрясающие цифры. Если еще учесть, что такая ситуация в авиации существовала в 1941 году, перед самой войной, когда всем военным людям, и не только им, было ясно,

что война неизбежна, то волей-неволей приходят в голову мысли не об обычной расхлябанности и наплевательском отношении к делу, а об измене и предательстве высшего начальства ВВС страны, несмотря на их реабилитацию в хрущевские времена. И то, что тогда Тимошенко приказал снять с поста начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта П. Рычагова, а группу командиров авиачастей предать суду, кажется абсолютно закономерным.

Еще через месяц нарком подводил итоги боевой подготовки ВВС за зимний период обучения. Сохранилась директива от 17 мая 1941 года под грифом «совершенно секретно», в которой Тимошенко отмечал:

«Боевая подготовка ВВС КА проходила неудовлетворительно. Низкие показатели в боевой подготовке авиачастей Красной Армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий… Основные недостатки боевой подготовки за зимний период: переучивание летного состава на новые типы самолетов проводились медленными темпами; эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо; тренировки в пикировании на самолетах СБ и АР-2 проводились неинтенсивно; обучение бомбометанию с пикирования на самолетах Пе-2 и АР-2 не проводилось; летный состав боевому применению – бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам – обучался совершенно неудовлетворительно; самостоятельный выпуск на боевых самолетах молодого летного состава недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода; подготовка летного состава к слепым и ночным полетам во всех частях ВВС КА была развернута слабо. Слепой налет составил 5,2 % к общему налету, ночной – 4,6 %…»

Что же касается Сталина, то, как вспоминал много позднее нарком вооружения Б. Л. Ванников, «Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонений от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности».

Однако и Сталин не был всеведущ и всемогущ. Каким бы странным это кому-то сейчас ни показалось. Так, в марте сорок первого для проверки приграничных аэродромов в Западный Особый военный округ был направлен полковник Н. А. Сбытов. Снова цитируем Грибанова.

«Помню, лечу на У-2 и вижу, что самолеты всюду не рассредоточены, не замаскированы – стоят как на ладони! – спустя годы возмущался Николай Александрович. – Приземлился

на одном аэродроме – там новехонькие «пешки» рядком выстроились. Проверил – а они даже горючим не заправлены. Я хвост трубой и докладываю командующему войсками, тот – Щербакову, Щербаков – Маленкову. (После XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), которая состоялась в феврале сорок первого, Маленков был избран кандидатом в члены Политбюро и решал отдельные проблемы военно-оборонного производства.) Так вот тогда был рожден документ о положении авиации на границе. Подписали его Маленков, Щербаков, Тюленев и я, как член парткомиссии Главного политуправления РККА. А 4 мая состоялось заседание, на котором присутствовало все командование ВВС. И вот Сталин по той нашей бумаге издает приказ: «Немедленно привлечь к судебной ответственности…» Это было известно и наркому Тимошенко, и начальнику Генерального штаба Жукову. Короче, управление ВВС отправляет в пограничные округа комиссию. Та комиссия уже через пару дней вернулась и докладывает: «Все в порядке!» Ну, что ты скажешь!..»

А в результате такого «порядка» уже 22 июня 1941 года для 1200 боевых самолетов проблема маскировки, как с горьким сарказмом пишет Грибанов, раз и навсегда отпала…

Еще раз хочется подчеркнуть – это происходило перед самой войной! И трудно не согласиться с Юрием Мухиным, который в своей книге «Война и мы», анализируя ситуацию, сложившуюся в ВВС СССР перед войной, пишет: «У любой аварийности всего две причины: слабая квалификация (обученность) персонала и низкое качество техники. Поэтому давайте зададим себе ряд вопросов.

Кто заказывал самолеты у авиаконструкторов? Политбюро? Нет! Без начальника Управления ВВС оно этого никогда не делало, заказывал «гробы» начальник Управления ВВС – Рычагов.

Кто принимал самолеты на вооружение? Политбюро? Нет, без Рычагова Политбюро этого никогда не делало, решающее слово было за Рычаговым.

Кто принимал некачественную технику с авиазаводов? Политбюро? Нет, люди, назначенные Рычаговым.

Кто организовывал техническое обслуживание и контроль его качества в авиаполках? Политбюро? Нет, люди, назначенные Рычаговым.

Кто разрабатывал планы обучения летчиков и контролировал их исполнение? Политбюро? Нет – Рычагов.

Кто утверждал планы полетов? Политбюро? Нет – Рычагов.

Кто летал на самолетах? Начальник управления ВВС Рычагов? Нет – рядовые летчики».

Именно рядовые летчики и погибали массово в небе в

результате вот такой «успешной» работы этих «талантливых» военачальников. Стоили или не стоили их жизни голов их высокопоставленных командиров, своей деятельностью обрекавших их на смерть?

Только причем тут был вообще Василий Сталин, написавший отцу всего лишь о том, что происходило весной 1941 года на липецких курсах подготовки комсостава ВВС? Это нам сейчас очевидно, что ситуация на курсах, как в капле воды, отражала всю ситуацию в авиации страны в то время, а он тогда подобного и предположить не мог и выводов таких не делал.

«Тыловая» работа

Как не мог еще предположить и своей трагической судьбы после смерти отца. Да разве в 19 лет, сколько было тогда лейтенанту Сталину, об этом думают люди? Нет, головы в такие годы заняты совсем другим. В частности, девушками. Девушек в жизни Василия Сталина было великое множество, и совсем не из-за его знаменитой фамилии. Хоть красавчиком его, как Якова, назвать было нельзя, и ростом особо не вышел, была в нем та лихость, напор, обаяние, против которых почти никакая красавица устоять не могла, будь то жена Романа Кармена или актриса Целиковская. Но тогда Василий познакомился на катке с очень милой белокурой девушкой (вернее, отбил ее у своего друга хоккеиста Владимира Меньшикова) Галиной Бурдонской. Девушка оказалась с удивительной родословной – ее прадед француз Шарль Бурдоне пришел в Россию в составе наполеоновских войск, тут влюбился в русскую девушку из Волоколамска, женился на ней, так и пошел род Бурдонских. Роман у Василия с Галей развивался стремительно, расписались 30 декабря 1940 года, но отца сын известил уже из Липецка, постфактум. Сталин ответил телеграммой: «Что ты спрашиваешь у меня разрешения? Женился – черт с тобой. Жалею ее, что вышла замуж за такого дурака».

Впрочем, думается, отец на самом-то деле не сердился, может быть, даже надеялся, что семья остепенит, сделает более благоразумным бесшабашного сына. Даже комнату молодым выделил в кремлевской квартире и купил им на свои деньги в качестве свадебного подарка спальный гарнитур темно-бежевого бархата и бархатные шторы. Правда, счастье длилось не слишком долго – уже в войну молодая семья распалась. Осталось двое детей, Саша и Надя, которых после развода Василий оставил себе, вроде бы потому, что Галина начала злоупотреблять спиртным. Впрочем, ведь и Василий в этом отношении был не безгрешен. Как бы то ни было, дети остались с ним.

Суровое утро 22 июня сорок первого застало Василия в командировке в Таллине – после курсов в Липецке он был назначен на должность летчика-инспектора по технике пилотирования при Управлении ВВС. Управление боевой подготовки ВВС с началом войны перешло на круглосуточную работу. Большую часть времени инспектора находились в местах, где базировались запасные авиабригады и полки. Там формировались боевые части, доукомплектовывались уже повоевавшие, а также готовились к боям молодые летчики, не

имевшие опыта. Инспектора, которые должны были блестяще владеть техникой пилотирования на всех типах самолетов, проверяли прежде всего подготовку руководящего состава частей; когда оставалось время – натаскивали к воздушным боям и молодых пилотов. Закончат работу в одной бригаде, подведут итоги – и на новое место. Словом, работа крайне напряженная и крайне необходимая для фронта.

Но Василий, все это понимая, все равно рвался на фронт. В Орле в это время в спешном порядке формировался 42-й истребительный авиаполк. Командиром его был назначен участник войны с финнами Герой Советского Союза Федор Иванович Шинкаренко. Самое деятельное участие в формировании полка принял Василий Сталин, который добился того, чтобы его назначили в нем командовать эскадрильей. Основной состав полка составили недавние сокурсники Василия по Академии ВВС и Качинской авиашколе.

«Маршал авиации Зимин вспоминал потом тот день:

– Поймал меня Вася в какой-то аудитории между лекциями и спрашивает: «Согласен помощником командира полка?» Я, конечно, согласился.

Но перед отправкой в Орел Зимина вызвали в штаб Управления, где от генерала Жигарева он получил строгий наказ:

– Пропустишь Василия за линию фронта – головой отвечаешь!..

Василий об этом разговоре не знал…

Только Федор Иванович, вполне понимая Василия как летчик, невольно подумал о своем: «А все же лучше бы иметь в расчете полка другого комэска. От греха подальше…»

Но не знали ни Шинкаренко, ни Зимин еще одного соображения по этому поводу. Много лет спустя о нем мне рассказал генерал А. Ф. Сергеев, приемный сын И. В. Сталина:

– В первый же день войны Сталин позвонил, чтобы нас, его сыновей, взяли на фронт немедленно. И это была единственная от него привилегия как от отца. Дальше известно. Яков в бою стоял до последнего, но попал в плен. В плену держался достойно. Сталин не стал выручать его. Он сказал тогда: «Там все мои сыновья»…» (С. Грибанов. Хроники времен Василия Сталина).

Но то, что Яков почти сразу попал в плен к немцам, которые стали использовать это в своих пропагандистских акциях, очень сильно повлияло на судьбу его младшего брата – именно по этой причине в бой его старались не пускать, придумывая различные предлоги, что для него, с его неуемным характером, было просто невыносимо. Он рвался в небо. Так, эскадрилья Василия была вооружена новыми истребителями Як-1, на которых еще ни сам

Василий, ни его подчиненные не летали. Для тренировок должны были поступить самолеты-спарки (то есть со спаренным управлением), но их все не было. И вот однажды утром Шинкаренко услышал гул самолета. Погода была облачная, поэтому учебно-тренировочные вылеты не планировались, а заявок на боевые полеты не поступило. Кто же в таком случае собирается лететь? Шинкаренко выскочил из штаба и увидел, как один из «яков» выруливает на взлетную полосу. Оказывается, это Василий решил совершить тренировочный полет, не дожидаясь никаких «спарок» и не в лучшую погоду. Самолет уверенно взлетел, набрал высоту до нижней кромки облаков, выполнил, как принято, круг – маршрут с четырьмя разворотами в районе аэродрома и запросил по радио посадку. Однако скорость «яка», как воздухе, так и посадочная, была значительно выше, чем на знакомом ему «ишачке». Летчик сообразил, что будет перелет, и принял грамотное решение уйти на второй круг. Однако только с третьего захода ему удалось приземлиться, хотя, как и следовало ожидать, пробег самолета оказался намного больше рассчитанного – самолет вырвался за посадочную полосу, понесся на линию железной дороги, ударился о железнодорожное полотно, перескочил через рельсы и остановился в нескольких метрах от глубокого оврага.

Конечно, Василию тогда досталось. «Машина-то цела, – оправдывался он. – Надоело сидеть, когда другие летают. Я все-таки комэск. Сколько, в конце концов, ту спарку ждать!» Потом стал просить Шинкаренко отпустить его в Москву. «Слово даю: будут у нас те машины».

Шинкаренко отпустил, причем с облегчением, а сам стал принимать меры, чтобы избавиться от опасного подчиненного. Ему это удалось с помощью комиссара полка Лысенко и Мехлиса, который был тогда начальником ГлавПура – по их настоятельной рекомендации Василия Сталина назначили начальником инспекции ВВС. Обещанные «спарки» Василий тогда выбил, пригнал в полк, а сам отбыл к новому месту службы.

В летной инспекции при Главном Штабе ВВС Василий служил до 1943 года. Его двоюродный брат Владимир Аллилуев потом писал об этом периоде жизни Василия:

«Его нельзя было держать в тылу. Человек он был активный, моторный, смелый. Летал прекрасно, на фронт рвался, и его место было, безусловно, там. Он тяготился своим тыловым положением и страдал от того, что люди думают, что он хорошо устроился за отцовской спиной».

Да, на фронт Василий рвался, своим положением тяготился, однако службу в инспекции вряд ли можно было назвать тыловой.

Инспекторам приходилось почти все время находиться в летных частях. А там, кроме своих прямых обязанностей инспектирования, контроля за выполнением в войсках директив, приказов, распоряжений Наркома обороны и командования ВВС, летчикам-инспекторам приходилось выполнять еще множество других обязанностей. Тогда начали создаваться воздушные армии, отдельные авиационные корпуса резерва Ставки Верховного Главнокомандования, формировалось много новых авиационных полков. Руководящий состав этих объединений, соединений и частей, естественно, нуждался в помощи, и оказать ее должны были прежде всего инспекторы. Не случайно сюда подбирали в основном тех, кто имел достаточный боевой опыт. Многих отзывали прямо с командных должностей. Инспектор обязан был хорошо знать авиационную технику, состоявшую на вооружении ВВС, и имел широкие полномочия. В инспекторском удостоверении было написано: «Командирам частей, соединений и начальникам служб выполнять все требования и указания… (имярек)». Понятно, что такой документ налагал на владельца и особую ответственность за свои решения и действия.

Кроме того, именно летчики-инструкторы из инспекции ВВС должны были учить действовать во время воздушного боя молодое пополнение, в частности, переучивать их на новые самолеты Як-1. Занятия в классах, на аэродроме, вывозные полеты, разборы их – на все это уходило ежедневно по двенадцать – четырнадцать часов. Не так-то просто в течение одного месяца научить каждого и управлять новой машиной, и вести на ней бой применительно к конкретной обстановке, к реальному противнику, постоянно совершенствующему способы и методы боевых действий.

Василий Сталин лично, например, готовил своих младших товарищей: Степана и Владимира Микоянов, Тимура Фрунзе. Правда, и тут он действовал по-своему – пару раз пролетев вместе с ними на «спарке», неожиданно для ребят отправлял их в самостоятельный полет. Ничего, все справились. Правда, потом распорядился уже более благоразумно, отправив их в запасной полк: «Доучивайтесь – и на фронт!»

Летом 1942 года немецко-фашистское командование стало массированно использовать бомбардировочную авиацию на относительно узких по фронту направлениях. Причем прикрытие бомбардировщиков истребителями осуществлялось не только в районах нанесения ударов, а и на протяжении всего маршрута следования от взлета до посадки. Основу тактики немецкой истребительной авиации составляли внезапные атаки большого количества пар на повышенных скоростях, с использованием в

своих интересах положения солнца и облаков. Это, естественно, заставляло командование летных частей и инспекторов вносить соответствующие коррективы в ранее существовавшую систему подготовки наших истребителей. В первую очередь требовалось, конечно, научить их уничтожать бомбардировщики противника. Большое значение придавалось боевым действиям в составе группы. Отрабатывались маневрирование, взаимодействие, использование бортового оружия, – словом, все то, чем обеспечивался успех боя с массами вражеских бомбардировщиков.

При подготовке к борьбе с истребителями противника внимание сосредоточивалось на осмотрительности в воздухе, стремительности и внезапности атак, на необходимости теснейшего контакта в паре. Не последнее место отводилось изучению самолетов противника, их сильных и слабых сторон. Летом 1942 года наши возможности в этом отношении значительно расширились. Наладилась служебная информация, регулярно стали публиковаться соответствующие материалы в журналах и газетах. Летчики даже могли «потрогать» вражеские самолеты, подбитые в бою или принудительно посаженные.

Довольно часто инспектору приходилось заниматься и многими другими вопросами, так или иначе затрагивающими различные стороны жизни и деятельности войск. В частности, налаживанием взаимодействия между родами авиации, между авиацией и наземными войсками, ликвидацией перебоев в снабжении горючим, боеприпасами, запасными частями для самолетов, даже поиском запасных аэродромов для наших отступающих частей. Приземляться порой приходилось на каких-то тропинках да полянках, потом определять пригодность района для дислокации полка, а это значит предусмотреть все – от взлетной полосы и штабного помещения до питьевой воды личному составу и подъездных путей к аэродрому.

Именно в 1942 году стала широко использоваться как огневая и тактическая единица пара истребителей. А это, естественно, потребовало переработки инструкций, действовавших в ВВС, пересмотра штатной структуры авиаполка и эскадрильи. И тут тоже не обошлось без участия инспекторов ВВС. Они сделали очень многое для обобщения опыта боевой работы пары. В конечном счете появились новые руководящие документы, узаконившие ее существование и содержавшие полезные рекомендации по применению пары в бою. Определилась и наиболее целесообразная организационно-штатная структура для истребительной авиации: полк состоит из трех эскадрилий, каждая эскадрилья – из двух звеньев, по четыре летчика в каждом.

Всего в эскадрилье десять летчиков.

То есть понятно: для того, чтобы делать все это, инспекторам приходилось постоянно бывать на фронте, инспектора даже были как бы прикреплены к определенным полкам, за которые они отвечали вместе с их непосредственными командирами. И кто при этом мог удержать Васю Сталина от участия в боевых вылетах? Да никто, и он их совершал.

Мало того, во время этой своей «тыловой» работы Василий еще сумел и подвиг совершить. По свидетельству Артема Сергеева, в 1941 году в Мценске увидел его в воздухе командующий армией: на аэродром налетели бомбардировщики, **Василий полетел навстречу им на незаряженном самолете и буквально «вытолкнул их лбом».** «Командующий сказал: «Этого летчика я награждаю орденом Красного Знамени». Когда приземлился, выяснилось, как фамилия летчика…» (Сергеев А. О друге незабвенном. К 85-летию со дня рождения В. И. Сталина. // Газета «Завтра», № 12 (644) от 21 марта 2006 г.). То, что такой случай действительно был, и генерал Сергеев его не придумал ради реабилитации своего названного брата, доказали исследователи биографии Василия Сталина.

Война и любовь

Другое дело, что фронтовые командировки были все же командировками с промежутками тыловой жизни между нами. И Василий не был бы самим собой, если бы не совмещал службу с «отдыхом» в своем стиле на зубаловской даче. Это была уже весна 1942 года. Враг был отброшен от Москвы, москвичи стали возвращаться из эвакуации, жизнь в столице оживала, открывались театры и концертные залы. К Василию, такому же любителю театров и творческой публики, как и отец, на дачу, вновь отстроенную после её взрыва осенью, когда боялись, что она может быть захвачена врагами, приезжали Константин Симонов, Алексей Сурков, Никита Богословский, Людмила Целиковская, Валентина Серова. А пилоты, боевые друзья Василия, считались здесь вообще своими людьми. Светлана, сестра Василия, спустя годы, назовет эти встречи пьянками. Однако именно там, на даче в Зубалове, у них, боевых летчиков, возникнет идея (многие авторы пишут, что это была идея Василия Сталина) создания боевого коллектива из опытных, талантливых пилотов, наподобие формирований берлинских снайперов, который стал бы ударным «кулаком», способным не только противостоять врагу, но и захватить стратегическую инициативу в воздухе.

Основой для его формирования стал 434-й истребительный авиационный полк, оставшийся после боев за Ленинград без самолетов и летчиков. Как пишет М. Алексашин, «В. Сталин сделал из него образцовую часть, очень мобильную и боеспособную. Она прекрасно показала себя во время боев за Харьков летом 1942 года. Но особую страницу этот полк вписал в историю Сталинградской битвы.

В начале войны летные части обычно действовали в составе двух эскадрилий. В. Сталин решил расширить свой полк до трех. За дополнительной эскадрильей он слетал в Красный Кут Саратовской области, куда эвакуировалась из Крыма его родная Кача. Там без долгой волокиты он отобрал девять своих друзей и просто знакомых летчиков, обладавших прекрасной техникой пилотирования и давно рвавшихся на фронт. Один из них, проживающий ныне в Москве, Герой России Федор Федорович Прокопенко в своем стихотворении даже зарифмовал фамилии пополнивших полк: “Нас девять качинцев из кадров: Луцкий, Шишкин, Александров, Горшков, Трутнев, Прокопенко, Марков, Паушев, Шульженко”. Больше половины из этих летчиков, доведя счет сбитых фашистских самолетов до 15–20, к концу войны были

удостоены геройского звания. Автор же стихотворных строк получил его в 1995 году.

Летчики В. Сталина прибыли в Гумрак в июле 1942 года. Одновременно сюда прилетел и 150-й бомбардировочный полк Пе-2, которым командовал подполковник И. С. Полбин, за подвиги в боях за наш город позже удостоенный звания Героя Советского Союза. Из 8-й воздушной армии В. Сталину был выделен еще и 484-й истребительный авиаполк. Фактически сформировалась дивизия, хотя в истории Сталинградской битвы она названа Особой группой № 1.

Истребители и бомбардировщики действовали очень слаженно: одни наносили удар по фашистским войскам, которые рвались к Волге, а другие надежно прикрывали тех, кто вел атаку, от налетов “мессершмиттов”. Но однажды во время выполнения боевого приказа (необходимо было вывести из строя аэродром в Морозовске) один из бомбардировщиков был сбит огнем зенитной артиллерии врага. Экипаж выпрыгнул из самолета с парашютами. Двое раненых летчиков укрылись в одной из станиц, где их приютили местные жители. А штурман смог перейти линию фронта и вернуться в Гумрак. Когда об этом стало известно В. Сталину, летчики-инспектора подполковник Н. И. Власов и майор А. Ф. Демин вылетели в тыл врага на двух самолетах По-2, разыскали раненых пилотов и доставили их в расположение своей части».

«Против наших летчиков действовали отборные авиационные силы 4-го воздушного флота Германии: 3-я эскадра Удет, 52-я – Мельдерса, эскадра Ас-Пик. Однако 434-й полк, летавший на прекрасных по тому времени самолетах Як-7б, достойно противостоял вражеским частям. Прикрывая переправу наших войск в районе Калача-на-Дону, восьмерка “Яков” под командованием В. П. Бабкова молниеносной атакой сбила 7 пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Вылетевшая на смену новая группа добавила к этому счету еще 5 “юнкерсов”.

Но особенно успешными эскадрильи оказались 29 июля 1942 года. Этот день стал звездным для летчиков Василия Сталина. Тогда защитники сталинградского неба сразили 34 самолета противника, потеряв всего одну свою машину. Два летчика получили легкие ранения и скоро вновь включились в боевую работу. Признаться, подобных результатов за один день войны не добивался больше ни один из наших истребительных авиаполков.

Участник боев того дня Ф. Прокопенко рассказывает, что в ходе жаркой схватки над Доном, когда он тоже сбил “юнкерса”, в его самолете обнаружилось повреждение. Он доложил об этом командиру и получил приказ возвращаться домой. Посадка в

Гумраке получилась жесткой, но летчик остался невредим. Тем временем готовился новый вылет на помощь группе, которая вела бой над Калачом. И тогда В. Сталин отдал Федору Прокопенко свой самолет как последний резерв полка. На этот раз летчик сбил еще одного “юнкерса” и “мессершмитта”.

Самому же полковнику категорически запрещалось участвовать в боевых вылетах. Возможно, потому, что его старший брат Яков находился в плену у фашистов и никто не хотел рисковать вторым сыном Верховного Главнокомандующего. Друг В. И. Сталина, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации А. Е. Боровых, рассказывал, что после гибели сына Микояна Владимира, сына Фрунзе Тимура, после загадочного исчезновения в бою сына Хрущева Леонида Василию Сталину категорически запретили боевые вылеты. Он звонил отцу, требовал разрешить. Тот ответил: «Мне одного пленного уже достаточно!»

Но Василий продолжал летать, невзирая на запреты, в 1943 году он участвовал в нескольких воздушных боях.

Особая группа № 1 действовала на Сталинградском фронте до 4 августа 1942 года, после чего передала оставшиеся “Яки” 484-му полку и убыла в Подмосковье. Через пару недель она вновь появилась севернее Сталинграда на аэродроме “Совхоз Пролетарский”. И на этот раз мастерство летчиков полка, действия которого направлял Василий Сталин, позволило нанести фашистской авиации несколько сокрушительных ударов». (Ю. Манцуров. Сталин – сын Сталина).

Вообще-то командовал полком Герой Советского Союза Иван Клещев. Однако, находясь в непосредственном подчинении инспекции ВВС, руководство 434-м истребительным авиаполком сначала осуществлял заместитель начальника инспекции подполковник Пруцков, а с 13 июля – Василий Сталин. К тому же, дополняя Манцурова, скажем, что это лично сбитых самолетов у него было то ли один, то ли два, некоторые даже считают, что три. Но были еще и сбитые в группе. Сколько – сказать трудно, вроде бы не меньше пяти, Василий их себе записывать даже не разрешал.

Василий Сталин дрался с немцами под своим именем, и об этом хорошо знали немцы. Перед началом печально известного нашего летнего наступления 42-го года они даже вызывали его на воздушную дуэль. Ответить на вызов Василий не смог, наше высшее командование, узнав о предстоящей дуэли, срочно отозвало его в Москву. Он отыгрался год спустя, командуя 32-м гвардейским полком. Тогда, в марте 1943 года, немцы сбросили листовку, в которой писали: «Вашу авиацию мы не боимся.

Группой полковника Сталина вы все небо не закроете». Артем Сергеев сам видел эту немецкую листовку. Это ли не признание боевого мастерства и отваги летчиков Василия Сталина и его самого?

…К октябрю 1942-го от полка почти ничего не оставалось. Тогда же, в октябре, его переименовали. За Сталинград полку присвоили звание гвардейского, так что отныне он будет проходить во всех приказах, как 32-й гвардейский истребительный. Василий забрал в инспекцию трех Героев Советского Союза – Долгушина, Гаранина и Баклана, а также Степана Микояна. Остальные перелетели в Люберцы, где им предстояло освоить истребитель Як-9, и снова отправиться на фронт. Кстати, брат Степана Владимир Микоян воевал в том же полку и погиб в одном из боев в то же жаркое лето 1942-го. Погиб в конце года и Клещев. В воздушных боях с противником только за полтора года войны 23-летний командир полка Иван Клещев одержал 51 победу! А вот погиб он не от руки врага. Рассказывают, что в канун нового, 1943 года, Клещев оказался на одном из полевых аэродромов где-то под Тамбовом. Погода была нелетной – хмурая облачность опустилась едва не до самой земли, но Иван твердо настроился встретить праздник в Москве, там его ждала любимая девушка. Не долетел… Машина Клещева обледенела и неуправляемая упала на поле.

Нелепая, бессмысленная смерть, скажет кто-то. Но ведь было-то героям, каждодневно рисковавшим жизнью, всего по двадцать с небольшим лет… Война войной, но и она не отменяет ни любовь, ни увлечения. Напротив, в войну, когда каждый день может стать последним в жизни, она вспыхивает сильнее, горит ярче. И, конечно же, никак не могли эти увлечения обойти стороной 22-летнего горячего и любвеобильного Васю Сталина, несмотря на его семейный статус и годовалого сына.

В Саратове, куда он летал на авиазавод с инспекционной проверкой, он с приятелями, Степаном Микояном и Тимуром Фрунзе, навестил свою бывшую одноклассницу Нину Орлову, теперь ставшую женой кинорежиссера Романа Кармена. Ещё в школе все мальчишки были влюблены в красавицу Нину, теперь же от нее вообще было глаз не отвести. Встреча в Саратове произошла в 1941 году. А через год, уже в Москве, они снова встретились. Роман завязался стремительно и столь же быстро получил широкую огласку. Вася напрочь забыл о молодой жене, а Кармен, оскорбленный муж Орловой, даже грозился Василия застрелить, но в конце концов благоразумно решил, что лучше пожаловаться на непутевого сына его грозному отцу. Сталин начертал на письме комическую резолюцию, дошедшую до наших

дней: «Вернуть эту дуру Кармену. Полковника Сталина арестовать на 15 суток. И. Сталин».

Нет худа без добра – после этого Василия уже не задерживали в тылу, чему он был безмерно рад, он помирился с Галиной, и в 1943 году у него появился второй ребенок – «папина дочка» Надежда, которая до смерти будет носить фамилию Сталина и никогда не скажет ни одного дурного слова ни об отце, ни о своем великом деде. Но тогда главным для Василия были фронт и самолеты. Он не горевал даже о том, что приказом батюшки его, уже полковника, сняли с должности начальника инспекции ВВС. Зато направили на передовую, командовать тем самым авиаполком, в котором он уже успел повоевать и который только что потерял своего командира Ивана Клещева.

Вместе со своими гвардейцами новый командир тут же включился в боевые действия, причем полк сразу попал в самое пекло. Сначала на Великолукском направлении, а с 10 Февраля все части дивизии были брошены на Демянский плацдарм, где враг сосредоточил большие силы и вклинился в нашу оборону. Сохранились записи вылетов Василия Сталина в эти дни. Судя по ним, боевые полеты Василий совершал постоянно, иногда по нескольку раз в день. Летал как в паре с опытными пилотами, так и с молодыми, вроде Степана Микояна. Вот десяткой истребители ушли на прикрытие наших войск в район Хмели – Сталин, Герасимов, Якушин, Коробков, Домушин, Батов, Шишкин, Гнатенко, Луцкий, Хользунов. Задание выполнили, а при возвращении попали в такой снегопад, что свой аэродром не нашли и сели в Старой Торопе.

26 Февраля Сталин вылетал на боевое задание с Ореховым и был ведущим пары. В тот же день Василий летал со Степаном Микояном, опять ведущим. Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка В. И. Сталина в паре с Власовым, Луцким, Якимовым. А то уходил на задания вообще один. Например, 8 и 9 Марта.

Из наградного листа от 10 Марта 1943 года, подписанного командиром 210-й истребительной авиационной дивизии полковником В. П. Уховым:

«В Феврале 1943 года Гвардии полковник В. И. Сталин вступил в командование 32-м ГвИАП. Под его руководством полк, участвуя в Демянской операции, произвёл 566 самолёто-вылетов, из них 225 боевых. Проведено 28 воздушных боёв, в результате которых сбито 42 самолёта противника.

Гвардии полковник В. И. Сталин лично водил на боевые задания своих подчинённых и вёл воздушные бои… Достоин

правительственной награды – ордена Красного Знамени».

Тот боевой вылет, когда он сбил свой самолет, проходил на высоте 200 метров и ниже. В нем наши летчики сошлись с большой группой «мессеров» и «фоккеров». Завязался тяжёлый бой. Наши лётчики стояли насмерть. Два вражеских самолёта бойцы сбили тараном. Один «фоккер», загоревшийся от атаки Василия Сталина, упал в районе деревни Семкина Горушка. Там же своё место нашёл и «фоккер», сбитый младшим лейтенантом Вишняковым.

Об этом бое потом вспоминал С. Ф. Долгушин:

– Дело было между Демянском и Старой Руссой. Нас было 8 или 10, а немцев – штук 30. Я оттягивал бой на свою территорию. Вдруг замечаю, какому-то «Яку» немец заходит в хвост, вот-вот ударит. Я был в невыгодном положении и стрелять прицельно не мог. Даже сейчас не пойму, как я вывернул, чуть не сломал машину, но «Фоккера» из хвоста этого «Яка» все же выбил.

Вгляделся: на «Яке» цифра «12» – Василий Сталин. Он погнался за немцем и оторвался от «каши», а его ведомый Володька Орехов, позже Герой Советского Союза, мой командир звена, отстал от него. Бой прошёл нормально, никого не потеряли, у Василия даже пробоины нет. Когда сели, я доложил, как положено, потом отошли в сторону, и я ему высказал все, что думал, не стесняясь в выражениях. Василий слушал, слушал, потом говорит: «Сергей, ну может хватит?» А сам смеётся…

Между тем накануне в полку произошло ЧП, о котором сообщал в дивизию комиссар Стельмащук:

«2 марта во время осмотра самолёта Як-9, принадлежавшего командиру 3-го ГвИАП гвардии полковнику В. И. Сталину (техник самолёта – старший техник лейтенант Поваренкин), обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины воткнутое техническое шило, которое заклинивало управление самолётом. Предварительным расследованием выяснилось, что самолёт последний полёт имел 26 Февраля 1943 года. С тех пор на нем проводилась работа по проверке шасси и съёмка бензобаков… Считаю: совершен акт с диверсионной целью.

Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка, самолётов Сталина и капитана Микояна прикомандировать к полку 2 отделения по 10 человек автоматчиков из внутренних войск НКВД. Заместитель командира 32-го ГвИАП по политической части гвардии майор Стельмащук».

Произошло это 2 марта. Однако на следующий же день Василий вылетел на Як-9 патрулировать с Коробковым и Якушиным. Напряжение боевой работы истребителей 32-го гвардейского нарастало. Командиру полка было не до

диверсантов, и чем закончилось расследование, осталось неизвестным.

21 марта пятёркой «Яков» Василий сопровождал правительственный «Дуглас» на участке маршрута Калинин – Москва. Задание с ним выполняли тогда Власов, Бабков, Орехов и Луцкий. Это был последний вылет Василия в компании своих отчаянных боевых друзей, которых он собрал в полк ещё под Сталинградом.

Кстати сказать, эти друзья были преданы Василию не ради наград и звездочек на погонах. Десять Героев Советского Союза, бойцы 32-го гвардейского – Котов, Луцкий, Орехов, Тарам, Савельев, Хользунов, Федоров, Анискин, Шишкин, Макаров – не нуждались ни в чьих протекциях. 184 самолета противника, сбитых за один 1943 год, – это и их вклад в боевую работу полка.

23 марта поступило распоряжение: 32-му ГвИАП перелететь на подмосковный аэродром Монино. Предстояло доукомплектование людьми, боевой техникой. 1-й истребительный авиационный корпус, в который входил полк Сталина, выводили из боёв – начиналась подготовка к Курской битве. Но вместо аэродрома Монино Василий приземлился всем полком на одном из полевых аэродромов. «Пилотам надо отдохнуть!» – принял он командирское решение. Тот отдых сыграл большую и не самую лучшую роль в судьбе командира гвардейского полка Василия Сталина.

Как гласит опять же политдонесение о чрезвычайном происшествии в 32-м гвардейском истребительном авиаполку:

«Происшествие произошло при следующих обстоятельствах. 4 Апреля 1943 года в 15 часов 30 минут группа лётного состава, состоящая из командира АП нолковника В. И. Сталина, Героя Советского Союза подполковника Н. Власова, заместителя командира 3-й АЭ Героя Советского Союза капитана А. Я. Баклана, заместителя командира 2-й АЭ Героя Советского Союза капитана А. Г. Котова, заместителя командира 1-й АЭ Героя Советского Союза В. И. Гаранина, командира звена старшего лейтенанта А. П. Шишкина, инженера по вооружению полка инженер-капитана Е. И. Разина, вышли на реку Селижаровка, находящуюся в 1,5 км от аэродрома, на рыбную ловлю.

Бросая в воду гранаты и реактивные снаряды, глушили рыбу, собирая её у берега сачком. Перед бросанием реактивного снаряда инженер-капитан Разин предварительно ставил кольцо капсуля детанатора на максимальное замедление (22 секунды), отворачивал ветрянку, а затем бросал снаряд в воду. Так им лично было брошено 3 реактивных снаряда. Готовясь к броску последнего реактивного снаряда, инженер-капитан вывернул

ветрянку, мгновенно произошёл взрыв в руке, в результате чего 1 человек был убит, 1 тяжело и 1 легко ранен…»

Вот такое приключение на рыбалке у реки. Тем, легко раненным в лихой компании воздушных бойцов, стал сам Василий. На самом деле, ранение было не легким: осколком реактивного снаряда ему раздробило пятку правой ноги. После того нога у него так и не выздоровела окончательно, а со временем даже начала сохнуть. Но самое главное – как с таким ранением летать? Однако все равно летал. Хотя и не сразу – пришлось «отдохнуть» от полетов. Такое наказание ему определил отец. Причем почему-то не сразу, о происшествии на рыбалке и ранении Василия он узнал только спустя 2 месяца. Сам он считал, что его постоянный враг Берия, с которым он был в более чем натянутых отношениях, как всегда, выбрал «самое подходящее» время, чтобы доложить Сталину о случившемся с сыном.

В результате Василия освободили от командования полком и назначили рядовым лётчиком-инструктором 193-го авиаполка. Распоряжение отца было кратким, но предельно жестким: «Освободить и без моего личного разрешения на самостоятельную работу не назначать. Сталин»…

Между прочим, много лет спустя, уже после войны, друг Василия Герой Советского Союза Виталий Попков признался, что инициатором той злополучной рыбалки был вовсе не Василий, а он сам, в чем тогда он просто побоялся признаться. Он решил, что с Васи спрос будет меньше. А тот не выдал друга, справедливо рассудив, что его вина не меньше – командир-то он. Выйдя из госпиталя, Василий остался в Москве, причем какое-то время почему-то жил у Аллилуевых, а не в собственной семье, о чем рассказывает его двоюродный брат Владимир. «Василия отовсюду выгнали, и он, выйдя из госпиталя с перевязанной еще ногой, какое-то время жил у нас, часто жалуясь моей матери, что его не хотят послать на фронт: «Этими руками только чертей душить, – возмущался Василий, – а я сижу здесь, в тылу!»

Но своего он все же добился и отправился на фронт, где совершил двадцать семь боевых вылетов и сбил один фашистский самолет».

И еще из той же книги Владимира Аллилуева: «Его нельзя было держать в тылу. Человек он был активный, моторный, смелый. Летал прекрасно, на фронт рвался, и его место было, безусловно, там. Он тяготился своим тыловым положением и страдал от того, что люди думают, что он хорошо устроился за отцовской спиной».

Да, суров был Иосиф Виссарионович, особенно к тем, кого

любил, и не всегда прав. Конечно, понять это можно: идет жестокая война, некогда ему нянчиться с малоуправляемым сыном. Некогда думать о том, что лучше повлияет на Василия – бездельное сидение в Москве, когда все друзья на фронте, когда от стыда за свою безалаберность, от которой погиб товарищ, от тоски из-за вынужденного безделья, кроме водки, и занятия не найти, или искупление проступка в бою, в небе, ставшем его стихией. То есть понять вождя можно – он судил о сыне по себе, человеку со стальной волей, огромным, государственным умом и крепкими нервами. А Василий был другой, и нервная система у него была слабая, видимо, передавшаяся в наследство от матери. Отсюда и тяга к алкоголю, и взрывная вспыльчивость, когда его «несло» и он, похоже, не только не отдавал себе отчет в своих поступках, но и не владел собой. И совершенно очевидно, что для Сталина-младшего лучшим лекарством всегда была работа, особенно работа любимая. И всегда отстранение от нее по любым причинам приводило к одному и тому же тяжкому последствию – к водке, в которой он топил все проблемы. Потом, после войны и после его гибели, верные друзья, которых у него было много, станут говорить, что не так уж много он и пил – не больше, чем другие. Что пили в войну все летчики, чтобы снять страшное напряжение – рядом со смертью ходили в такие-то годы, когда только жить да жить. Может, и так, только водка влияла на него особенно плохо – опять же из-за его слабой психики…

Каким он парнем был

Но как бы там ни было, к началу 1944 года Василий Сталин, видимо, искупил свою вину, и 16 января приступил к исполнению обязанностей инспектора-лётчика по технике пилотирования в 1-м Гвардейском истребительном авиационном корпусе. Личным указанием командующего ВВС этот корпус был передан в оперативное подчинение 3-й Воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта. Гвардейцы корпуса прикрывали наши наземные войска, обеспечивали боевые действия штурмовиков, содействуя успешному завершению разгрома вражеской группировки в районе Городка. Это было уже на подступах к Витебску. Для Василия работа инспектора авиационного корпуса стала подготовкой к командованию дивизией. Помогая в комплектовании соединения лётно-техническим составом, самолётами, горюче-смазочными материалами и даже обмундированием и питанием, он на деле знакомился со всеми деталями и особенностями работы этого сложного военно-хозяйственного механизма.

В те дни командир 1-го Гвардейского истребительного авиакорпуса генерал Е. М. Белецкий пишет на полковника В. И. Сталина следующую характеристику: «В должности инспектора-лётчика авиакорпуса с января 1944 года. За это время проявил себя весьма энергичным, подвижным и инициативным командиром. Сразу же по прибытии в корпус включился в боевую работу частей корпуса.

Во время проведения операций на Витебском и Полоцком направлениях – в январе-феврале 1944 года – и Идрицком направлении – в марте 1944 года – часто находился непосредственно на ВПУ командира корпуса, руководил воздушными боями истребителей, анализировал и разбирал бои с лётным составом частей.

Провёл большую работу по проверке техники пилотирования у лётчиков корпуса.

Обладает отличной техникой пилотирования, лётное дело любит. По прибытии в корпус в течение 3-х дней изучил и самостоятельно вылетел на самолёте Ла-5, до этого летал на самолётах типа «Як».

Тактически грамотен, боевую работу авиационных полков и дивизии может организовать хорошо. С людьми работать умеет, но иногда проявляет излишнюю горячесть, вспыльчивость.

Принимает активное участие в партийно-политической работе, является членом парткомиссии корпуса. Лично

дисциплинирован, исполнителен, обладает хорошими командирскими качествами. Пользуется авторитетом у личного состава корпуса.

Занимаемой должности соответствует, достоин выдвижения на должность командира истребительной авиационной дивизии».

И 18 мая 1944 года, согласно приказу Главного Маршала авиации Новикова, гвардии полковник В. И. Сталин вступил в командование 3-й Гвардейской истребительной авиационной дивизией.

Василию было в то время 23 года, его налёт равнялся 3105 часам. Он летал на всех типах истребительной авиации, состоящей на вооружении нашей армии, на многих бомбардировщиках. А ещё на штурмовиках, на американских и английских боевых машинах. Словом, летал на всем, на чем можно было летать, и на всем, на чем имел возможность летать – «летное дело любит». По налету он опережал многих других командиров ВВС, например, заместитель командира авиадивизии А. Ф. Семёнов к тому времени налетал 1960 часов. Командиры полков этой же дивизии В. А. Луцкий – 1387, В. А. Яманов – 1115, Е. М. Горбатюк – 1106 часов. Данные впечатляют.

А были ли прецеденты столь стремительного служебного роста того времени среди воздушных бойцов? Оказывается, их было немало, и Станислав Грибанов такие примеры приводит.

Так, по его данным, «А. К. Серов в 1938 году был старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, а через год – уже комбриг, начальник Главной лётной инспекции ВВС РККА. В. С. Хользунов в 1936 году капитан, командир эскадрильи, а в 1937 – командующий армией особого назначения. А. А. Губенко в 1936 году был старшим лейтенантом, командиром звена, а в 1938 – полковник, заместитель командующего ВВС округа. Г. Н. Захаров в 1938 году командир звена, старший лейтенант, а в 1939 – командующий ВВС округа, полковник. Г. П. Кравченко в 1937 году был капитаном, а в 1941 уже генерал-лейтенантом, тоже командующим ВВС округа. П. В. Рычагов в 1937 году старший лейтенант, командир звена, а в 1940 уже генерал-лейтенант, начальник ВВС РККА.

А Василий Сталин, кстати, был и младшим лётчиком, и рядовым инспектором-лётчиком, и лётчиком-инструктором».

По мнению Грибанова, «на генеральское звание он имел право, согласно занимаемой им должности, рассчитывать ещё весной 1944 года! Но прошёл год войны. Закончилась Вторая Мировая… Под хорошее настроение победителям вручали и Золотые Звёзды Героев, особенно много вторично, и генеральские звания. А Василий всё в полковниках – как командир полка. В

этом звании он прослужил больше четырех лет и генерал-майором авиации стал только после трёх представлений. Отец дал на это согласие, уступив настойчивым ходатайствам министра обороны Булганина. Иосиф Виссарионович спросил у него: «Вы что, действительно считаете, что он достоин?» Только тогда и было подписано соответствующее решение».

Справедливости ради, скажем, что все же все перечисленные выше были несколько постарше Василия, так что на карьерный рост ему обижаться тоже не приходилось. Хотя правда и то, что представляли его к очередным званиям его прямые вышестоящие начальники, а не отец, который, зная сына, особенности его характера и психики, такого карьерного взлета сына, как видим, побаивался, опасаясь срывов, от которых мог пострадать не только сам молодой генерал.

Но вернемся в тот военный май 1944 года. Дивизия истребителей под командованием Василия Сталина получила пополнение из молодого лётного состава – около 100 человек. Их предстояло вводить в строй, готовить для боевых действий. Для этого проводились тренировочные индивидуальные и групповые воздушные бои, воздушная стрельба по конусам, бомбометание. Тем, кто уже немного повоевали, тоже приходилось совершенствоваться – слишком часто неопытные пилоты били в белый свет, как в копеечку, расходуя вхолостую снаряды. Так, в феврале, например, на один сбитый в воздушных боях самолёт противника приходилось в 32-м (сталинском) авиаполку – 950 снарядов, в 137-м полку – 645. То есть на один сбитый самолет противника уходила почти 1000 снарядов!

Словом, молодых приходилось учить и учить. После проверки боеготовности частей Василий обнаружил еще один катастрофический изъян – самолётный парк авиационных полков никуда не годился… Обновить технику требовалось во что бы то ни стало! Нельзя летать на старых гробах…

Конечно же, он добился своего. Тут фамилия Сталин, надо признать, помогала. Уже в конце мая дивизия получила новенькие боевые машины Ла-5ФН, которые пилоты сразу же оценили по достоинству. Теперь уже и стрелять можно было не за версту – легче маневрировать и самому энергично выйти из-под атаки. Затем комдив распорядился получить новые полевые карты и приступить к изучению района предстоящих боевых действий.

В это время Верховным Главнокомандованием было принято решение о проведении стратегической наступательной операции по освобождению Белоруссии под кодовым названием «Багратион». К началу этой операции 1-й Гвардейский истребительный авиакорпус включался для усиления в 1-ю

Воздушную армию. Полки дивизии Василия Сталина перебазировались на аэродромы Изубиево – Кваненки, и действовать им предстояло на Оршанском, Борисовском, а затем и Минском направлениях. Боевые задачи дивизии были самые разнообразные – завоевание превосходства в воздухе, прикрытие наших наземных войск, разведка аэродромов и войск противника, штурмовка аэродромов, прикрытие боевых действий нашей авиации.

С этими задачами летчики успешно справлялись. Причем особенно ценили благодарность матушки-пехоты и танкистов. Высокую оценку за помощь в ликвидации прибалтийской группировки противника истребители 3-й гвардейской авиадивизии получили от командования механизированного корпуса, с которым они взаимодействовали. «Нужно особо отметить, – писал в донесении командир мехкорпуса генерал-лейтенант Обухов, – бомбардировку переправ на реке Западная Двина истребителями дивизии полковника Сталина».

Благодарность летчикам 3-й гвардейской за боевые действия в районе окруженной немецкой группировки восточнее Минска выразил и командир 1-й Смоленской истребительной противотанковой артиллерийской бригады РГК полковник Пилипенко. «Командир 3-й иад полковник Сталин, – отмечал он, – находясь на наблюдательном пункте, добился прекрасных результатов взаимодействия с артиллерией по уничтожению немецких войск… Благодарность ему от личного состава бригады за хорошую слаженность и смелость летчиков-гвардейцев и умелое руководство ими в бою!»

Полки 3-й Гвардейской авиационной дивизии, продвигаясь вслед за наступающими войсками, то и дело перебазировались на передовые аэродромы. Особенно напряжённые бои разгорелись в районе Шауляя.

15 августа утром на шауляйский аэродром налетели четыре «фоккера». В результате в управлении дивизии и роте связи было ранено четырнадцать человек, водитель сержант Дьяченко тут же скончался от ран. На следующий день два полка пехоты и 50–80 танков противника из района Кельмы и два полка и до 200 танков из района Куршенай перешли в наступление на Шауляй и к исходу 17 августа начали обстрел аэродрома.

Когда стемнело, немецкие танки прорвались на аэродром. Этого не ожидали. Поднялась страшная паника. А у Василия именно в это время находилась его жена, Галя Бурдонская, прилетевшая на побывку к мужу из Москвы. Василий тут же посадил ее в открытую автомашину и на полном ходу вывел автомобиль наперерез бойцам. «Трусы! – заорал он своим

опешившим гвардейцам. – Вон, смотрите, баба и та не боится!» Что уж чувствовала в те минуты «баба», история умалчивает, но гвардейцы пришли в себя, паника закончилась так же быстро, как и началась. Мгновенно, кто в чем был, разобрались по кабинам и подняли самолеты в воздух. А с воздуха уже быстро навели порядок в танковых частях.

Вот такой он был во всем, гвардии полковник Василий Сталин. Вот за это и любили его и бойцы, и друзья-товарищи. Один из них – летчик-истребитель Виталий Попков, у которого Василий Сталин был непосредственным начальством.

«Это именно он лично подтверждает, что Василий Сталин совершил 27 боевых вылетов и сбил 2 немецких самолета. Сам Попков совершил 168 боевых вылетов, сбил 41 немецкий самолет. В конце войны командовал 5-й гв. ИАП, а Вася Сталин командовал дивизией, куда входил этот полк. Про этот полк и Попкова снят фильм «В бой идут одни „старики“. В фильме образ „Бати“ – командира полка – собирательный. Прототипами его стали Василий Зайцев и… не кто иной, как Василий Сталин. Правда, в фильме комполка человек в возрасте, но характер отражен точно. Сам Попков является прототипом сразу двух персонажей: „Маэстро“ Титаренко и „Кузнечика“ Александрова. Немногим известно, что счет сбитым самолетам он открыл именно так, как показано в фильме, когда „Кузнечик“ завалил „мессер“ против всех правил боя, на взлете.

Самолет Виталия Попкова (и не он один) действительно носил на борту опознавательные знаки в виде надписей „Веселые ребята“ и нотного стана. Два таких самолета были подарены джаз-оркестром Утесова, отсюда и „музыкальный“ камуфляж. Прозвище „Маэстро“ Виталий Попков заработал за исполнение „Амурских волн“ на пианино. „Сначала так прозвали меня в полку за мои занятия на земле, а потом за то, что я делал в небе. На земле я руководил джаз-оркестром. А однажды моя эскадрилья в небе над Днепропетровском устроила немцам такой „небесный джаз“ (мы сбили тогда 10 самолетов, и три из них – я), что мой заместитель Герой Советского Союза Серега Глинкин прямо в воздухе обратился ко мне: „Командир, можно мы запоем?“ Ну, настроение у меня было, сами понимаете, какое, и я сказал: „Давай!“ И вот в боевом эфире наш небесный хор запел: „Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч…“ Пропели мы эту прекрасную песню от начала до конца. И вдруг земля таким милым женским голосом говорит: „Большое спасибо, маэстро!“ Я, конечно, заулыбался и спрашиваю: „Это за что? За концерт или за бой?“ И тот же милый голос прошептал: „И за то, и за другое…“ Вот такая была у нас „поющая эскадрилья“! Не случайно сам Утесов

подаренные нам истребители назвал „Веселые ребята“…» (Добрюха Н. Мой позывной – „Маэстро“ // Аргументы и факты, № 08 (1269), 23 февраля 2005 г.).

Ну, а если от лирики перейти к статистике, то, к примеру, за один день, 15 сентября 1944 года, лётчики дивизии совершили 288 боевых вылетов, провели 21 воздушный бой, сбили 47 самолётов противника. Наши потери – 1 экипаж и 3 самолёта. А за год 3-я Гвардейская истребительная авиадивизия провела 19 перебазирований, пр этом покрыла свыше 2000 км, совершила 7536 боевых вылетов, провела 263 воздушных боя, сбила 364 самолёта противника! Свои потери – 66 самолётов и 39 лётчиков. Правда, были ещё и небоевые потери – 36 самолётов и 6 лётчиков. Вот за них и попали в тюрьму после войны маршал авиации Новиков и нарком авиационной промышленности Шахурин, а в их аресте потом обвинят Василия Сталина, якобы «оговорил». То, сколько летчиков потеряло жизни в результате таких небоевых потерь, в расчет не примут. Но это уже послевоенная история.

А война тем временем приближалась к победному концу.

В конце февраля 1945 года Василию Сталину пришлось распрощаться с боевыми друзьями – гвардейцами 3-й истребительной авиадивизии. Он получил назначение командовать авиационной дивизией в Воздушной армии С. И. Руденко, действовавшей в составе 1-го Белорусского фронта, которая шла на Берлин. Наша авиация наконец-то господствовала в небе. Теперь наши летчики не только не уступали прославленным немецким асам, но и одерживали над ними верх. Как свидетельствовал участник тех событий, К. В. Калашников, «С такими асами мы встретились впервые после Белорусской операции, в Польше. Прилетели они на «фокке-вульфах» – носы самолетов покрашены в желтый цвет, а фюзеляжи разрисованы всякой чертовщиной. От них мы понесли большие потери, потому что нас прикрывали «кобры», а это уже устаревшая модель, хотя Покрышкин летал только на нем. Неделю они нам досаждали, а потом прилетел полк Василия Сталина на «Ла-5» – носы покрашены в красный цвет, а на фюзеляжах звезды – количество сбитых самолетов. Буквально за считаные дни «желтоносиков» сняли. Но факт признанный – у немцев действительно много хороших летчиков было и авиация сильная. Но и у нас асы были не хуже, во второй половине войны мы научились воевать, и немецкие летчики были уже не столь высокомерны» (Акопян Г. «Тыл и фронт были едины, а сейчас нас разъединили…» // Забайкальский рабочий).

В приказе Верховного Главнокомандующего в числе

отличившихся при штурме столицы фашистского рейха названы и лётчики полковника Сталина. А вот выдержка из наградного листа от 11 Мая 1945 года, подписанного командиром 16-й Воздушной армии генерал-полковником авиации С. И. Руденко:

«За период проведения Берлинской наступательной операции частями дивизии под непосредственным руководством Гвардии полковника В. И. Сталина проведено 949 боевых вылетов. Проведено 15 воздушных боёв, в ходе которых сбито 17 самолётов противника.

Лично товарищ Сталин за время участия на фронтах Великой Отечественной войны произвёл 26 боевых вылетов и сбил лично 2 самолёта противника. Достоин награждения орденом Суворова 2-й степени».

Во время перестройки, когда поднялся очередной вал антисталинских публикаций, многие демократические публицисты стали подвергать сомнению и боевые заслуги его младшего сына, в том числе, и факты его участия в боевых вылетах, тем более наличие у него сбитых самолетов противника.

Чтобы не было сомнений в том, что Василий лично сбивал самолеты противника, представим свидетельство уже упоминавшегося С. Ф. Долгушина: «Василий Сталин полком командовал старательно, прислушивался к нам, более опытным летчикам. Как командир полка он по своему усмотрению мог делать боевые вылеты в составе любой эскадрильи, но чаще всего почему-то летал в составе моей. В течение февраля-марта мы сбили с десяток самолетов врага. С участием Василия – три. Причем надо отметить, что первым, как правило, атаковал их Василий, после этих атак самолеты теряли управление, и мы их потом добивали. По нашим летным законам их следовало засчитывать Василию, как сбитыми лично, но он их считал сбитыми в группе. Я однажды сказал ему об этом, но он махнул рукой и бросил коротко: «Не надо!». 5 марта 1943 года в составе другой эскадрильи он сбил лично ФВ-190» (Безиргани Г. Арестант Владимирского централа. // Вечерний Тбилиси. – 2002 г.

То же подтверждает и Ф. Ф. Прокопенко, у которого с той поры осталась памятная фотография с благодарностью за жизнь от Василия Сталина, которого Федор Федорович дважды спасал в бою: «Он создал авиагруппу и сам воевал. Почему он мне подписал портрет? Потому, что мы вместе летали, и я дважды выбивал у него из-под хвоста противника. Много летать ему не давали – уговаривали, мол, не надо, Василий Иосифович; у вашего отца старший сын погиб… Он соглашался, а сам своевольничал – летал. У него три сбитых самолета. Два Ме-109 я видел лично» (Севастьянова А. Четырнадцать тысяч часов без

земных впечатлений. // Гвардия России, № 5 (10), 2003 г.).

То есть, если верить словам Ф. Ф. Прокопенко и С. Ф. Долгушина, получается: два Ме-109 плюс один ФВ-190, это уже три самолета сбитых лично да еще три сбитых в группе, по словам того же С. Ф. Долгушина, можно отнести к личным. Итого шесть. Выходит, что официальный счет Сталина не завышен, а занижен. Один самолет «потерян», три – оформлены как сбитые в группе. И это говорят люди, которые вместе с Василием воевали, герои войны, а не журналисты, которые пытаются что-то доказать через пятьдесят лет после событий.

«Выпускник Качинского училища, Василий Иосифович, – пишет маршал авиации Руденко в своих воспоминаниях, – начал войну инспектором-лётчиком, под Сталинградом командовал 32-м Гвардейским полком, потом 3-й Гвардейской дивизией.

В ходе боёв под Берлином он возглавил 286-ю истребительную дивизию. За успешные действия был награждён двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Суворова 1-й степени, польским крестом Грюнвальда».

«Как-то, в личной беседе, – пишет Станислав Грибанов, – Сергей Игнатьевич охарактеризовал своего подчинённого так: «Вася был умный парень…». Сказано это было в те годы, когда уже не было ни Сталина, ни его сына, врать не требовалось».

8 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. До этого, 2 мая, в приказе Верховного Главнокомандующего за овладение Берлином отмечались летчики Главного маршала авиации А. А. Новикова, Главного маршала авиации А. Е. Голованова, генералов С. И. Руденко, С. А. Красовского, Е. Я. Савицкого, Е. М. Белецкого, Г. Н. Тупикова, Е. Ф. Логинова, Г. С. Счетчикова, В. Е. Нестерцева, В. Г. Рязанова, А. В. Утина, Б. К. Токарева, И. В. Крупского, А. З. Каравацкого, И. П. Скока, Б. А. Сиднева, И. Ж. Дзусова, С. В. Слюсарева, В. М. Забалуева, П. П. Архангельского, Г. И. Комарова, полковников В. И. Сталина, Д. Т. Никишина, А. И. Покрышкина, В. И. Александровича.

8 мая на КП дивизии Василий Сталин дал последнюю команду задержавшемуся в берлинском небе бойцу:

– Возвращайся! Посадку разрешаю. Войны больше нет…

После войны

После окончания войны, 286-я авиационная дивизия Василия Сталина была оставлена в Германии, в Группе советских оккупационных войск. Он продолжал готовить свои боевые полки без скидок на мирное время – обстановка оставалась напряженной. Лётчики хорошо владели всеми видами стрельб по воздушным и наземным целям. Командир авиационного корпуса генерал Савицкий, большой друг в те годы Василия Сталина, был доволен успехами дивизии, её молодым, но уже сложившимся командиром.

В своей характеристике на Василия в то время он писал: «За первое полугодие 1946 года проведено 22 лётно-тактических учения, все они прошли организованно, без происшествий. В целом дивизия по выполнению плана всех видов учебно-боевой подготовки занимает 1-е место в корпусе. За время, прошедшее после войны, 286-я дивизия заметно выросла, стала более организованной. Лётный состав полностью подготовлен к выполнению боевых задач на средних высотах, 40 % лётчиков могут летать на больших высотах и в сложных метеоусловиях.

Сам генерал-майор авиации В. И. Сталин обладает хорошими организаторскими способностями, оперативно-тактическая подготовка хорошая. Свой боевой опыт умело передаёт лётному составу. В работе энергичен и инициативен, этих же качеств добивается от подчинённых. В своей работе большое внимание уделяет новой технике, нередко подаёт новаторские мысли и настойчиво проводит их в жизнь. Лётную работу организует смело и методически правильно».

Правда, в этой же аттестации высказана озабоченность состоянием здоровья Василия Сталина, отмечено, что он вспыльчив, не всегда умеет себя сдерживать, с подчинёнными допускает грубость, а иногда слишком доверяет им.

Но в общем – Василий Иосифович «дисциплинирован, идеологически выдержан, морально устойчив». Вывод: «Занимаемой должности вполне соответствует, может быть назначен на повышение, целесообразно было бы использовать в инспекторском аппарате Главного управления ВВС Красной Армии».

То есть, в целом аттестация весьма и весьма положительная. Под началом Савицкого Гвардии полковник В. И. Сталин прослужит полтора года в Германии. Старейший авиационный инженер генерал Печенко припоминает: «В конце войны у стен Берлина я познакомился с генералом Е. Я. Савицким. Он тогда

командовал истребительным корпусом, в состав которого входила дивизия В. И. Сталина. Савицкий и Сталин дружили. В наших разговорах он довольно подробно характеризовал своего подчинённого и друга. Летал Василий смело и охотно, но количество его полётов ограничивалось руководством, хотя никаких указаний со стороны его отца на этот счёт не было. По словам Е. Я. Савицкого, Василий обладал хорошими организаторскими способностями и волевыми качествами…»

Дружеские отношения Евгения Яковлевича с Василием сохранятся аж до самой смерти Иосифа Виссарионовича. Позже, уже в эпоху так называемой гласности, маршал Савицкий радикально переменит свое мнение о фронтовом друге, а когда ему напомнят его былые отзывы о Василии, скажет, что иначе в те годы было нельзя. Забудет свою дружбу с Василием и все, что тот для него делал, и Степан Микоян, ставший антисталинистом, как и его отец. Не забудут Василия только его фронтовые товарищи, все время после его гибели добивавшиеся и добившиеся в конце концов его реабилитации в 90-е годы.

Ну, а пока в 1946 году не только в корпусе, но и во всей 16-й Воздушной армии дивизия Василия Сталина занимает по боевой подготовке ведущее место. Командующий генерал-полковник авиации С. И. Руденко, как уже сказано, считает, что комдив достоин продвижения на должность командира корпуса. Правда, рекомендует изжить недостатки: В. Сталин допускает грубость в обращении с подчинёнными, иногда слишком доверчив. Но всё-таки командование отдаёт приказ о назначении генерала В. И. Сталина командиром 1-го Гвардейского истребительного авиационного корпуса, которым тогда командовал Герой Советского Союза Генерал Г. Н. Захаров (его переводили в Москву).

После года работы командиром авиакорпуса Василия Сталина назначают помощником командующего Московского военного округа по строевой части. Это 1947 год. Через год он становится командующим ВВС Московского военного округа. Что и говорить, в послевоенное время карьера Василия росла, как на дрожжах, и отец этому уже не препятствовал. Но, судя по результатам, и сын выкладывался на полную катушку. Судите сами.

Что он увидел, придя в округ?

Послевоенное время. Страна в руинах. Не хватает людей, ресурсов, аэродромов, пригодных для нормальной работы и обучения летного состава, крайне мало, парк боевых самолетов изношен и устарел. Между тем разведданные с Запада поступают тревожные – ощущение, что там начали готовиться к следующей

войне, теперь уже с СССР, вовсю развивается атомная промышленность, авиация на пороге реактивной эры.

С чего же начал молодой командующий? Во-первых, начал наводить дисциплину, которая, надо сказать, порядком расшаталась – летчики усиленно расслаблялись после напряжения военного времени, процветало пьянство, полеты часто отменялись. При Василии полеты стали регулярными, пьянки пресекались на корню, и сам Василий, по свидетельству очевидцев, в это время не пил.

Второе, что он сделал – это озаботился бытовыми условиями своих подчиненных, добыл для округа 500 финских домиков и переселил туда бесквартирных летчиков. Квартирная проблема перестала быть острой.

Далее. Согласно действовавшему тогда порядку, летному составу был положен два раза в год двухнедельный отдых в профилактории. А раз так, значит, должен быть профилакторий и в ВВС МВО у Василия Сталина. Причем лучше всех.

Так появился подмосковный профилакторий «Марфино», где сегодня расположен один из лучших Центральных военных санаториев МО РФ. В. Полянский, сын одного из адъютантов Василия Сталина, описывает его так: «Этот великолепный комплекс В. Сталин отвоевал у правительственных структур для личного состава авиации округа. Дворец и все окружающее его поместье – это был великолепный парк с вековыми соснами, архитектурными ансамблями, а самое главное – огромный рукотворный пруд с насыпными островами посередине. Пруд был соединен с рекой, через которую были перекинуты два каменных моста. В 1947–1952 годах это изумительное творение зодчества и русского народа было реставрировано по приказу В. Сталина. Усадьба по его настоянию была передана в ведение авиации Московского военного округа. Была проведена полная и скрупулезная реставрация дворца, фонтанов, эспланады с каменными лестницами, арочных каменных мостов. Одним словом, этот санаторий ВВС МВО стал сказочным уголком для летчиков, специалистов авиации и их семей, всего личного состава округа. Путевки выдавались бесплатно. Летом там был пионерский лагерь».

Наконец, это именно Василий, по себе знавший напряжение и тяжесть летной работы, дал распоряжение обязательно кормить летчика перед полетом, которое действовало долгие годы после него.

Но самое главное – он начал обновлять самолетный парк, в округе появились первые образцы отечественной боевой реактивной техники. Летчики 196-го истребительного авиаполка

в начале 1949 года получили приказ срочно освоить новый истребитель Ла-15, чтобы уже на нем принять участие в традиционном первомайском параде. Однако быстро обнаружилось, что новая машина «сыровата», случилось несколько аварий, в одной из которых погиб фронтовой друг Василия подполковник А. П. Шишкин. В результате летчики стали переучиваться на МиГ-15, который потом прекрасно показал себя во время войны в Корее. При Василии Сталине летный состав начал переучиваться летать на реактивной технике, стала развиваться вертолетная авиация – её в МВО возглавил Ф. Ф. Прокопенко, тот самый, который в 1943 году спас в бою Василия, выбив у него из-под хвоста фашиста.

И конечно же, постоянно, в обязательном порядке приводились в порядок старые аэродромы, строились новые.

Кроме того, помимо всех прочих дел, в обязанности Василия во время его заместительства входила физическая подготовка личного состава округа. Эта работа ему была по душе, он страстно любил спорт и спортсменов, дружил со многими из них, и с головой окунулся в новое дело. Он практически возглавил всю спортивную работу авиаторов округа. По его инициативе началось сооружение спортивного комплекса на Ленинградском проспекте, ныне принадлежащего ЦСКА. Из веллинговского ангара сделали манеж, затем построили бассейн, заложили фундамент первого в стране катка с искусственным льдом в Чапаевском переулке. Под личным контролем Василия началось формирование спортивных команд ВВС. Футбольная команда лётчиков уже в 1947 году перешла в Высшую лигу. Не оставил он своих трудов на спортивной ниве и став командующим ВВС округа.

В 1949 году Василия избирают ещё и депутатом Верховного Совета СССР. Теперь он, в придачу к профессиональной деятельности, занимается и общественными делами. Раз в неделю он являлся в приёмную, встречался там со своими избирателями и, как правило, разрешал многие их проблемы. Он, как свидетельствуют многие люди, с которыми его сталкивала жизнь, любил помогать, любил делать добро. Так что и тут, вопреки современным скептикам, он был на своем месте и сделал много полезного.

В жизнь штаба ВВС округа Василий тоже внёс новую струю. У него хватало энергии, сил, желания организовывать коллективные посещения театров, концертов, вечеров отдыха, выезды на охоту. В здании штаба его распоряжением открыли книжный киоск, затем театральную кассу. Вдобавок его избрали и председателем Федерации конного спорта СССР. Вот такой

широкий круг интересов, вот столько дел и начинаний успевал и успел сделать этот «непросыхающий пьяница, забулдыга и бабник». А он, кроме всего прочего, по-прежнему много летал сам, освоил новый реактивный самолет МиГ-15 бис и получил квалификацию «Военный летчик 1-го класса».

И еще одно удивительное начинание осуществил Василий Сталин, вроде бы сам не жаловавший учебу. Своим письменным приказом он заставил офицеров ходить в вечерние школы, чтобы у всех их было, как минимум, 10-классное образование.

Когда в 1950 году была поставлена задача подготовить одну дивизию для оказания помощи Корее, В. Сталин в Кубинке сам лично готовил летчиков.

Дивизия эта во главе с полковником И. Кожедубом с задачей справилась и вместе с 29-м гв. ИАП (командир полковник А. Пашкевич) уничтожила в Корее 251 самолет врага, 6 летчиков получили звание Героя Советского Союза. Так, Евгений Пепеляев сбил 23 реактивных самолета противника и, естественно, тоже став Героем.

За успехи в службе командующий войсками МВО Маршал Советского Союза К. А. Мерецков представил В. И. Сталина к ордену Ленина, однако вышестоящее начальство утвердило ему всего лишь орден Красного Знамени. Зато 11 мая 1949 года Постановлением Совета Министров СССР № 1880 Василию Сталину присваивается очередное воинское звание «генерал-лейтенант авиации». Постановление подписал на сей раз сам И. В. Сталин.

А еще в круг обязанностей Василия входила подготовка группы пилотов к участию в парадах, трижды в год проходивших в столице. Один из них будто бы и стал тем порожком, о который он так крепко споткнулся, и после которого началось, еще при жизни отца, падение Василия.

Однако мнения на этот счет снова разные.

Начать с того, что воздушный парад – дело необычайной сложности. Как описывают специалисты, это 300 самолетов, которые в назначенный час, назначенные минуты и секунды собираются в воздухе в установленном месте, поднявшись с разных аэродромов – Раменское, Чкаловский, Кубинка и иногда Мигалово. Все это войско в воздухе выстраивается в установленный порядок или строй, чтобы таким образом красиво и эффектно пройти над Красной площадью или Тушинским аэродромом. В те годы еще было принято самолетами «выписывать» слова «Ленин», «Сталин», «КПСС». А для того, чтобы все прошло как надо, чтобы ничего не случилось, эти 300 самолетов и их летчиков, а также не одну тысячу наземных

специалистов нужно в течение нескольких месяцев готовить и тренировать. Каждый день риск: кроме квалифицированной и согласованной работы множества людей, еще есть техника, связь, погода – все эти факторы надо учесть, чтобы добиться успеха.

Таких парадов Василий провел четырнадцать. На крыше гостиницы «Москва» оборудовали командный пункт. Во время основных тренировок и генеральных репетиций Василий забирался туда и по радиообмену организовывал весь этот чудо-полет. Ветераны рассказывают, что эфир содрогался от его нелитературных выражений. А в день парада это место на КП занимал его заместитель – Герой Советского Союза полковник Е. Горбатюк, и уже он руководил полетами с земли, а Василий на большом самолете, бомбардировщике Ту-4, именуемом флагманским, возглавлял воздушный парад. Из динамиков гремели слова диктора:

«Воздушный парад возглавляет генерал-лейтенант авиации Василий Сталин! Ура-а-а!!!»

Восторг людей был неописуем.

Последний такой парад состоялся летом 1952 года в Тушине и прошел отлично. Но вот весной на первомайском параде действительно едва не случилась катастрофа. О том, что тогда произошло, рассказывал его участник, начальник главного контрольного пункта полковник Борис Арсентьевич Морозов:

«Первым взлетел и точно прошёл над Красной площадью сам Василий. За ним следовала дивизия Ту-4. Но бомбёры растянулись на петле – последний полк отстал секунд на 30, и нагнать ушедших вперёд было уже трудно. А летели низко: высота была всего метров 600. Тут, гляжу, появилась группа Ил-28 генерала С. Ф. Долгушина. Что делать? Пустить их – они столкнутся с Ту-4. Скорость-то у «Илов» больше. Я принял решение не пускать группу Долгушина. Дал им команду на разворот влево и отправил всех в Монино…»

Дальше дело, как описывает Станислав Грибанов, развернулось не лучшим образом. Полковник Морозов распорядился: «Пробивай эту плёнку!» – рассчитывая, что «Илы» соберутся, как всегда, на так называемой петле. Но они решили выполнить это под облаками. В результате самолёты перемешались. Один на малой высоте зацепил за сосну да так и прилетел с ней, другой обломал на своей машине трубку ПВД – приёмника воздушного давления. А два Ил-28 и того хуже – разбились при посадке…

Василий Сталин успел спросить по радио: «Что там у тебя?» Морозов ответил коротко: «Каша…» И тут же звонит Главком Жигарев: «Почему не прошёл Долгушин? Пусть мне и министру

обороны рапортом доложит!»

Только Алексей Микоян лихо прошёл тогда над главной площадью страны с группой МиГ-15. Сориентироваться ему в воздухе помог Морозов. Вспоминает Борис Арсентьевич:

«Едва «Илы» улетели, гляжу Лёша чешет со своим полком. Да вывалился откуда-то под углом в 90 градусов… Я командую: «Разворот вправо на 90, начали!..» Поставил курс, и полк истребителей, едва не цепляя за шпили Исторического музея, с рёвом и грохотом пронёсся над площадью…

После воздушного парада всё его руководство собрал министр обороны Булганин. Состоялась эмоциональная массовая порка. В итоге заместителю министра обороны маршалу Василевскому за отсутствие руководства командованием ВВС объявили выговор; Главкому ВВС генерал-полковнику авиации Жигареву за отсутствие руководства парада – тоже выговор; генералу Сталину за плохое проведение парада – выговор. Только действия полковника Морозова в той обстановке решено было считать правильными».

Несколько иначе рассказывал о том параде генерал-лейтенант авиации в отставке Герой Советского Союза С. Ф. Долгушин, непосредственный его участник:

«Мою дивизию фронтовых бомбардировщиков Ил-28 в тот раз готовили к параду на аэродроме Чкаловский, под Москвой. Еще в начале апреля я «перегнал» из Калинина с нашего основного аэродрома Мигалово на Чкаловский 216 самолетов (3 полка по 72 самолета в каждом) и начал их готовить на парад.

Дело это для нас было знакомое, и ничего особенного в этом не было. К тому времени я лично таких парадов провел уже штук десять. В день 1 мая 1952 года мои самолеты должны были в 10 часов 45 минут пройти контрольный командный пункт в Куркино. Это в районе Химок. А потом по установленному курсу, строем, ориентируясь по спецдымам и проблескам спецпрожекторов, лететь вдоль Ленинградского шоссе, Ленинградского проспекта и улицы Горького под облаками на Красную площадь. Последняя «отсечка» – Исторический музей. На крыше гостиницы «Москва» был установлен командный пункт. Там должен был находиться заместитель Василия по боевой подготовке полковник Е. Горбатюк, а в Куркино на ЗКП1 – начальник отдела боевой подготовки полковник Б. Морозов. Они вели контроль полетов, вводили коррективы. Имели радиосвязь с нами. Командующим воздушным парадом, по приказу министра обороны, был В. Сталин. Всем парадом руководил командующий войсками МВО П. А. Артемьев. Принимал парад Л. А. Говоров. В параде было задействовано еще, по-моему, 50 самолетов дальней авиации

Ту-4. Это мощный 4-моторный бомбардировщик, скопированный с американского Б-29. Может нести бомбовую нагрузку – 5 тонн, экипаж 11 человек.

Дивизия Ту-4 шла первой. Ее вел Василий Сталин вместе с командиром соединения полковником Лукиным. Они взлетали со своего аэродрома в Раменском. Потом шла моя дивизия фронтовых бомбардировщиков – 210 «основных» самолетов и 6 запасных. Я летел первым. А после нас шла Кубинская дивизия – истребители МиГ-15. Их было 150. Вел эту дивизию в тот раз командир одного из полков Алексей Микоян.

Заранее разрабатывалась плановая таблица, устанавливался строй «троек» и «девяток», рассчитывался пролет по времени, порядок стыковки колонн в воздухе, временной разрыв между колоннами и т. д.

Надо сказать, что работать здесь нужно очень точно. Время в воздухе измеряется секундами. Летит такая армада. Скорость для Ту-4 была установлена 450 км/час, для моих Ил-28 – 700 км/час, для МиГ-15 – 800 км/час. Разрыв между колоннами – 600 м. На карте-двухкилометровке каждый летчик имел свой маршрут и минутные «отсечки». Короче, все это у нас было отлажено до автоматизма. Все летчики – опытные, дисциплинированные асы. Шутить здесь нельзя.

1 мая 1952 года я встал в 5 утра, чтобы проверить готовность дивизии к параду. Погода была плохая. Особенно меня смущала низкая облачность. Видимость была сносной. Я распорядился связаться с гидрометеослужбой. Они дали облачность над Красной площадью 600 м. Это значит, что нижняя кромка облаков над землей находится на высоте 600 м. На параде летают, естественно, под облаками, а не над ними. Обычно мы перепроверяем сведения гражданской метеослужбы. Метеослужба Главного штаба ВВС дала облачность над Красной площадью уже 250 м. Тут позвонил Василий Сталин. Он выезжал на машине в Раменское, откуда должен был взлетать с дивизией Ту-4. Спросил про сводку. Я доложил, что дают противоречивую высоту облачности над Красной площадью – 600 м и 250 м, а в Чкаловском у меня над головой – 170 м. В Орехово-Зуеве, который мне нужно пролетать, вообще 40 м – все в тумане.

Василий приказал мне немедленно связаться с ЦКП1 ВВС и выяснить, как действовать. Я доложил дежурному по ЦКП метеосводку, тот доложил главкому ВВС Жигареву. После этого дежурный передал мне его приказ: «Работайте по плану!»

Следовательно, никакого запрета на полеты от В. Сталина не поступило. И не могло поступить. Это мог решить только главком ВВС, получив сведения о погоде. Кстати, были случаи, когда из-за

метеоусловий воздушные парады отменялись. Ничего необычного здесь нет.

Я поднял дивизию в воздух. Провел её вокруг Москвы под облаками до Куркина, снижались мои «орлы» до 40 м. Вышел точно по времени на ЗКП. Здесь я увидел, что мы нагоняем дивизию Ту-4. Оказывается, последний полк этой дивизии «растянулся» и прошел ЗКП с опозданием на 1 минуту и 20 секунд.

Б. Морозов с земли принял абсолютно правильное решение и с командного пункта приказал мне:

– «Беркут»! Всем разворот влево на 45° и уходить домой!

Я понял, что это сделано во избежание столкновения в воздухе моих самолетов с Ту-4. Начиналась, как у нас в авиации говорят, «каша».

Я по радиосвязи отдал приказ своим летчикам развернуться на 45° и уходить на Чкаловский. До Красной площади в тот раз мы так и не долетели.

При посадке на Чкаловский один самолет из моей дивизии, который пилотировал старший лейтенант Пронякин, разбился, упав в лес в районе аэродрома. Пронякин и ещё два члена его экипажа погибли.

Расследованием, которое сразу же проводила комиссия, было установлено, что Пронякин по своей ошибке на посадке выключил правый двигатель, из-за чего самолет потерял управление. Был обнаружен кран, которым управляются обороты двигателя. Он находился в крайнем заднем положении. Погода к этому ЧП не имела никакого отношения. Налицо ошибка летчика в технике пилотирования.

5 мая 1952 года меня и членов комиссии вызывали в ЦК к Булганину. Разобрались. Никаких оргвыводов не было. Ни я, ни Василий Сталин виновными в этом ЧП признаны не были.

Помню, Булганин, прочитав распечатку радиообмена, которая лежала у него на столе, сделал мне замечание:

– Товарищ Долгушин! Но нельзя же в воздухе так материться, как у меня здесь написано!..

Я пообещал маршалу, что материться в воздухе так больше не буду.

Кстати, на этом же параде, 1 мая 1952 года, из-за плохой погоды Алексей Микоян провел дивизию МиГ-15 поперек Красной площади, а не с севера на юг, как положено. Он просто «заблудился» в низкой облачности. А дивизия Ту-4, которую вели Василий и Лукин, пролетела нормально. Только последний полк растянулся. Отсутствие моей дивизии на параде 1 мая 1952 года и плохой пролет МиГ-15 почти никто не заметил. Это заметили

только настоящие специалисты-профессионалы. Вот как это все было».

Как выяснил исследователь жизни Василия Сталина юрист Андрей Сухомлинов, в архиве Дома авиации и космонавтики в Москве хранятся документы о другом параде – в День Воздушного флота, который проходил в тот год 27 июля и где военной частью парада командовал не кто иной, как Василий Сталин. Парад прошел прекрасно. Сталин-старший объявил всем летчикам благодарность. Это говорит о том, что летное происшествие на майском параде для В. Сталина осталось без последствий, его вины в нем не было, и летом 1952 года он еще оставался в своей должности. Пьяным он, как потом описывали многие, Василий не был и быть не мог – он вел на параде флагманский самолет. А эпизод, описанный многими авторами, когда Василий позволил себе уже после парада расслабиться и пьяным прийти на банкет для его участников (вроде бы, это приглашение было для него неожиданным, иначе бы не пил), вступил в пререкания с отцом и обматерил при всех главкома ВВС П. Ф. Жигарева, действительно произошел в банкетном зале в Тушине 27 июля 1952 года.

Именно после этого он был выведен в распоряжение главкома ВВС и позже сдал должность новому командующему – генерал-полковнику авиации С. А. Красовскому. Василия же направили на учебу в Высшую военную академию имени Ворошилова. Но в академии Василий не появился – ну, не любил он учиться. Отлученный от любимого дела, он, как нетрудно было предположить, впал в депрессию и, как вспоминают почти все, тут уж действительно начал пить. Тем, кто пытался его урезонить, говорил одно и то же: «Я живу, пока жив отец». Своему названному брату Артему Сергееву объяснил более подробно: «У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока мой отец жив. А отец глаза закроет, меня Берия на другой день на части порвёт, а Хрущев с Маленковым ему помогут, и Булганин туда же. Такого свидетеля они терпеть не будут. А ты знаешь, каково жить под топором? Вот я и ухожу от этих мыслей».

– Да, он выпивал, – с горечью признает Артем Федорович. – Но было это не всегда, а под конец: он стал понимать свою судьбу. Он уже знал и не сомневался: как только не станет отца, его самого разорвут на части, и сделают это те немногие, кто сейчас руки лижет и ему, и отцу. Потому он так любил собаку: «Не обманет, не изменит». Потому и пил. Некоторые люди, узнав, что дни сочтены – смертельное заболевание или ещё что-то, – ожесточаются, становятся мстительными. А у него, с одной стороны, его мягкость в отношении кого-то сохранилась, но появились жёсткость, надрыв, и они давали себя знать в

повседневной жизни. Да, он мог быть грубым, но это было не органично для него. Он просто срывался, стал вспыльчив, но не мстителен, подлости в его характере не было никогда.

После того Тушинского парада он, летчик от Бога, больше уже никогда не летал…

За что судили сына «Отца народов»

Период с осени 1952 года по март 1953-го отмечен для Василия приближающейся бедой. Он остался без дела, что было для него воистину трагедией. К занятиям он, как уже сказано, не приступил, в академии не появился. Из академии ему на дачу адъютант Полянский доставил целый грузовик учебников, на что Василий сказал, что это слишком много, ему хватит и одного. Но и этого одного он, видимо, не открывал. Депрессия, алкоголь, испорченные отношения с отцом. Даже на последний день рождения И. В. Сталина Василий приехал в нетрезвом состоянии, поэтому отец его даже в дом не пригласил и подарка от него (набора инструментов) не принял.

Роковой день наступил 5 Марта 1953 года. В этот самый день, у себя на даче в Кунцево, умер Иосиф Виссарионович Сталин. В обстоятельствах его смерти до сих пор много непонятного. Официальное коммюнике правительства почему-то сразу же сообщило народу неправду: что Сталин умер «в своей квартире в Кремле». Только через 25 лет мы узнали, что умирал вождь на своей ближней даче.

Василию же, по-видимому, были известны некоторые подробности, связанные со смертью отца, он успел переговорить с охраной до того, как ее разогнали. Во всяком случае, его уверенность в том, что отца убили, вряд ли могла быть просто «бредом пьяного», как это пытаются представить многие. Может, для этого и нужны байки о том, каким Василий был пьяницей – пьянице ведь что только не привидится. На самом деле главная его беда и вина состояла в том, что он знал и понимал слишком многое. Во всяком случае, он был абсолютно уверен, что заговорщики «организовали болезнь» Сталина и его скорую кончину…

И в самом деле, есть свидетельства, что накануне смерти Василий никак не мог дозвониться на дачу в Кунцево. Только около 4-х часов утра ему ответил Берия: «Товарищ Сталин устал. Ему надо отдохнуть. Приезжать вам не надо…» Пыталась дозвониться до отца 1 марта и Светлана, но тоже бесполезно – все телефоны Сталина были уже блокированы. Их с Василием вызвали на дачу только 2 марта, когда их отец уже не владел речью, был в беспамятстве и сказать ничего не мог. Далее известно: смерть И. В. Сталина, похороны, на которых погибла масса народу, громогласные заявления Василия о том, что отца убили и «залечили». Об осторожности и последствиях он не думал.

И последствия не замедлили наступить.

Менее чем через месяц, 26 Марта, генерал В. И. Сталин был уволен из кадров Советской Армии в запас по статье 59, пункт «е», без права ношения военной формы. Тогда это называлось «уволить по пункту «е» за морально-бытовое разложение». Как нам теперь известно (а теперь нам известно практически все о личной жизни всех сколько-нибудь известных людей – что было и чего не было), за то же можно было увольнять и самого Булганина, подписавшего этот приказ, поскольку пил он не меньше Василия и на балерин Большого театра любил не только смотреть из правительственной ложи. В личном деле В. Сталина есть служебная записка начальника Главного управления кадров МО СССР генерал-полковника А. Желтова на имя министра обороны Н. Булганина о том, что В. И. Сталина целесообразно уволить в запас по состоянию здоровья, с установлением военной пенсии. Но мнение главного кадровика не учли – уволили по дискредитирующим основаниям. С дальним прицелом.

По словам Надежды, дочери Василия, после смерти отца он каждый день ожидал ареста, и тётка Аллилуева (то есть Светлана) кривит душой, когда говорит, что отец целый месяц пьянствовал и кутил. Напротив, он постоянно находился дома и просил Надю быть с ним. Но она училась, и однажды, вернувшись из школы, обнаружила пустую квартиру – отца увели. В доме был обыск, многие документы тогда бесследно пропали.

Его арестовали 28 апреля 1953 года. За что?

До сих пор никто толком не знает. Ни сестра Светлана Аллилуева, ни двоюродный брат Владимир Аллилуев, ни последняя жена Капитолина Васильева, ни дети Надя и Саша, ни ветераны-сослуживцы. Были только версии. Правда выяснилась только в наши дни – Василий Сталин сначала обвинялся по 58 статье за измену Родине! Правда, вскоре поняв абсурдность такого обвинения, его слегка скорректировали, поставив другой пункт той же 58-й статьи: «антисоветская агитация и пропаганда». В самом деле, обвинял «соратников» вождя в его убийстве? Обвинял. Да еще и кричал в запале, что все расскажет иностранным корреспондентам. Вот вам и «антисоветская пропаганда и агитация».

Арест санкционировал Генеральный прокурор СССР Сафонов, а утвердил лично Берия. Постановление подписано начальником следственной части по особо важным делам генерал-лейтенантом Влодзимирским, согласовано с замминистра внутренних дел СССР Кобуловым. Для «успешного» расследования «дела Василия Сталина» следователь Следственного управления КГБ полковник Мотовский арестовал двух заместителей В. Сталина – генералов

Теренченко и Василькевича, начальника АХО Касабиева, адъютантов Капелькина, Степаняна, Полянского, Дагаева, старика-шофера Февралева (он вместе с Гилем еще возил В. И. Ленина). Около года их держали под стражей, потом освободили, получив нужные показания.

Юрист Андрей Сухомлинов, ставший исследователем дела Василия Сталина и написавший на основе этих материалов книгу, приводит выдержку из протокола от 2 сентября 1955 года:

«Озлобленный заслуженным увольнением из рядов СА В. Сталин неоднократно высказывал резкое недовольство отдельными проводимыми Партией и Советским Правительством мероприятиями, в частности, в связи с опубликованием сообщения о реорганизации государственного аппарата и сокращением руководящих деятелей Советского государства, а также в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 г. «Об амнистии». В. Сталин дошел и до прямых, явно антисоветских высказываний.

Так, в присутствии Капелькина и Февралева В. Сталин высказывал свои намерения сделать иностранным корреспондентам или сотрудникам иностранного посольства клеветническое заявление, направленное на дискредитацию руководителей Партии и Советского Правительства. Антисоветская настроенность В. Сталина ярко выразилась и в том, что он в своем озлоблении допустил выпад террористического характера в отношении одного из руководителей Партии и Советского Правительства».

Как считает юрист Сухомлинов, «для того чтобы расследовать это преступление, опытному следователю нужно не более недели. Допросить Сталина, Февралева и адъютантов, приобщить пленку с подслушанным разговором и получить характеристику. Постановление ЦИК СССР о порядке расследования дел этой категории от 1 декабря 1934 года устанавливало 10 суток. Дело Василия Сталина расследовалось около двух с половиной лет. Пока следователи скрупулезно разбирались в тонкостях служебной деятельности авиационного генерала, он содержался под стражей. Замечу, что после сдачи должности командующего ВВС МВО С. Красовскому прошел почти год. Акт о приеме-передаче должности подписан Главкомом ВВС, все службы штаба ВВС МВО представили письменные акты о том, что у них полный ажур и никаких претензий к бывшему командующему нет.

И вот теперь, год спустя, оказывается, что претензии есть, и все на грани уголовщины. Следствие ведет следственная часть по особо важным делам Комитета госбезопасности. Создана специальная комиссия МО СССР, члены которой, не зная толком,

что от них требуется, «устанавливают» все подряд, а это «все подряд» потом автоматически переезжает в обвинительное заключение и в приговор. Отказываться бессмысленно…»

Он и не отказывался. Ни от чего.

Из протокола допроса В. И. Сталина (от 9–11 мая 1953 г.):

«…Я уже показал, что, используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство Военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшиеся никакой необходимостью для боевой подготовки вверенных мне военных подразделений. Кроме этого, своими недостойными действиями я фактически дискредитировал себя как командующий округом. Будучи тщеславным, я пытался популяризировать свое имя…»

Позже Василий заявит: «Протоколы 1953 года являются неверными. Следователь Козлов составлял протоколы, которые я отказывался подписывать. Меня довели до припадков… Я эти показания подписывал, не читая их». (Из показаний В. Сталина).

Похоже, что так и было, во всяком случае, стиль «признаний», уж слишком фальшиво-литературный, явно не его.

Для иллюстрации своего вывода о том, что дело Василия Сталина бесстыдно, без намека даже на минимальную объективность сфабриковано, Сухомлинов приводит выдержки из приговора вместе с выдержками из документов, отражающих деятельность Василия до суда и обвинений. Они действительно красноречивы.

«**Из приговора:**

«Генерал-лейтенант авиации В. Сталин от партийно-политической и воспитательной работы самоустранился. Пьянствовал. На работу не являлся. Доклады своих подчиненных принимал у себя на квартире или на даче. Насаждал в подчиненном ему аппарате угодничество… В частях бывал редко, их состояния не знал, руководством оперативно-тактической подготовки не занимался… не участвовал… не принимал…»

Из доклада Главкома ВВС генерал-полковника авиации П. Ф. Жигарева в 1952 году:

«Военно-воздушные силы МВО прочно удерживают 1 место в ВВС страны в течение последних 3 лет, в чем немалая заслуга Командующего генерал-лейтенанта В. И. Сталина».

Из наградного листа, подписанного Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым в те годы:

«За успехи в службе командующий ВВС МВО генерал-

лейтенант авиации В. И. Сталин достоин награждения «Орденом Ленина».

Эти документы в деле, понятно, не фигурировали.

Из приговора:

«Вместо того, чтобы повседневно заниматься боевой и политической подготовкой в целях популяризации своего имени и создания мнимого авторитета, В. И. Сталин занялся строительством различного рода спортивных сооружений. В 1949 г. он приступил к строительству так называемого «спортивного Центра ВВС». Истрачено свыше 6 млн. рублей. В 1951 г. В. Сталин задумал и начал осуществлять строительство водного бассейна на территории Центрального аэродрома. Это строительство осуществлялось без ведома Правительства. По указанию В. Сталина были ликвидированы 3 ангара, один из них был отведен под манеж, другой – под конюшни, третий – под мото-велобазу. В 1949 г. В. Сталин самолично приступил к созданию охотничьего хозяйства ВВС, на это было израсходовано свыше 800 тыс. рублей. Только на покупку оленей было израсходовано более 80 тыс. рублей».

Справка. В обязанности командира, согласно Уставу внутренней службы ВС СССР, занятие строительством не входило и не входит сейчас. Этим должны заниматься строительные организации и их структуры согласно смете. Контроль за расходованием финансов, выделенных для этих целей, ведет финансовая служба. Она и должна следить за правильностью финансирования любого строительства, для чего есть соответствующие специалисты. Обо всех случаях финансовых нарушений финслужба должна докладывать по команде. Ежегодно проводятся ревизии финансово-хозяйственной деятельности вышестоящим органом. В данном случае – финслужбой округа, Главного штаба ВВС и ЦФУ…

Из приговора:

«В. И. Сталин занялся комплектованием при ВВС МВО спортивных команд. Им были созданы: конно-спортивная, конькобежно-велосипедная, баскетбольная, гимнастическая, плавания, водного поло. (Забыли футбольную во главе со Всеволодом Бобровым. – А. С.). Спортсмены переманивались из других команд, им незаконно присваивались офицерские звания… Премиальный фонд В. Сталин расходовал для награждения спортсменов. Им было премировано 307 спортсменов и только 55 человек летно-технического состава.

Из 227 квартир, полученных ВВС МВО, спортсменам предоставлено более 60 квартир. На обеспечение спортсменов летно-техническим обмундированием израсходовано 700 тыс. рублей. Предоставление таких привилегий спортсменам не вызывалось деловыми соображениями».

Справка. 1. Спортсменами ВВС (спортивный клуб армии ВВС создан и его штат разработан Директивой ГШ) в течение 1948–1952 годов установлено: 92 рекорда Вооруженных Сил; 60 рекордов СССР, подготовлено 30 чемпионов СССР.

В составе олимпийской сборной СССР 1952 года было 14 спортсменов ВВС, в т. ч. футболисты В. Бобров, К. Крижевский и др.

В высшей лиге национальных первенств участвовали три команды.

2. Правом присвоения офицерских званий командующий ВВС округа не наделен.

3. Предоставление квартир и премирование в армии производится на основании решений соответствующих комиссий, коллегиально.

4. По данным Центрального спортивного клуба армии, например, за 1997 год, в крытом 50-метровом бассейне ЦСКА (это его «строил» Василий Сталин) регулярно занимаются плаванием 1650 детей в составе детской спортшколы и 150 пятиборцев, а также офицеры и генералы Центрального аппарата МО РФ и ветераны Вооруженных Сил СССР».

«Невооруженным глазом видно, – констатирует Сухомлинов, – что на В. Сталина «навешивают всех собак». Причем никакого следствия нет, чувствуется безграмотная работа «объединенной комиссии» с партийным уклоном во главе со следователем КГБ. Фигурируют в деле «отделка служебной дачи», и «использование инвентарной мебели», и «добровольное подписание офицерами «фиктивных» ведомостей для получения денежных сумм». (Таким способом собирали деньги на похороны хоккейной команды ВВС.) И даже «доставка на дачу саженцев из Мичуринска»…

Но если внимательно прочитать приговор, то возникнет немало вопросов. Например, В. Сталин обвинен в том, что ВВС МВО сделано 19 незаконных самолетовылетов за границу. Вместе с тем все вылеты за границу оформляются только через ЦКП Главного штаба ВВС и МИД. Сделано 93 незаконных «дальних» вылетов. Но в чем проявилась эта «незаконность», не указано.

В обвинении записано, что на дачу возили ему фураж,

которым адъютанты кормили двух лошадей, теленка, кур, семь индюков и двадцать голубей. Общая сумма этого «великого ущерба», нанесенного боевым генералом и, между прочим, сыном вождя, не указана. Иск не предъявлялся.

Передо мной лежит опись арестованного имущества – 76 пунктов. Самое ценное – коллекция ружей, в основном подаренных отцом, шашек, подаренных К. Е. Ворошиловым, седло – подарок С. М. Буденного. Больше ничего интересного нет: настольные часы, охотничьи сапоги, ремни, фотоаппарат, киноаппарат, две байдарки, два велосипеда, два мотоцикла (подарок И. В. Сталина), автомашина «паккард».

Таков взгляд квалифицированного и объективного юриста, сформировавшийся после изучения дела Василия Сталина. В результате Сухомлинов делает следующие выводы:

«Приговор: восемь лет лишения свободы с поражением в политических правах на два года.

Критики приговор не выдерживает. Доказательства не приводятся, год рождения подсудимого указан неправильно, юридическая аргументация выводов суда отсутствует, в списке наград пропущена медаль «За оборону Сталинграда», ссылок на нарушенные нормативные акты нет, квалификация не мотивирована. В приговоре не решен вопрос о возмещении ущерба (если считать, что он есть, то нужно было заявлять гражданский иск), и не решен вопрос, как быть с арестованным имуществом. Никто не может объяснить, почему Василий отбывал наказание в тюрьме, хотя по приговору он должен был находиться в исправительно-трудовом лагере. Кто хоть чуть-чуть знаком с этим вопросом, знает, что «крытая» тюрьма и лагерь – это две большие разницы. День тюрьмы идет за три дня лагеря».

«Чем же мешал далекий от политики Василий? – спрашивает Сухомлинов. – И сам же отвечает: – Как известно, расправы над «членами семей» всегда были нашей славной традицией. Таким образом новая власть утверждала свою силу, показывала народу, что возврата к плохому старому не будет.

Сын «отца народов» мешал, причем всем. Он был потенциальный наследник культа личности, а значит, как бельмо в глазу. По всем законам жанра его нужно было если не стереть в порошок, то хотя бы держать под надзором, да с таким ярлыком, чтобы каждому было ясно – там ему, гаду, и место! Поэтому когда через два месяца главой государства стал Хрущев, он сразу дал понять, что ему вмешиваться в это дело «не с руки», не он же его арестовывал, значит, и спрос не с него».

Однако при всем уважении к Сухомлинову, давшему абсолютно объективный анализ дела Василия Сталина, хочется

повторить: суть не только в том, что он был «потенциальный наследник культа личности». Или совсем не в том. Не был Василий наследником культа своего отца, это понимали все – и его враги, и его друзья. Не та фигура. Он на такое наследство и не претендовал. А вот то, что знал, видел и понимал слишком многое, как о смерти отца, так и о побудительных мотивах, ее вызвавших, – это другое дело. За это и поплатился. И для Хрущева в таком качестве Василий был не менее опасен, чем для Берии, поэтому и не выпустил он его из тюрьмы, а когда выпустил, то сделал все, чтобы Василий, в отличие от Светланы не понявший, как теперь полагается себя вести, не начал говорить лишнее.

Между прочим, после ареста Василия пострадали и ВВС МВО. Друзей Василия разогнали по другим округам. Полковник Сергей Долгушин, Герой Советского Союза, поехал командовать дивизией тех же фронтовых бомбардировщиков Ил-28 на станции Обозерская Архангельской области, полковник и тоже Герой Володя Луцкий из подмосковной Кубинки уехал командовать истребительной дивизией в пос. Алакурти на Кольский полуостров. Потихоньку начали стирать память о Василии. Штаб ВВС округа позже перенесут на задворки Центрального аэродрома на Хорошевское шоссе, упразднят газету «Сталинский сокол», расформируют и знаменитый 32-й ИАП, тот самый, где было выращено 18 Героев и который в войну сбил более 500 самолетов врага. Им, как вы помните, начинал командовать Василий Сталин.

Тюрьма

После суда Василий, в соответствии с приговором, должен был немедленно отправиться в исправительно-трудовой лагерь. Но это рождало новую проблему. Сын Сталина – боевой офицер, только что водивший флагманский самолет на ежегодных парадах – окажется в лагере?! Как на это отреагирует народ? Не решит ли, что к власти пришли изменники и предатели, которые убили отца, о чем и так ходят упорные слухи, а теперь взялись за сына? Усидит ли в Кремле такая власть?

И тогда принимается очередное незаконное решение – местом отбывания наказания Василию избрать тюрьму. Это намного страшнее, хуже, тяжелее, чем лагерь. Но в какой тюрьме его содержать? Еще почти полгода Василий сидит в Лефортово. Приговор в отношении его не исполняется. Прокуратура, точнее, её подразделения, осуществляющие надзор за местами лишения свободы и исполнением наказаний, бездействуют. В это время КГБ ведет подготовительную работу с тем, чтобы по возможности приравнять условия содержания Василия в тюрьме к лагерным условиям, чтобы создать хотя бы видимость законности.

В конце концов для этого была выбрана Владимирская тюрьма, знаменитый Владимирский централ, где держали инакомыслящих.

Василия Сталина доставили во Владимирскую тюрьму 3 января 1956 года. Здесь ему предстояло отбыть 8 лет лишения свободы.

– Во 2-й Владимирской тюрьме, – рассказывала позже дочь Василия Сталина, – отца содержали под фамилией Василия Павловича Васильева. Мы с мамой каждую неделю навещали отца. Это были одночасовые встречи в обеденный перерыв. Отец любил наши приезды, очень их ждал. Во время встречи отец утверждал, что суда над ним не было. Часто, когда мы его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, в кирзовых сапогах, он шёл, слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой придерживающий ремень карабина, а другой державший палку отца, которую ему давали уже в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом… В письмах, которые передавал через нас и посылал официально, он доказывал, что его вины нет. Он требовал суда. Но всё было бесполезно.

Однако бывший охранник Владимирской тюрьмы А. С. Малинин слова Надежды опровергает. «Его привезли поздно

ночью, – рассказывал он много позднее Сухомлинову, – я тогда был на дежурстве. Одет он был в летную кожаную куртку, худощавый такой, с усиками. Мы уже знали, что он будет числиться по тюремному делу как «Васильев Василий Павлович». Это было согласовано с Москвой… Через месяц его перевели в третий корпус на третий этаж, в угловую камеру. Там он и отбывал весь срок – до осени 1959 года, когда его опять увезли в Лефортово. Официально от всех скрывали, что это сын Сталина, но почти все мы это знали и звали его просто Василий. Раза два он болел, нога у него сохла, с палочкой ходил, лежал в нашем лазарете. В тюрьме работать нельзя (только сидеть!), но для него, по его просьбе, сделали исключение и разрешили работать в нашей слесарной мастерской, так он инструменты из Москвы выписывал – чемоданами… Ничего плохого про него сказать не могу. Вел себя спокойно, корректно, и мы относились к нему так же. Помню, вызывает меня начальник тюрьмы: «У твоей жены сегодня день рождения, возьми и передай поздравления». Дают мне корзину, а в ней 35 алых роз. Я сначала не понял, с чего это такая забота о моей жене. А потом выяснилось: 24 марта Василию исполнилось в тюрьме 35 лет, ему передали корзину цветов, а он в камеру их нести отказался. «Завянут быстро, – говорит, – без света. Отдайте кому-нибудь из женщин». Жена моя до сих пор этот букет забыть не может. Таких цветов ей в жизни никто никогда не дарил…

Где-то читал, что когда вели Василия на свидание с женой и дочерью, то били его прикладами. Глупость какая-то и ложь откровенная. Никто его не бил. А с оружием у нас во все помещения тюрьмы вход категорически запрещен. Начальник тюрьмы М. А. Дедин приказал сделать ему в камере дощатый пол, чтобы было теплее, а прокурор по надзору В. И. Пегов на это «закрыл глаза».

Личных свиданий тогда в нашей тюрьме было не положено, а ему давали, причем и с «законными» женами – Бурдонской и Тимошенко, и с «незаконной» Васильевой. «График» посещения Василий устанавливал сам. Из-за этого потом они поругались…»

О женах надо сказать особо, поскольку до сих пор была упомянута только одна из них, первая и законная, Галина Бурдонская. Однако с Галиной Василий расстался довольно быстро, еще во время войны. Горячая любовь быстро остыла, неуправляемого, любвеобильного, склонного к выпивке Василия держать в руках молоденькой Галине не удавалось. Несколько раз она уходила от мужа с вещами, но тот, любивший детей, каждый раз обещал исправиться, и она возвращалась. Окончательно разорвали они отношения уже после победы, причем сына и дочь

отец оставил при себе, позже объяснив уже третьей жене, Капитолине Васильевой, что Галина, увлекшись богемной жизнью, сама не настаивала на том, чтобы забрать детей. Так это или нет, уже не установишь. Факт в том, что Василий даже видеться с матерью детям почему-то не разрешал. Был за что-то обижен? Но и она была обижена, даже начала пить и курить… Это сказалось на здоровье. Галина потом дважды выходила замуж, но и новые браки длились недолго.

Когда начался роман Василия с Екатериной Тимошенко, точно не известно, но уже в конце 1945 года он перевез ее к себе в Германию, где командовал авиационным корпусом, а в 1946 у них родилась дочь Светлана. Для детей мужа от первого брака она стала мачехой, причем, как уверяет сын Василия и Галины Александр Бурдонский, мачехой злой: детей обижала и даже недокармливала. Может быть, тут сказалось тяжелое детство самой Екатерины. В молодости ее отец Семен Тимошенко полюбил в Минске неведомо каким образом оказавшуюся там красавицу-турчанку Нургаиль. Вскоре сыграли свадьбу. А через десять дней после рождения дочери Кати молодая мамаша, перевязав груди полотенцем, сбежала бесследно.

Ошеломленный происшедшим отец определил Катю в детский дом, откуда забрал ее лет через десять уже в новую семью.

Екатерина Тимошенко жила с Василием Сталиным в законном браке, хотя его развод с Бурдонской не оформлялся. Но и эта семья вскоре развалилась, кто говорит, что из-за измен и запоев Василия, кто считает, что виновата Екатерина и ее тяжелый, неласковый характер. Зато красива была она на редкость – брюнетка (но иногда перекрашивалась в блондинку), с огромными черными глазами, смуглой кожей, высокая, статная. От Василия Екатерина родила двух детей – в сорок седьмом дочь Светлану, в сорок девятом сына Василия. Светлана Васильевна родилась болезненной, она умерла в 1990 году; Василий Васильевич учился в Тбилисском университете на юридическом факультете, стал наркоманом и умер в двадцать один год от передозировки героина.

Уходила Екатерина от мужа, как и Галина, не раз. Но в дни, когда Иосиф Виссарионович умер, на траурных мероприятиях была рядом с Василием.

Женщиной, из-за которой расстроилась семейная жизнь Екатерины и Василия, стала Капитолина Васильева, знаменитая советская пловчиха сороковых годов. К моменту знакомства с сыном Сталина на ее счету было девятнадцать рекордов СССР и дочь Лина от первого брака.

Как-то Василию пришлось награждать победителей чемпионата по плаванию. Первой из первых оказалась Капитолина. Они познакомились и начали встречаться, а через некоторое время, когда Василий расстался с Екатериной, Капа переехала к нему в особнячок на Гоголевском бульваре.

Сталин одобрил этот новый выбор сына, Капитолина ему понравилась. Он, как свидетельствуют все его знавшие, умел разбираться в людях, поэтому сразу почувствовал ее искреннее отношение к Василию, ее сильный характер (сильный характер привлек его и в Екатерине Тимошенко, только той не хватало доброты), который, как он, очевидно, надеялся, удержит непутевого сына от пьянства и бесшабашных выходок. Не удержала. Не понимал, видимо, при всем своем уме Сталин, что дело у Василия было не просто в характере, а в его действительно слабой нервной системе. Срывы все равно происходили, хоть Капу Василий искренне полюбил, полюбил и ее дочь, которую удочерил. Наверно, надо было Василия лечить, хотя лекарств против плохой наследственности не придумали до сих пор.

Впрочем, как вспоминает сама Капитолина, лучше мужа, чем Василий, когда он был трезв, просто не существовало. Видимо, так же думали и другие жены, если к нему, уже осужденному и все потерявшему, во Владимирскую тюрьму приезжали все по очереди. Раз была Бурдонская, несколько раз Тимошенко, дольше других ездила Васильева. Однако слишком на долгий срок был осужден Василий, в конце концов оставила его и Капитолина, которую к тому же раздражало, не могло не раздражать, что она не единственная, а одна из трех. Мало того, Капитолина не могла простить ему, что на допросах он назвал ее не женой, а сожительницей – ее, столько сил положившую на его спасение, ее, пригревшую и обласкавшую его неприкаянных детей. Как она сама вспоминала много позже, «Однажды я приехала в тюрьму очень уставшая – добираться было трудно. Прилегла на железную койку отдохнуть, а Василь сел рядом и стал говорить. Говорил он долго, я слушала не слишком внимательно, но запомнилось, как он просил, чтобы я не всякому верила, что мне будут передавать о нем… Потом только поняла: Василь наговорил на меня, показал на следствии специально в невыгодном свете, чтобы не таскали за его «дело»…

Вообще Василь был прекрасный муж и хозяин – пока не выпьет. Первое время мы жили замечательно. Дружили – наша семья, Юра Жданов со Светой и семья Шверника. Ходили на пляж, рядились как индейцы. Было весело! Василь умел рассказывать анекдоты, особенно еврейские. Он обладал чувством юмора, но иногда Люся Шверник просила: «Вася, Вася, ну поменьше

русского фольклёру…» – Капитолина Георгиевна вспоминает былое, и все тяжелое отступает – его словно и не было в жизни с Василием, но вдруг опять в памяти промелькнет что-то такое, о чем лучше бы не вспоминать. Человек он был непредсказуемый: не знаешь, что будет через минуту. Всегда нужна готовность парировать, сдерживать его поступки…» (Станислав Грибанов. Хроника времен Василия Сталина.)

Словом, когда в 1960 году Василия Сталина «досрочно» освободили из тюрьмы под обещание «не безобразничать», сменить фамилию и не встречаться с иностранными корреспондентами, он с вокзала поехал не к Капитолине, а к первой жене – Галине Бурдонской. Но та его не приняла, у нее уже была другая семья.

Что касается «досрочного» освобождения, то ведь год в тюрьме считается за три в лагере, вот и считайте, сколько же отсидел Василий. К тому же в тюремной мастерской Василий постоянно перевыполнял задания, за что тоже обычному заключенному «скашивают» срок. К Василию Сталину эти правила были не применимы.

Охранник Малинин пишет, что дочь Надежда, дочь Василия, пишет неправду о том, будто ее отца били прикладом. Что ж, возможно, она спутала посещение отца во Владимирской тюрьме с посещением его в Лефортове. В провинции народ, в том числе и тюремные охранники, мягче и порядочней, к тому же и имя Сталина, несмотря на все изменения в политике, там всегда воспринимали с уважением. Однако какие бы послабления режима не делались, тюрьма есть тюрьма. У Василия начинает сохнуть нога, поврежденная во время злополучной рыбалки во время войны, обостряются другие болезни. А ведь ему еще нет сорока!

К 1958 году состояние здоровья Василия стало критическим. Администрация тюрьмы доложила об этом по команде. Дошло до руководства КГБ. А. Н. Шелепин сообщил Хрущеву не только о здоровье Василия, но и о том, что в тюрьме он «расшифровался»: кто он такой, стало известно всем.

Что думал Хрущев по этому поводу, неизвестно. Можно только догадываться о том, что он испугался главным образом того скандала, который разразится, если Василий в тюрьме умрет. И Никита Сергеевич принимает решение – готовить Василия на освобождение. Вообще-то сложного здесь нет ничего. Если захотеть, то можно все оформить за неделю. Но это если захотеть. Хрущев распорядился иначе. И в 1958 году Василия этапируют в Москву и помещают в Лефортовский следственный изолятор КГБ СССР. Но его здоровье продолжало ухудшаться.

В январе 1960 года Хрущёв неожиданно вызвал в Кремль для беседы Светлану, и предложил ей свой план: Василий должен сменить свою фамилию, тогда он сможет спокойно жить где-нибудь подальше от Москвы… Затем с тем же предложением уже к самому Василию обращается шеф КГБ Шелепин. Но встречает категорический отказ.

Хрущёв все же принимает решение освободить Василия и приглашает его на приём. При встрече и беседе Хрущёв, кривя душой, положительно отозвался о Сталине, даже говорил, что произошла ошибка при аресте самого Василия. При встрече, говорят, оба плакали. Ну, с Василием-то все понятно, у него жизнь загублена, нервная система разрушена. А о чем плакал Никита Сергеевич? Вот уж воистину – крокодиловы слезы… Хрущёву, между прочим, тогда предстояла встреча в Москве с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром. Не в связи ли с ней вдруг случился у «дорогого Никиты Сергеевича» приступ «доброты»? Ведь Эйзенхауэр, хоть и враг, а боевой генерал, лично знавший Сталина, вдруг поинтересуется судьбой его сына, боевого летчика? И что тогда отвечать? Говорить, что сидит в тюрьме за контрреволюционную деятельность?

Встреча с Эйзенхауэром у Хрущева тогда не состоялась. 1 Мая в небе Урала наш зенитно-ракетный комплекс сбил разведывательный самолёт U-2 американских ВВС. Из этого самолёта выпрыгнул пилот по фамилии Пауэрс. На земле он тут же был задержан местными жителями. Нашим специалистам удалось собрать и часть шпионской аппаратуры, нашли и фотоплёнки со снимками военных и промышленных объектов Советского Союза. Наконец, деталями экипировки Пауэрса, как выяснилось, был бесшумный пистолет и игла с ядом. Словом, сомнений в характере полета быть не могло. Пауэрса судили. Визит президента США сорвался.

А Василия вновь посадили, незадолго до происшествия с Пауэрсом. Не понравилось его поведение, хотя ничего криминального в современном значении этого слова он не совершал. Встречался с Ворошиловым, просил того о работе. Ворошилов написал отчет Хрущеву об этой беседе, вполне для Василия благоприятный: «Василий Сталин вел себя скромно, «немножко испуганно», как мне показалось, но был вежлив и предупредителен в разговоре. Просит дать ему работу, связывая её со своим поведением, – «дайте мне работу, и я исправлюсь», все время твердил об этом».

За эту мягкость Ворошилову от Хрущева потом попало, для Василия же последствия были гораздо хуже. Правда, дело было не в беседе с Ворошиловым – Василий, поняв, что здесь он вряд ли

до кого-либо достучится, обратился в китайское посольство с просьбой помочь переехать в Китай, помочь в трудоустройстве там и лечении, оставил там свое заявление, – вот он, главный криминал! Это было расценено как просьба «о политическом убежище» и вновь как «антисоветская агитация и пропаганда».

Непосредственным же поводом стала пустяковая авария, по словам Надежды, которая была в машине вместе с отцом, специально подстроенная – на Арбатской площади Василий нечаянно зацепил машину какого-то дипломата и помял крыло.

…В Лефортове два лётчика оказались рядом, в соседних камерах – капитан ВВС США Гарри Пауэрс и генерал-лейтенант ВВС СССР Василий Сталин. Американский шпион и сын вождя, отвоевавший всю войну, как говорится, «за свободу и независимость Родины». И от имени этой Родины ее новые вожди его, боевого летчика, свободы лишили.

– Обидно было, – рассказывал он потом друзьям об этом заключении. – Пауэрсу жаркое и туалетную бумагу, а мне – баланду!

Ну, как же иначе – ведь Пауэрс потом должен будет в Америке рассказывать, что у Никиты Сергеевича лучшие тюрьмы в мире. А Василий Сталин – что Василий? Еще не решили, стоит ли его вообще выпускать на свободу. Пусть сидит на баланде и под чужой фамилией.

Ссылка. Последний год жизни

Отсидев в Лефортовской тюрьме ещё почти год, весной 1961-го Василий Сталин отправился в Казань. Ему не разрешили жить в Москве. И в Грузии, куда он просился, тоже не разрешили. Вдруг он поднимет Кавказ против кремлёвских владык!

В Казани Василия поселили в однокомнатной квартире на последнем этаже пятиэтажной «хрущёвки» – самое подходящее жилье для человека с больной ногой. Генеральскую пенсию в 300 рублей убавили вдвое, оставив всего 150 – и на жизнь, и на лечение, и на все другие радости жизни. Приехал в Казань Василий один, однако через две недели вслед за ним туда же отправилась медсестра Мария Нусберг (в девичестве Шевергина) с двумя дочерьми от первого брака. С Марией он познакомился в институте Вишневского в Москве, где лежал на обследовании после Лефортова еще в 1960 году. Благодаря Светлане Аллилуевой, которая написала в своей книге, что ей тогда же позвонил профессор Вишневский и предупредил, будто Нусберг – человек КГБ, большинство исследователей жизни Василия Сталина в этом факте не сомневаются.

Действительно, многое в поступках медсестры Маши кажется сомнительным. Влюбиться в опального, постаревшего и полысевшего зэка со слабым здоровьем, склонного к алкоголизму, уехать за ним из Москвы в Казань, чтобы жить там в однокомнатной квартире с двумя дочками на его более чем скромную пенсию – не очень ординарные поступки. Конечно, в жизни все бывает, и женщины Василия всю жизнь любили, но все же чаще к таким порывам склонны молоденькие девушки, а Марии было уже за тридцать, к тому же у нее двое детей, что тоже располагает к осмотрительности в действиях. К тому же Мария не москвичка, она провинциалка из Кургана, которой каким-то чудом удалось попасть в Москву. Как правило, такие люди столицу по своей воле не покидают.

Мало того, как свидетельствуют документы, ордер на однокомнатную квартиру в Казани выписан вовсе не на Василия, а именно на Марию Нузберг, с которой на тот момент он даже не был зарегистрирован! То есть он прибыл в Казань, поселился в чужой квартире и две недели жил там до прибытия хозяйки. Похоже, ему выдали ключи от квартиры, но не документы на нее, чему он вначале, вероятно, не придал значения и лишь после приезда Нузберг с дочерьми понял истинное положение дел. Понял, что ему вместе с убогой квартирой придали новую семью и постоянного соглядатая – человека из органов? Как иначе

можно объяснить произошедшее? Даже если у него с Нузберг был роман, даже если была договоренность, что она приедет к нему в Казань, почему ордер на квартиру был оформлен на нее – не родственницу, не жену, а чужого, постороннего человека? Как могли власти поселить его в квартиру, принадлежащую другому человеку? Ну не может быть такого беззакония даже в хрущевском СССР, если только речь не идет о делах КГБ! Не случайно именно тогда, через две недели после прибытия в Казань, то есть тут же после приезда Нузберг, он отправляет Хрущеву письмо, в котором в горьких выражениях жалуется как раз на «беззаконие и бесстыдство», на то, что его просто «хотят заклевать». Хрущев на жалобу не прореагировал.

Что же оставалось делать «казанскому пленнику»? А что он мог? Оставалось только существовать в предлагаемых обстоятельствах. Благо, все же Нузберг-Шевергина была миловидной, говорят даже яркой женщиной, и дочки ее ему, видимо, понравились – детей он любил.

Дальнейшее поведение Марии выглядит не менее странным: забеременев от Василия, она едет делать аборт в Москву. Что, в Казани эту повседневную операцию делать не умеют? И зачем делать аборт, избавляясь от ребенка от человека, которого она так страстно полюбила, что ради него покинула столицу? Мало того, она находится в Москве не неделю, которой обычно с лихвой хватает на восстановление при таком пустяковом хирургическом вмешательстве, а целых четыре месяца. А когда возвращается в Казань, тут же регистрирует брак с Василием, тот получает паспорт на новую фамилию Джугашвили, а через два месяца умирает.

В защиту Марии Нузберг говорит только тот факт, что ее дочери всю последующую жизнь называли Василия отцом, а не отчимом, даже после замужества оставили фамилию Джугашвили, добивались его реабилитации, а также переноса его тела из Казани в Москву. Впрочем, это говорит больше о нравственных качествах Василия, о том, что он хорошо к ним относился, а также о том, что они, маленькие девочки, мало знали об истинной подоплеке событий в жизни их матери и отчима. А если, повзрослев, и узнали, то не стали выносить их на суд охочей до сенсаций публики. То, что они защищают свою мать, естественно и нормально для дочерей.

Однако, кроме Марии Нузберг, в казанской ссылке в жизни Василия была еще одна женщина. Василий называл ее Маришей, фамилия осталась неизвестной, потому что она не захотела открывать ее журналистам. Мариша сама стала инициатором их знакомства. Дело в том, что два ее дяди были летчиками, причем

служили они когда-то в подчинении Василия и очень уважительно к нему относились. Поэтому, услышав о приезде Василия Сталина в Казань, Мариша, студентка ветеринарного факультета, решила ему позвонить. Он был рад, тут же пригласил девушку навестить его. Видимо, это произошло как раз в те две недели, когда Нузберг до Казани еще не доехала, и он считал себя свободным.

Двадцатилетняя, красивая девушка навестила сына вождя и… влюбилась в него – немолодого, не красавца, к тому же пьющего. Странно? Может, все-таки, не был он таким алкоголиком, как его представляют? Все-таки, досталась, похоже, Василию от отца в наследство сталинская харизма и умение обаять собеседника, особенно, если собеседник был женского пола.

А еще через несколько месяцев, когда Нузберг уехала делать аборт и осталась в Москве на несколько месяцев, Мариша переехала к Василию. Причем, судя по ее беседе с казанской журналисткой, она не знала о существовании Нузберг – то есть в странную ситуацию со странной женой Василий ее посвящать не хотел.

«Материально мы жили очень скромно, – рассказывала она потом, став уже к тому времени научным сотрудником одного из казанских вузов. – Василий получал пенсию 300 рублей, из которых 150 отсылал первой жене. (С размером пенсии тут неясность – то ли не убавляли ее, то ли Василий не сказал этого молоденькой поклоннице, – *прим. авт.*) И ещё мой оклад. Вставал он всегда очень рано, шёл на кухню, готовил завтрак. Из дома никуда не выходил, только пенсию получать ездил в КГБ на Чёрное озеро, да и то всегда вместе со мной. Его ни на миг не покидало предчувствие, что его снова заберут…»

Плохое предчувствие его не обмануло, хоть в тюрьму он больше и не попал. Однажды вечером в квартиру вошла какая-то женщина.

«Я открыла, – вспоминает Мария Николаевна, – незнакомка влетела прямо в комнату, где лежал Василий. Он приподнялся: «Зачем ты пришла?»

Но женщина заявила мне: «Оставьте нас вдвоём». Василий тут же крикнул: «Мариша, сядь и не уходи!» «Ты очень болен, может, я смогу тебе помочь?» – ворковала незнакомка. Я решила, что это, видимо, его давняя знакомая, и ушла на кухню. Они говорили долго. Потом я услышала голос Василия: «Уходи!» – «Нет, я никуда не уйду». И тут она заявила мне: «Если вам не трудно, уйдите домой сегодня…» Я обомлела от её наглости, прошу Васю: «Объясни, в чём дело. Я ничего не пойму!» «Потом, потом…» – страдальчески сказал он. Разозлённая, в смятении, в ревности, я

оделась и ушла».

То есть, видимо, сначала у Василия были основания предполагать, что Нузберг не вернется. Возможно, когда у него установились отношения с Маришей, между ним и Нузберг происходили какие-то объяснения по телефону или по переписке, о которых мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Похоже, Нузберг действительно не собиралась возвращаться в Казань, иначе четырехмесячный аборт объяснить невозможно. Но, очевидно, заставили.

А Маришу утром вызвали в районное отделение внутренних дел, обвинили в том, что она учинила скандал в квартире, где живёт без прописки, сказали сакраментальную фразу: «Мы о вас знаем всё…»

Спустя несколько дней Василий сам позвонил Марише и просил прийти. Объяснить, что происходит, он не смог. Сказал, что три дня был без сознания, а на вопрос, кто та женщина, отвечать отказался: «Потом, потом…»

Но «потом» так и не получилось. Незнакомая Марише женщина (а это была, конечно, все та же Нузберг, которую, надо думать, увидев рядом с сыном вождя другую женщину, срочно вызвали из Москвы в Казань) больше не оставила Василия, чем-то колола его, изображая заботу о больном. Василий сказал, что ему колют снотворное, но когда Мариша незаметно взяла одну использованную ампулу, медсестра коршуном метнулась к ней, выбила ампулу из рук и раздавила её: «Не трогайте, уколетесь!..»

Очевидно, что понять ситуацию Мариша никак не могла. Поэтому она решила, что незнакомка – прежняя Васина любовь, а она – третий лишний. Только через два месяца, в марте, после звонка врача Барышевой, Мариша снова приехала к Василию. Состоялся разговор в присутствии всё той же женщины. Василий сказал, что позвонить раньше он не мог – его увозили… На вопрос: «Куда?» – ответил, что это не имеет значения. Когда на минуту они остались одни, он сказал шёпотом: «Имей в виду, тебе могут наговорить очень многое. Ничему не верь…».

Было ещё два звонка Василия Марише и её матери. «Не проклинайте меня…» – просил он. Потом говорил, что ему плохо и что его опять куда-то увозили.

Может, зря Василий не посвятил любимую девушку во все подробности своей трагической судьбы? Впрочем, тогда ведь надо было бы рассказывать и о том, что еще в начале октября он в беседе с председателем КГБ Татарии просил разрешения оформить брак с Марией Нузберг и устроиться на работы комендантом аэродрома авиационного завода. В ответ председатель КГБ снова предложил Василию сменить фамилию.

На какую? Ну, хотя бы на подлинную фамилию отца или матери. И Василий неожиданно соглашается! Однако выдвигает условия: ему вернут некую сумму – 30 тысяч рублей – в виде компенсации за подмосковную дачу. А ведь всего лишь несколько месяцев назад писал своей любимой тетке Анне Сергеевне Аллилуевой: «Что касается фамилии, то я лучше глотку себе перережу, чем изменю! Никогда я на это не пойду, и говорить со мной нет смысла. Сажали Сталина, судили Сталина, а теперь для их удобства менять… Нет! Сталиным родился, Сталиным и подохну!»

Так что Нузберг хорошо поработала, КГБ и власть должны были бы быть довольны. Может, потому она и не спешила возвращаться в Казань, что основную-то задачу выполнила – заставила непокорного Василия сменить фамилию, на которую у нынешней власти была такая аллергия? Однако, похоже, ее обуяла жадность, потому что, узнав о беседе Василия и его смехотворных требованиях, она сама позвонила в КГБ и сообщила об увеличении ставки. Теперь уже, по ее словам, за смену фамилии Василий требовал возвращения в Москву, возврата квартиры, машины и увеличения пенсии. И власти вступили в торг. 27 октября, как записано в деле, Василий соглашался сменить фамилию на Джугашвили с тем, чтобы к 7 ноября зарегистрировать брак с Шевергиной (Нузберг) и удочерить ее детей, а в связи с этим просил предоставить ему в Казани трехкомнатную квартиру и доставить из Москвы машину и вещи. Москва согласилась. Но до нового, 1962 года, ничего сделано не было.

Видимо, карты смешала Мариша, появившаяся в жизни Василия. Пока в КГБ думали, как на это реагировать, он послал ее в Москву к любимой тетке Аллилуевой искать правду, просить, чтобы та помогла ему избавиться от преследований КГБ, вернуться из ссылки и т. п. Тогда же он направил заявление в ЦК КПСС, где писал: «В течение более полугода паспорт, военный билет, пенсионную книжку и другие документы на новую фамилию Джугашвили не выдают. В сложной обстановке вынужден ставить этот вопрос перед вами… вполне мог бы жить и работать под той старой фамилией, под которой прожил и проработал 40 лет – Сталин. Прошу понять меня правильно. Прошу вашего вмешательства в разрешение вышеуказанных вопросов. Василий Иосифович Джугашвили».

Надо думать, это письмо вкупе с новоявленной просительницей, которая вместе с А. С. Аллилуевой дошла до Ворошилова, который, впрочем, сказал, что он уже ничего не может, ничего не решает, вызвало бешенство у властных лиц. Тем

более упоминание фамилии Сталин, которая на предавшую вождя верхушку действовала, как красная тряпка на быка. Ему дали понять, что могут пойти навстречу, но должен же он понимать, что все это только в обмен на полную лояльность! На выполнение всех требований! Но Василий не хотел понимать! Или искренне не понимал? Чувствовал себя зверем, загнанным за флажки, и метался из стороны в сторону, все сильнее, все неотвратимее предчувствуя скорый конец?

Предчувствия его не обманули. Нузберг снова заставили приехать в Казань. Василий лежал больной. Остальное известно. Стоит только добавить, что во время этой его болезни он был каким-то образом зарегистрирован с Нузберг и удочерил ее дочерей.

18 марта 1962 года Василий позвонил дочери в Москву, очень просил Надю приехать. Она не успела – утром 19 марта Василия Сталина не стало…

Вот как описывает это в своей книге Станислав Грибанов:

«На похороны Надя приехала с братом Александром и Капитолиной Васильевой.

…Поднимаясь на 5-й этаж «хрущёвки», я всё думала, как нелегко было отцу карабкаться наверх с больными ногами и с палкой – по этой узкой крутой лестнице… – рассказывала Надежда Васильевна. – Зашли в комнату. Посреди неё стояли две табуретки, на них доска. А на доске в окровавленных простынях лежал отец.

Александр Васильевич припомнил, что нос у отца был разбит, на запястьях рук – синяки. Ноги тоже были в кровоподтёках. А в кровати его нашли страшно много снотворного…

Официального медицинского заключения о смерти Василия не было. Ни о кровоизлиянии, ни о чём другом никто никаких свидетельств после смерти Василия не сделал.

– Я знаю, что в Казани врач отказался дать медицинское заключение, которое от него требовало КГБ, – заметила Надежда Васильевна. – Меня спросят: вашего отца застрелили? Я скажу: очень может быть. Спросят: его отравили? Я отвечу: вполне возможно…

На Арское кладбище проститься с Василием пришла вместе с матерью и Мариша. «Я подошла к нему. Лицо его было неузнаваемо, – рассказывает Мария Николаевна. – Синяки, какой-то изуродованный нос. У меня, помню, даже возникло подозрение, а не кукла ли это? Я всё всматривалась в его лицо. Меня кто-то взял за руку и отвёл в сторону…

Васико стал моим ангелом-хранителем на всю жизнь. Он научил меня стойкости, любви к жизни, доброте. Он научил меня

прощать. Я и сейчас люблю его…»

Закончить эту трагическую историю жизни сына вождя лучше всего словами известного западного советолога А. Авторханова: «Сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире ещё и другая, более безжалостная болезнь – политика. От неё он и умер».

Старший сын

Като, мать Якова

Екатерина Сванидзе, мать Якова, была сестрой «Алеши», Александра Сванидзе, тоже революционера, друга Иосифа Джугашвили. Тогда он еще не был Сталиным. Като была красавицей, а её предки происходили из того же селения Диди-Лоло, что и предки Сталина.

Они познакомились осенью 1905 года, когда Иосиф перемещался с одной конспиративной квартиры на другую. Сванидзе тогда привел его ночевать к себе домой. У Александра Сванидзе было три сестры, и все они жили вместе с ним, причем одна из них была замужем за Александром Монселидзе, тоже старым другом Иосифа. Като произвела на Иосифа неизгладимое впечатление. Между прочим, за свою любовь ему еще пришлось побороться. Некий Давид Сулиашвили, тоже подпольщик, красавец, отчаянный парень, давно уже посещал дом Сванидзе, добиваясь внимания Като, и дело зашло настолько далеко, что его даже стали считать женихом Екатерины.

Но Джугашвили отбил. Красавица Като предпочла именно его. Многие, знавшие Сталина в ту пору, вспоминают, что он, несмотря на небольшой рост и следы оспы, был весьма хорош собой. Более того, в нем уже тогда ощущалась та внутренняя энергия, которую теперь принято называть харизмой, и её магическое влияние ощущали на себе и женщины, и мужчины. Впрочем, и насчет небольшого роста не стоит преувеличивать, некоторые биографы Сталина отмечают, что в найденной наконец его медицинской карте зафиксирован рост около 170 см – по тем временам вполне средний. «Он нравился женщинам», – вспоминал в старости Вячеслав Молотов, многолетний сподвижник Сталина, знавший его лучше многих и в молодости таким же образом пострадавший от него: в 1912-м, в вологодской ссылке Сталин отбил у Молотова некую очаровательную Марусю. Кстати, Молотов зла за это на него не затаил.

Стоит ещё отметить, что красавица Като, происходившая, между прочим, из обедневшей дворянской семьи, бедной и неразвитой совсем не была – напротив, они с сестрой Александрой были известными в Тифлисе портнихами, одеваться у которых почитали за правило самые знатные и высокопоставленные дамы города. Поэтому и квартира Сванидзе считалась вне подозрений, что представляло большое удобство для подпольной работы их брата и его товарищей.

Глубоко верующая Като без венчания брака не мыслила, и Иосиф пошел на это, потому что любил. Они обвенчались в

церкви, по всем правилам, но тайно. Тайно – потому что для революционера церковный брак считался нешуточным позором. А во-вторых, потому что Иосиф жил тогда под чужой фамилией. Обвенчал их в ночь с 15 на 16 июля 1906 года в церкви Святого Давида товарищ по семинарии Кита Тхинвалели с обещанием сохранить это в тайне от настоятеля. Так что Иосиф и Екатерина были повенчаны по всем правилам, даже с занесением в метрическую книгу их настоящих имен. Гражданский брак по той же причине регистрировать не стали, даже фамилию Като оставила девичью, несмотря на то, что уже ждала ребенка.

По поводу сталинского венчания с Екатериной Сванидзе впоследствии не преминул пройтись Троцкий, заметив, что в их среде практически не было случаев, чтобы профессиональный революционер женился на верующей, да еще в церкви. «Это просто не отвечало нравам, взглядам, чувствам среды, – писал Лев Давидович. – Коба представлял, несомненно, редкое исключение. По взглядам он был марксистом, по чувствам и духовным потребностям – сыном осетина Бесо из Диди-Лоло». Да уж, до воспевания свободной любви Сталин так и не смог подняться, остался ортодоксом и приверженцем традиционных ценностей. Ко благу всей огромной, в основном тогда крестьянской страны, потому что и страна после того, как он утвердился у власти, тоже с облегчением вернулась к тем же самым традиционным ценностям, когда разврат почитался развратом, а не доблестью и признаком передовых взглядов. На улицах городов, главным образом, конечно, столиц, перестали появляться голые женщины, единственным нарядом которых была лента с гордой надписью «Долой стыд!», «свободная» любовь, когда акт половой связи считался столь же заурядным явлением, что и стакан воды, который хочется выпить, тоже постепенно ушла в прошлое. Во всяком случае, перестала афишироваться и, тем более, пропагандироваться, как в годы безраздельного господства в идеологической сфере Троцкого и компании.

По мнению дочери Якова, внучки Сталина Галины Джугашвили, её бабушка была такой, «…какую и должен иметь мужчина его [Сталина] склада: жена-ребёнок, глядящая на мужа снизу вверх, приняв как закон его власть над собой и правоту во всём и всегда». Да, Екатерина Сванидзе была настоящей кавказской женщиной, верной и преданной, и самое главное – не просто любящей, но боготворящей своего мужа. Она не разделяла революционных воззрений мужа, вернее, просто не вникала в его деятельность, но почти сразу же, будучи беременной, пошла из-за него под арест. Дело в том, что в середине октября того 1906 года в Москве у одной из арестованных социал-демократок при обыске

нашли адрес с припиской: «Спросить Сосо». О записке немедленно сообщили в Тифлис, где очень хорошо знали, кто такой Сосо. В середине ноября с обыском нагрянули уже в квартиру Сванидзе. Сосо там не нашли, паспорт Като был абсолютно чист, но её все же арестовали как жену Сосо. Тифлис – город маленький, и отношения Екатерины Сванидзе с Иосифом Джугашвили не остались тайной для их знакомых, а стало быть, и для полиции.

Като присудили к двухмесячному заключению с содержанием в полицейской части. Однако жена пристава тоже была клиенткой Като, и она поставила мужу ультиматум: либо Като будет отбывать заключение в их доме, либо… Муж не стал спорить, рассудив, что таким образом арестованная все равно будет находиться под его надзором. Словом, арест для Като не был суровым. На квартире у пристава её могли навещать родственники, среди которых был и… Сосо. Под видом двоюродного брата. Видимо, в лицо его пристав не знал. Потом жена пристава добилась у мужа разрешения для арестованной уходить каждый день на два часа домой, потом, в конце декабря, Като окончательно освободили – не встречать же, в самом деле, приставу Новый год в компании с заключенной. Тем более что Джугашвили поймать с помощью Като так и не удалось. 18 марта Екатерина благополучно родила сына, которого назвали Яковом.

Вскоре, в середине апреля Иосиф уехал заграницу, в Лондон, на очередной съезд. Вернувшись, после очередного «экса», забрав семью, переехал в Баку. Они были счастливы, несмотря на его частые отлучки по революционным делам. Но молодая жена не устраивала мужу скандалов – во-первых, не то воспитание, во-вторых, она знала, что муж её любит, что в его сердце нет места для других женщин. Наверно, ее внучка была права – Като была именно той женой, какая нужна мужчине такого склада, как её дед. Если бы она не заболела, если бы осталась жива… Как был бы спокоен и счастлив Сталин, имея за спиной крепкий семейный тыл, преданную жену. Но она заболела брюшным тифом. Это и сейчас очень серьезная болезнь, а тогда, когда еще не знали антибиотиков… Иосиф отвез её с ребенком к родственникам, а сам снова должен был вернуться в Баку – работа требовала его присутствия там. Однако вскоре родные снова вызвали его в Тифлис. Като умерла у него на руках.

Когда гроб опустили в могилу, Сталин крепко сжал руку стоявшего рядом друга. «Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла, и вместе с ней исчезли последние теплые чувства к людям», – вспоминал потом этот товарищ его слова. Слова о каменном сердце и об отсутствии теплых чувств к людям

кажутся слишком выспренними, чтобы быть правдой. Возможно, он их придумал сам, позже разойдясь со Сталиным во взглядах. Во всяком случае, потом, в многочисленных ссылках, Иосиф Джугашвили прекрасно умел сходиться с местными крестьянами, говорят, даже лечил их, и почему-то именно к нему, а не к другим ссыльным они шли за советом. А ведь люди чувствуют отношение к себе, чувствуют равнодушие, черствость, и никогда не обратятся к такому человеку со своими бедами. Как мы знаем из их собственных воспоминаний и многочисленных интервью, обожала Сталина и его «обслуга» – охранники и работавшие на «ближней» и «дальней» дачах люди, неизменно подчеркивающие как раз теплоту его отношения к ним.

А вот свидетельство маршала авиации Голованова, относящееся к первым месяцам Великой Отечественной войны, который неожиданно увидел Сталина в такой, потрясший его момент, когда тот, видимо, не ожидал посторонних.

«Я застал Сталина в комнате одного. Он сидел на стуле, что было необычно. На столе стояла нетронутая, остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошел, сомнений не было, напоминать о себе я счет бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось. Но что? Таким Сталина мне видеть не доводилось.

– У нас большая беда, большое горе, – услышал я, наконец, тихий, но четкий голос Сталина. – Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин так же тихо сказал:

– Что будем делать? Что будем делать?

Видимо, происшедшее ошеломило его.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда – ни прежде, ни после этого – мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой душевной муки…»

Где же тут каменное сердце?

Но то, что смерть любимой и любящей женщины сильно ударила его, надолго лишив надежды на личное счастье, бесспорно. О его горе после смерти Като вспоминают многие из тех, кто знал его в те годы.

Может быть, таким же мифом являются и многочисленные рассказы о нелюбви Сталина к своему старшему сыну? Во всяком случае, его внучка и дочь Якова Галина Джугашвили уверена в обратном.

«Плохой» отец

Но вначале немного о судьбе Якова, неровной, не слишком счастливой, а окончившейся и вовсе трагически.

После смерти матери полугодовалый малыш остался на попечении семьи Сванидзе, её сестер, брата и деда Семена Сванидзе. Отцу, жившему от ареста до ссылки, воспитанием сына заниматься, конечно, было невозможно. Но вот произошла революция, закончилась Гражданская война, Сталин к тому времени уже был второй раз женат – на Надежде Аллилуевой. Пришло время забрать старшего сына, которому к тому времени исполнилось четырнадцать лет, в семью отца, в Москву.

Безусловно, для Якова это была сложная перемена, надо думать, сильно сказавшаяся на его психике – из вольной (он даже к курению успел пристраститься к четырнадцати-то годам!) домашней атмосферы, из теплой, цветущей Грузии он вдруг попал в суровую, холодную северную столицу огромного русского государства. И не просто в столицу, а в Кремль, в центр её власти, где одну из главных ролей (в то время ещё одну из главных) играл его отец. Незнакомый ему отец. И город был незнакомый. И страна, где все говорили на неродном ему языке, который он едва понимал. И все это в четырнадцать лет – переломный, как его называют, возраст. Было от чего замкнуться, уйти в себя, затосковать.

К тому же отец, властный и строгий, каким и подобает быть настоящему мужчине, с этим Яша внутренне соглашался, все время пропадал на работе. Однако он тут же заметил недостатки Яшиного предыдущего воспитания – слишком большую вольность в поведении, к которой он относил, например, курение, его немужественную мягкость, опять же, как следствие женского, балованного, чересчур нежного воспитания в семье Сванидзе, где Яшу излишне, на его взгляд жалели, слабую подготовку в учебе. Естественно, что в Москве его успехи в школе были еще более посредственными из-за плохого знания языка. Зато он быстро стал лидером в другом: побеждал во всевозможных шахматных турнирах и был одним из лучших школьных футболистов. Красивый, стройный, подтянутый, он обращал на себя внимание одноклассниц. Кира Политковская, племянница Надежды Аллилуевой, хорошо запомнила это время: «Девочки все очень влюблялись в него. А у него такой был добрый характер, что он как-то не мог отказать поухаживать или там грубо отказать. У него этого не было. К нему все девушки лезли, даже не зная, что он Яков Джугашвили, особенно этого никто и не знал».

Надо думать, что девичьи взгляды и успехи на футбольном поле смягчали ситуацию, но исправить её полностью, конечно, не могли. Вряд ли отцу надо было начинать строить отношения с сыном с искоренения недостатков в воспитании. Он подошел к нему со слишком высокими, взрослыми мерками и, естественно, получил в ответ отчуждение, кажется, так никогда до конца и не исчезнувшее. А дело-то, может быть, было не столько в воспитании, сколько в генах, унаследованных Яшей больше от матери, от тихой, мягкой, нежной Като, на которую он был так похож, чем от властного, волевого, строгого отца. Однако были в этих генах и порядочность, и благородство, и стойкость, что отец тоже понимал.

Как считает его внучка, дед вообще понимал ее отца гораздо лучше, чем об этом принято думать. И тем более она не сомневается в его отцовской любви.

«…Сцена происходила за обеденным столом. Дед ел суп, дамы Аллилуевы толковали о скандальном увлечении Яши. Эта женщина (имелась в виду Ма) старше его на три года, да к тому же еще и замужем! Дед отшучивался. Ссылаясь на всеобщее «брожение умов», пытался объяснить даже, что мужчина не меняется оттого, в какую женщину он влюблен: принцессу или белошвейку, монахиню или певицу из кабаре. Но подобные отвлеченности дам не устраивали. Срочно перегруппировавшись, они пошли в лобовую атаку: «Иосиф, так же нельзя! Вы обязательно должны вмешаться!» Дед, вообще не признававший за дамами права на военные действия (не знаю, делал ли он исключение для Жанны д, Арк), сразу помрачнел и сказал резко: «Мужчина любит ту женщину, которую любит. Да и вспомните, что уже было!..

Он имел в виду историю раннего папиного брака с Зоей. Папа, когда ему еще не исполнилось и девятнадцати лет, влюбился в Зою, поповну и красотку, и, конечно, проникся самыми серьезными намерениями. Дед возмутился: недоросль не хотел учиться, а хотел жениться! Все-таки он навел справки о Зое, и тут уж совсем заартачился. (Большинство исследователей, особенно из тех, какие пристрастно относятся к Сталину, безапелляционно утверждают, что «жестокосердый» Сталин разрушил счастье своего старшего сына единственно из-за того, что тот «посмел» влюбиться в дочку священника, чуждый элемент, забывая сказать читателю, что дочке священнику к тому времени едва исполнилось шестнадцать, а жениху – девятнадцать. Интересно, как обличители жестокого Сталина отнеслись бы к такому случаю, если бы подобная история произошла с их детьми? Тут же благословили бы на семейную жизнь? К тому же

нелишне вспомнить, что среди ближайших родственников Сталина уже была дочь священника – Евгения Земляницына, жена Павла Аллилуева, брата Надежды. И ничего, до поры до времени он относился к ней весьма и весьма благосклонно. Так что не надо путать его с Троцким или каким-нибудь Емельяном Ярославским. Но дадим слово для продолжения рассказа о событиях в семье дочке Якова Галине Джугашвили, – *прим. авт.*)

Влюбленные держали совет. Кто из них первым вспомнил о пьесе Шекспира? Скорее всего, папа, он, думаю, был романтичнее Зои, слишком хорошенькой и веселой. Аналогия, правда, слегка хромала: отсутствовали протесты со стороны Джульеттиных родственников. Зато из Деда выходил такой отменный Капулетти, что в дополнительных осложнениях нужды как бы не чувствовалось. Приняв твердое решение следовать до конца примеру шекспировских героев, влюбленные разошлись по домам. Ромео так и поступил (к счастью, пуля лишь не сильно задела плечо). Джульетта же, по ее словам, совсем было собралась, да как-то не успела.

Дед-Капулетти не метал молний: это не входило в его привычки. Он давил своей волей клокотавшую в нем горькую смесь гнева, обиды и страха. (Слова, сказанные им тогда, дочь его сорок лет спустя сообщила всему миру, кипя возмущением, мгновенно разделенным толпой лицемеров, готовых скорее умереть, чем сознаться в традиционных «а чтоб тебя», которыми не раз и не два они награждали своих непокорных чад.)

…Трагическая развязка не получилась. Оставалось одно – пожениться и быть счастливыми. Бросив учебу, папа с молодой женой переехал в Ленинград и поступил на работу. Вскоре родилась девочка Галя, которая не дожила до года. Её смерть стала формальной причиной развода. Действительной же причиной скорее всего явилось то неуловимое и так верно угаданное Дедом, о чем сейчас говорят: «Не сошлись характерами».

Дед-Капулетти, по отбытии непокорного сына в Ленинград, не стал в классическую позу оскорбленного отца. Он спокойно ждал развязки (история была не самой сложной из тех, чей финал он точно просчитывал), попросив Кирова деликатно приглядывать за строптивым Ромео. Таким образом, возвращение отца в Москву и примирение его с дедом оказалось делом недолгим и предрешенным».

Может быть, этот ранний брак и все, что с ним связано, включая пулю в плечо, стал ответом на неудачно начатые отношения отца с сыном? Во всяком случае, для Сталина эта история стала уроком (а он умел учиться на своих ошибках), как

не надо строить отношения с детьми. По крайней мере, после того он практически никому из детей не запрещал выбирать себе спутников жизни по своим вкусам, которые чаще всего с его вкусами не совпадали. Исключением была разве что история с Каплером, где в роли шестнадцатилетней Джульетты выступала уже Светлана, а «Ромео» – сорокалетний мужик не первой свежести и не лучшей репутации. Ну, о них речь впереди, а пока о Якове.

Кроме отца, ведущую роль в доме играла, разумеется, мачеха Яши – молодая, всего лишь на шесть лет старше его, красивая и странная женщина. Очень многие исследователи и биографы жизни сталинской семьи, опираясь в основном на мнение Светланы Аллилуевой, пишут, что, несмотря на внешнюю неприветливость, Надежда Аллилуева относилась к Якову едва ли не лучше, чем сам Сталин, некоторые даже на основании околокремлевских сплетен рассказывают о их романе. Однако другие, в том числе родственники, говорят о другом – о том, что отношения между пасынком и мачехой были весьма натянутыми. Вот строки из дневника Марии Сванидзе, жены Александра Сванидзе, брата Като, фрагменты из которого впервые были опубликованы в 1993 году.

Запись от 9 мая 1935 года: «…Заговорили о Яше. Тут И(осиф) опять вспомнил его отвратительное отношение к нашей Надюше, его женитьбу, все его ошибки, его покушение на жизнь, и тут И. сказал: «Как это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться? Очень она плохо сделала, она искалечила меня». Сашико вставила реплику – как она могла оставить детей? «Что дети, они забыли её через несколько дней, а меня она искалечила на всю жизнь. Выпьем за Надю!», сказал Иосиф. И мы пили за здоровье дорогой Нади, так жестоко нас покинувшей. Женя сказала: «У Нади были приступы тоски, Надя была больна (это со слов Каннель я сказала Нюре и Жене)». – «Я этого не знал, я не знал и того, что она постоянно принимала coffein, чтобы подбадривать себя». (Каннель мне сказала после смерти Нади, что при просвечивании рентгеном установили, что у неё был череп самоубийцы.) Не знаю, так ли это, во всяком случае, у неё был ранний климакс, и она страдала приливами и головными болями».

Вот такие суждения об отношениях Якова и Надежды, а также о причинах поведения жены Сталина высказывает их родственница, причем родственница со стороны Сванидзе. А ведь родственники, тем более женщины, которые были непосредственными свидетелями жизни семьи Сталина, гораздо лучше могли помнить и оценивать то, что там происходило, чем

шестилетняя Светлана, писавшая свои «воспоминания» о том периоде, в основном, с чужих слов.

В том же духе рассказывает об отношениях в семье Сталина и другой их очевидец – приемный сын Сталина Артем Сергеев:

«Яша был очень мягкий, добрый, хороший. Мы его любили очень. Он приехал в Москву к отцу из грузинской глубинки в 1921 году в возрасте 14 лет (он 1907 года рождения). Русский знал плохо, образование было слабенькое. Ему пришлось пойти в школу и учиться с детьми младше его. Да ещё они и усваивали лучше. Он стеснялся этого, чувствовал свою некоторую ущербность, что ли, в этом плане. И отец его жалел…

Яша, пришло время, влюбился, дело там что-то не пошло, влюбленные решили стреляться. Яша стрельнул, а она не стреляла. У Яши было ранение. Болтают, что Сталин смеялся, мол, даже застрелиться не мог. Но кому он это сказал? Кому? Где это зафиксировано? Или, как и многое другое, придумано трепачами нынешними? Сталин очень любил Яшу. Это было видно, чувствовалось. Вася даже ревновал.

После случившегося Яша перешел жить в общежитие. Потом поехал в Ленинград, где тогда жил Сергей Яковлевич Аллилуев, там сколько-то пробыл. Затем вернулся, поступил в Институт инженеров путей сообщения на электротехнический факультет, жил в общежитии. Помню, снабдили его кое-каким приданым, дали одеяло, а он это одеяло отдал товарищу. Надежда Сергеевна была недовольна, ворчала. А Сталин сказал: «Значит, тому товарищу оно было нужнее. Наверное, мы Яше сможем дать другое одеяло».

«Как Надежда Сергеевна относилась к Яше?» – поинтересовалась у Артема Федоровича Екатерина Глушик, написавшая на основе бесед с ним книгу. И услышала в ответ:

«Сталин относился лучше. Когда Яша женился на Юле, то отец позаботился, создал условия: дали молодым квартиру на Большой Никитской, затем, после рождения в 1938 году дочери Галины, им дали квартиру на улице Грановского (ныне Романов переулок). Когда они жили на Большой Никитской, мы с Васей из школы на большой перемене бегали к ним домой. Яши, как правило, не было, а Юля кормила нас яичницей-глазуньей. Юля была очень хорошей женой для Яши. Что бы о ней ни говорили сейчас. И Яша очень любил свою семью: жену, дочку. Когда они только ещё встречались, сидели как-то на даче какие-то тётушки-родственницы и говорили, что вот Яша собирается жениться. Она – танцовщица из Одессы. Не пара. Сталин сказал: «Кто-то любит принцесс, а кто-то – дворовых девок. Ни те, ни другие от этого ни лучше, ни хуже не становятся. Вам что, мало того, что уже было?»

Да уж, каких бы баек ни рассказывали «трепачи нынешние», очевидцам верится больше, тем более что в их рассказах, особенно у Артема Сергеева, так явственно слышится в приводимых им словах и сталинская интонация, и сталинские обороты речи.

В отцовской семье

И все же, что могло стать причиной отвратительного отношения Яши к «нашей Надюше»? Вряд ли её такое уж плохое отношение к нему. Судя по всем воспоминаниям, в общем-то, с её стороны плохого отношения к пасынку не наблюдалось. Видимо, на первых порах Надежда даже пыталась иногда смягчить жесткость Сталина по отношению к сыну, слишком рьяно взявшегося за исправление недостатков в его воспитании, но, похоже, она быстро остыла, уйдя в привычную для неё отстранённость. Ей стало просто не до него. Впрочем, ей довольно быстро стало и не до собственных детей, которых она перепоручила нянькам, воспитателям и воспитательницам.

Поэтому, если смотреть на происшедшее с позиции здравого смысла, а не исходя из конъюнктурных политических воззрений, то, скорее всего, причиной не сложившихся отношений Надежды с Яшей стала разница менталитетов: с одной стороны, кавказского, да еще усугубленного переломным отроческим возрастом, с другой – по-европейски феминистского, и тоже радикально усиленного, во-первых, революционными изменениями в обществе, а во-вторых, увы, болезнью, которую слишком долго никто не замечал. Яков, кавказский подросток, выросший у сестер матери, которые, надо думать, на неё во многом походили в устройстве семейных отношений, очевидно, привык к тому, что в доме главный – всегда мужчина. Привык считать, что главное призвание женщины – самоотверженно и преданно заботится о муже и о детях, уступая супругу право в решениях, в том числе – в решениях более или менее серьезных семейных дел. Здесь же он увидел совсем другое. Надежда не хотела слушать мужа и приносить себя в жертву семье и детям – она хотела самореализовываться, учиться, работать, принимать участие в общественной жизни. Похвальные, вроде бы, стремления, полностью в русле революционных веяний. Вот только дом, дети, муж при этом страдают. Тем более если дети совсем еще маленькие, а муж – государственный деятель высшего масштаба.

К тому же, как уже упоминалось, Надежда, вопреки мнениям мемуаристов типа Хрущева, нередко бывала с мужем раздражительна и груба даже при посторонних. Так, Семен Михайлович Буденный, вспоминая ее, признавал, что «она была немного психически нездорова, в присутствии других пилила и уничижала его (Сталина)». Ну, а он… Он, как ни странно, терпел и не отвечал ей тем же, по крайней мере, при свидетелях.

Умел, умел Иосиф Виссарионович, в отличие от многих и многих, учиться на своих ошибках – нагрубив раз Надежде Константиновне и получив в ответ знаменитое «Письмо к съезду», ставшее с тех пор чуть ли не главным обличением Сталина, он сделал выводы, обратившись едва ли не в образец выдержанности в отношениях с людьми. В том числе, видимо, и с собственной женой. Но людям ведь, как известно, не угодишь. Стал образцом выдержанности, лишь в крайне редких случаях повышая голос, – обвинили в коварстве, даже в иезуитстве.

Его старший сын, по младости возраста и незнанию всех обстоятельств жизни, естественно, тоже не понимал отца, не понимал, почему он позволяет «этой женщине» так вести себя, скандалить, даже уходить из дома, забрав с собой детей. Надо ведь вспомнить, в какие годы все это происходило – всё было на глазах взрослеющего Якова. Какой уж тут роман с мачехой! Вот неприятие её, оскорбленность за отца, причем какого отца – главного человека в государстве, – абсолютно понятное чувство. Это он, пусть еще юный, но все равно мужчина, мог, казалось ему, настаивать на своём в спорах с отцом, как в той же истории с женитьбой – в этих спорах он отстаивал себя как личность. Но жена… Жена должна быть верной половиной мужа, любящей, заботливой и преданной, ставящей свои желания и интересы на второе место. Да и могут ли быть сравнимы её интересы и желания с интересами Сталина, думающего обо всем государстве? Яков мог спорить с отцом, пытаться жить сам и по-своему, но не уважать его, не гордиться им не мог.

Не знал юный Яша и о болезни мачехи. Впрочем, что говорить о Яше, если о серьезности этой болезни не знал и сам Сталин, сверх меры поглощенный государственными делами. За что и корил себя потом всю оставшуюся жизнь, как пишет Светлана, иногда просто изводя её разговорами на эту тему. А болезнь была не только серьезной, но и смертельно опасной, как показал последующий ход событий.

«Шизофрения» – было записано в медкарте Ольги Евгеньевны, матери Надежды. О том, во что это выливалось в жизни, рассказала в своей книге её правнучка Галина Джугашвили.

«Наше постоянное место жительства (разумеется, место жительства летом, во время дачного сезона, – *прим. авт.*) «корпус № 2», небольшой и скромного вида, стоял далеко от реки и от дома с оленями… Правила им официально – сестра-хозяйка Анна Александровна, в белом халате, обходительная и робкая, а на деле – бабушка Ольга Евгеньевна Аллилуева, ставшая, благодаря отсутствию Светика, «грозою здешних мест»… Салфетка на столе имеет не должный оттенок, прибор на скатерти располагается,

естественно, с уклоном в запретную сторону, в супе не хватает чего-то очень важного и т. д. и т. п. Славная Анна Андреевна теряет цвет лица, приближаясь к бабушкиным апартаментам, молоденькая подавальщица Клава рыдает в накрахмаленный передник, а тучный повар (бабушка периодически являлась с инспекцией на кухню) трепещет и заикается, без боя сдав высоты своего профессионального искусства».

Правда, теперь вроде бы принято считать, что эта душевная болезнь по наследству не передается. Вот только факты говорят о другом. И отнюдь не только факты из жизни семьи Аллилуевых, однако и из их тоже. У всех детей Павла Сергеевича и Ольги Евгеньевны судьба сложилась трагически: Надежда покончила жизнь самоубийством, Павел очень рано умер от сердечного приступа (по другим сведениям – от отравления), психика Федора не выдержала «испытания на прочность», которую своим бойцам во время Гражданской войны устроил Камо, Анна закончила жизнь в психиатрической больнице. Поэтому можно, конечно, писать о несовместимости политических взглядов Надежды Аллилуевой со взглядами Сталина и практикой жизни построенного им государства, можно предполагать, будто муж довел её до самоубийства своей грубостью и хамством или придумывать какие-то несуществующие романы, но не меньше оснований считать главной причиной ее самоубийства ее болезнь. Как и причиной ее странного отношения к мужу, к детям, просто к окружающим.

Одна из женщин, знавших Надежду Сергеевну, говорила: «Вообще заметно было, что она немножко «того». Как теперь говорят, с фиалками в голове». А её племянница Кира Политковская, дочка Павла, писала о тетке: «Тетя Надя держалась всегда очень скромно, но отстраненно. По характеру – очень скрытная, никого к себе особенно близко не подпускала. Бывало, пройдет в кухню прямо с улицы и, ни с кем не здороваясь, не снимая шляпы, молча начинает все ставить на свои места.

Создавалось впечатление, что Надежда Сергеевна не очень-то нуждалась в общении. Мама вспоминала, что она всегда была занята какими-то собственными мыслями».

А вот воспоминания Светланы: «Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости её гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама всё повторяла, что «всё надоело», «всё опостылело», «ничего не радует», а приятельница её спрашивала: «Ну, а дети, дети?» «Всё, и дети», – повторяла мама. И няня моя

поняла, что раз так, значит, действительно ей надоела жизнь…»

Все эти свидетельства о Надежде Аллилуевой и последнем периоде её жизни приводились сотни раз в сотнях статей, но ни в одной из них ни один автор не догадался после того раскрыть медицинский справочник. Нет, тут же начинались домыслы и соображения о её отношениях с мужем, о политической обстановке в стране и т. д. и т. п.

Между тем, если всё же раскрыть справочник, то можно прочесть такие вещи: «Шизофрения – хронически текущее психическое заболевание, характеризующиеся сочетанием специфических изменений личности (аутизм, эмоциональное уплощение, снижение активности – редукция энергетического потенциала, утрата единства психических процессов) с разнообразными продуктивными психопатологическими расстройствами».

Откроем другой, где то же самое написано менее наукообразно: «При шизофрении отмечаются значительные нарушения эмоционально-волевой сферы. Наиболее отличительная черта в эмоциональности больных шизофренией – отсутствие эмоционального контакта, потеря чувства симпатии («Ни до кого и ни до чего нет дела»). Больные иногда делаются грубыми, склонными к бестактным поступкам на фоне общего корректного поведения. Все они замкнутые, со значительной направленностью на свои переживания, у них очень большой эгоцентризм, они любят только себя, у них нет привязанности к родным».

Смотрим третий справочник: «Эмоциональные нарушения начинаются с утраты чувства привязанности и сострадания к родителям и близким людям, исчезновения интереса к учебе, работе, замкнутости, отгороженности».

Далее можно прочесть о сильно повышенном проценте самоубийств по сравнению с нормальными людьми.

Не судить – пожалеть только можно и саму Надежду, и её мужа, и её детей, которым, кроме сиротства и отсутствия материнской любви, досталась в наследство ещё и слабая психика, грозящая в любой неблагоприятный момент перейти в такую же душевную болезнь.

Но ведь Яков-то был по матери не Аллилуев, он был Сванидзе, а потому плохая наследственность его вроде бы не должна была коснуться. А он, тем не менее, тоже стрелялся, и, по одной из существующих версий, в конце концов, пусть и в концлагере, но все же сам оборвал свою жизнь. Правда, чем дальше, тем больше данная версия подвергается сомнению. Но об этом речь еще впереди.

Так или иначе, но на первый раз с Яковом всё обошлось. После того, как первый брак окончился разрывом, Яша вернулся в Москву и в 1930 году, не сказав никому ни слова, успешно сдал вступительные экзамены в Институт инженеров железнодорожного транспорта. Удивленный Сталин позвонил ректору. Вождь поинтересовался, действительно ли Яков Джугашвили стал студентом и не хлопотал ли кто за него? Не менее удивленный ректор заявил, что у него действительно есть первокурсник с таким именем. На экзаменах Яков показал хорошие знания. Только в тот момент ректор понял, кто будет учиться в его заведении! «Ну, хорошо…» – только и сказал Сталин. Он был доволен успехами сына. Вот такая самостоятельность была ему по душе.

В 1936 году Яков закончил институт и получил направление на завод «ЗИС». В это же время он познакомился с Ольгой Голышевой. К началу тридцатых годов тесть Сталина, Сергей Яковлевич Аллилуев, переселился из Ленинграда в Москву. Яков Джугашвили частенько захаживал к деду, так радушно приютившего его с юной Зоей в Ленинграде. Дед вообще был человеком добрым и порядочным, к тому же из первых русских большевиков. Сталин его тоже очень уважал.

Однажды к Сергею Яковлевичу приехали гости из Урюпинска – внучатые племянницы с подругой Ольгой Голышевой. Если родня просто приехала погостить, то у Ольги была еще и цель – поступить в авиатехникум. Симпатичная Ольга понравилась Якову.

В это время руки Якова для своей дочери Кетуси отчаянно добивались партийный вожак Закавказья Иван Дмитриевич Орахелашвили с супругой Марией Платоновой. Старшему сыну Сталина Кетуся не нравилась, и отец-вождь на их браке не настаивал.

А вот Ольге Сталин был вроде бы рад. Алексей Пиманов в своей книге «Сталин. Трагедия семьи» однозначно утверждает, что «на этот раз выбор сына одобрил и отец. Он распорядился

даже выделить молодым небольшую квартиру в центре Москвы».

И все же Ольга Голышева не стала законной, второй по счету невесткой отца народов. Слово за слово – и между женихом и его беременной невестой разгорелась ссора. Потом помирились, потом снова рассорились – в общем, тоже не сошлись характерами.

По осени Ольга Голышева уехала в Урюпинск к отцу с матерью. Здесь 10 января 1936 года на свет появился черноглазый мальчик, и в книге регистрации новорожденных бюро городского загса появилась актовая запись под номером 49. В ней указывалось: «Имя новорожденного – Голышев Евгений Яковлевич». Яков в Урюпинск за Ольгой и сыном не приехал, но через два года он обратился в Урюпинский райком партии с просьбой помочь исправить запись в загсе. Эта просьба была выполнена: фамилию Голышев заменили на Джугашвили. А матери на руки выдали новое свидетельство о рождении сына, теперь Джугашвили Евгения Яковлевича.

О дальнейшей судьбе Ольги Павловны Голышевой известно, что она была на войне, служила медицинской сестрой, награждалась. Есть сведения, что, несмотря на неоднократные ранения, дошла до Берлина. После войны работала инкассатором в финчасти одной из служб ВВС Московского военного округа, которыми тогда командовал Василий Сталин. Жила Ольга у своей тетки и поддерживала теплые отношения с А. С. Аллилуевой. Умерла она рано, сорока восьми лет, в 1957 году. Похоронена в Москве на Головинском кладбище. По словам Евгения Яковлевича, лишь один раз мать воспользовалась родством со Сталиным. Попросила министра обороны зачислить сына в Военно-воздушную академию. Маленков тогда ответил: «Приветствую первого внука Сталина, который хочет учиться военному делу». Сейчас ее и Якова Иосифовича сын, Евгений Джугашвили, отставной полковник, кандидат наук, бывший преподаватель академии Генерального штаба. Евгений Яковлевич говорит: «Преклоняюсь перед Сталиным и в том же духе воспитал своих детей. Критику Сталина, точнее сказать, поношение его не воспринимаю. Охаивание деятельности Сталина идет в „одностороннем порядке“. Все средства массовой информации закрыты для тех, кто мог бы высказать что-то в защиту Сталина… В день рождения Сталина, 21 декабря, я с детьми и некоторыми моими решительными друзьями обычно возлагаем цветы на его могилу на Красной площади».

…В то самое время, когда Ольга Голышева носила под сердцем плод короткой любви, Яков познакомился с Юлией Мельцер. Познакомила их Анна Аллилуева, знавшая Юлю еще по

Украине, где её муж, Николай Бессараб, служил под началом Станислава Реденса, мужа Анны. Юля была одесситка, дочь купца второй гильдии, еврея по национальности, который после революции пытался уехать за границу. Приятель-обувщик даже сделал ему тайнички в каблуках ботинок для денег и ценных бумаг. Однако чекисты эти хитрости разгадали, уехать не удалось. Красавица Юля вышла замуж, потом устроилась в танцевальную труппу и ездила с ней по гастролям, в основном, по Украине. Тут-то её и увидел Николай Бессараб и увел от мужа.

Яков влюбился в Юлю безумно. Она тоже не осталась безразличной, вроде бы даже стала инициатором знакомства: ведь Яков был, как уже сказано, тоже очень красив, образован, к тому же с горячей грузинской кровью – как тут устоять? Ну, а уж когда узнала, чей он сын…

Словом, после нескольких романтических встреч с Яковом она пришла к нему домой с чемоданами и осталась жить. Осенью того же 1935 года их брак был зарегистрирован. Есть разные сведения о том, как Сталин встретил новую невестку. Кто говорит, что с неприязнью, поскольку еврейка. Кто утверждает, что радушно: «Отправляясь в Зубалово знакомиться с Дедом, Ма была совершенно спокойна, – вспоминает дочь Якова и Юлии Галина. – Она не сомневалась, что понравится «старику». Обиженный за «старика», папа изо всех сил пытался настроить её на более торжественный лад…

Ма оказалась права. Все прошло отлично. «Старик» без конца шутил, кормил Ма с вилки и первый тост поднял в её честь».

О том же пишет и дочь Павла Аллилуева Кира Политковская: «Мама присутствовала в тот момент, когда Яша привел первый раз Юлю к Сталину. Всем на удивление, она Иосифу Виссарионовичу очень понравилась. Что и говорить, Юлия Исааковна знала, как произвести впечатление на мужчину, даже восточного. Оделась во все черное, со вкусом, смущалась, потупив глаза, всё больше помалкивала. Словом, умела, где надо, вести себя. Сталину всё это пришлось по душе. И когда молодые ушли, он сказал маме: «Какая красивая, милая женщина!»

Да, «родственная» ревность тут выглядывает из-за каждого слова…

Молодым дали поначалу двухкомнатную квартиру, а перед рождением Галины в 1938 году переселили в четырехкомнатную.

Когда Сталин узнал о том, что Яков попал в плен, Юлю арестовали. По правилу того времени так поступали и с другими женами попавших в плен офицеров Красной Армии (немцы, кстати, тоже своим благодарности не выписывали). «Гулю», маленькую дочку Якова, Сталин взял в свою семью, поручив 16-

летней Светлане и ее старой няне, Александре Андреевне, заботу о ребенке. А через два года после тщательной проверки, Юлию Мельцер выпустили. Галина росла тихо, училась в обычной московской школе, с дедом виделась редко. Но Сталин помнил о ней и, давая деньги «на жизнь» Светлане Аллилуевой, всегда добавлял второй пакет: «А это дашь Яшиной дочке».

Причиной ареста Юли было не только правило, общее для всех. Хотя, действительно, как ни трудно в это поверить нынешним власть имущим, в то время те власть имущие общим правилам обычно следовали, так было принято. Даже сыновья их на общих началах воевали с врагом и так же, как все, погибали. Но в случае с невесткой Сталина сыграла свою роль еще и… фотография. Точнее, листовка с фотографией Якова, призывавшая, естественно, советских солдат сдаваться, как сдался фашистам сын Сталина, а на этой фотографии Яков в своей старой кожаной куртке, в которой он ходил в Зубалове на охоту и на рыбалку и в которой там же, в Зубалове, был как-то сфотографирован. Куртка эта на фронте оказаться никак не могла, значит, в руки фашистам попала фотография из семейного альбома. Но как она к ним попала? На эту тему и проходили многочисленные допросы. Вот только Юля ничего сказать не могла. Кто мог взять фото из семейного альбома? Народу-то в дом приходило немало.

Наверно, благодаря этой куртке Сталину быстро стало понятно, что листовки представляют собой фотомонтаж, в котором Яков не участвует. Уже легче. Значит, сын – не предатель. Собственно, он в это и не верил, а все же червячок сомнения не мог не точить. Но кто предатель? Кто взял фото и передал его фашистам? И когда? До войны? Получается, что пленение Якова планировалось задолго до того? Получается, что это была хорошо проработанная операция? Ведь, кроме всего прочего, требовалось еще знать и обстановку внутри семьи, знать, что у Якова с отцом были какие-то разногласия, в том числе, и политические, надеяться, что с ним возможно сотрудничество. Кто об этом мог знать и говорить об этом? Ну, наверно, многочисленная родня. Тут же вспоминается сталинский ответ Светлане, которая приступила к отцу с требованием объяснений, за что посадили её любимых теток: «Слишком много знали и слишком много болтали». Так что с родней, с их арестами, с их обвинениями далеко не все ясно.

Надо признать, что операция, по всем меркам получалась сверхэффективная. Во-первых, какое впечатление на солдат производило известие, что в плену у немцев сын самого Сталина, во-вторых, он с ними еще и сотрудничает, в-третьих, каков удар

от такого известия для самого Сталина! А ведь только от Сталина, от твердости его духа зависело, как повернутся события в тот, начальный момент войны, когда всё висело буквально на волоске.

Слава Богу, дух оказался тверд.

Трагедия или предательство?

Слава Богу, и Яков отца не подвел, хотя дух его был все-таки послабее, чем у отца. Во всяком случае, судя по сохранившимся документам, среди которых есть даже протоколы его допроса в первые дни плена. И все же: как он попал в плен? При каких обстоятельствах? Вот что говорят документы.

К концу 9 июля 14-я танковая дивизия, 14-й мотострелковый полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк и 220-я стрелковая дивизия вышли на рубеж Вороны – Фальковичи и были отрезаны противником от основных сил. К вечеру 11 июля части и соединения перешли к обороне Лиозно. 12 июля войсковая группа, несколько дней как переподчиненная командиру 34-го стрелкового корпуса 19-й армии, заняла и удерживала противотанковый район у станции Лиозно, а с рассветом 13-го на рубеже Вороны – Поддубье вела бой с танками и пехотой противника, после натиска которого подразделения 14-й танковой дивизии отошли. В это время 14-й мотострелковый полк и 14-й гаубичный артполк во взаимодействии с частями 220-й стрелковой дивизии наступали на Витебск. Они овладели селом Еремеево, но, не выдержав танковых и авиационных атак, начали отход к Лиозно.

Последующие два дня 14 и 15 июля 14 мсп и 14 гап вели бой в районе восточнее Лиозно, но, вследствие больших потерь, отошли одной группой на север, второй – на юг.

Батарея, которой командовал Джугашвили, вместе с соседней батареей своим огнем прикрывали отходившие на юг войска.

К утру 16 июля 14-я танковая дивизия, находящаяся в окружении, вышла из подчинения 34-го стрелкового корпуса и вошла в состав 7-го мехкорпуса 20-й армии. Первые группы военнослужащих 14-й танковой дивизии появились в местах сбора 17–19 июля. Вечером 19 июля из окружения вышли бойцы и командиры 14 гап (из 1240 человек вышло 413, 675 пропали без вести). Якова Джугашвили среди них не оказалось.

Только на следующий день, 20 июля 1941 года, командующий 20-й армией генерал Курочкин получил приказ шифртелеграммой от начальника штаба Западного направления: «выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка, 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

В этот же день на поиски старшего сына вождя «была послана группа мотоциклистов во главе со старшим политруком Гороховым, которая у озера Каспля встретила красноармейца

Лопуридзе, вместе с которым Яков выходил из окружения. По словам Лопуридзе, 15 июля они вместе с сыном Сталина переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, после чего, убедившись, что немцев поблизости нет, Яков решил передохнуть, а Лопуридзе пошел дальше, пока не встретил группу мотоциклистов. После этого старший политрук Горохов, решив, что Яков, наверное, уже вышел к своим, прекратил дальнейшие поиски и вернулся в дивизию». (Смыслов О. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова).

Тут странно все. Если бы не пришла шифрограмма из штаба, сына вождя не стали бы искать вообще? Дескать, не до него в такой неразберихе? Во-вторых, почему этот Лопуридзе ушел от Якова, оставив его одного? Не такая уж большая группа в два человека, чтобы делиться далее. Поведение политрука Горохова вообще не поддается объяснению – не выполнив задания, поверив на слово какому-то сомнительному человеку, вернуться ни с чем, бросив сына вождя на произвол судьбы или положившись на счастливый случай? Который не случился. Казалось бы, уж политрук-то должен был понимать, какой козырь попадет в руки врага, если сын Сталина окажется в плену у немцев. Нет, никто ничем особо не озаботился. Интересно, был ли кто-нибудь наказан впоследствии? История о том умалчивает. Видимо, нет, иначе бы либеральные правозащитники давно сообщили о злодее Сталине, арестовавшем соответствующих лиц за то, что не уберегли сына. Хотя дело-то не столько в личности Якова как таковой, сколько в пропагандистском эффекте от этого трагического случая.

Точные обстоятельства пленения старшего лейтенанта Джугашвили вряд ли когда-нибудь удастся выяснить до конца. Известно, что, попав в окружение, он переоделся в крестьянскую одежду и уничтожил свои документы. Наверное, мы так никогда не узнаем и главного: почему Яков попал в плен. Один из военных историков тщательно изучал ход боевых действий 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии, 6-й батареей в котором командовал Яков Джугашвили. И у него сложилось ощущение, что кто-то из командиров сознательно «сдавал» Якова в плен. Распоряжения отдавались так, что его батарея все время отставала от основных сил полка, и ему дважды пришлось выводить своих бойцов из окружения. Но, по логике, уже после первого такого случая Якова должны были снять с передовой. Не сняли. И в третий раз выйти из окружения Якову Джугашвили не удалось. До нас дошло вот такое свидетельство красноармейца, служившего под командованием Якова:

«В июле 1941 года я был в прямом подчинении у старшего

лейтенанта Я. Джугашвили.

По приказу командования наш взвод броневиков БА-6 26-го танкового полка был назначен в полевое охранение гаубичной батареи 14-го артиллерийского полка. Нам было приказано: в случае прорыва немцев и при явной угрозе увезти командира батареи Я. Джугашвили с поля боя.

Однако так случилось, что в ходе подготовки его эвакуации ему был передан приказ срочно явиться на командный пункт дивизиона. Следовавший с ним адъютант погиб, а он оттуда уже не вернулся. Мы тогда так и решили, что это специально было подстроено. Ведь был приказ уже об отступлении, и, видимо, на КП дивизиона уже никого не было.

По прибытии на разъезд Катынь нас встретили сотрудники особого отдела. Нас троих – командира 1-го огневого взвода, ординарца Я. Джугашвили и меня, командира взвода броневиков полевого охранения, неоднократно допрашивали: как могло случиться, что и батареи, и взвод охранения вышли, а Я. Джугашвили оказался в плену? Майор, допрашивавший нас, все говорил: «Придется кому-то оторвать голову». Но, к счастью, до этого дело не дошло».

А вот что показал сам Яков на допросе у немцев 18 июля 1941 года:

Вопрос: Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

Ответ: Не добровольно, я был вынужден.

Вопрос: Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?

Ответ: К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

Вопрос: Вы были командиром дивизии?

Ответ: Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил…

Вопрос: Я хотел бы знать еще вот что! На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Возил он эту гражданскую одежду с собой, или получил ее где-нибудь. Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.

Ответ: Военный? Этот? Нет, это не мой, это ваш. Я уже вам сказал, когда мы были разбиты, это было 16-го, 16-го мы все разбрелись, я говорил вам даже, что красноармейцы покинули меня. Ваши войска стояли невдалеке от Лясново, мы были окружены, создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались, отстреливались, а потом они исчезли, не знаю куда. Я ушел от них. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!» Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной уже никого не было. Вернуться к своим уже не мог, так как ваши минометы открыли сильный огонь. Я стал ждать. Подождал немного и остался совсем один… Один в поле не воин.

Начало светать, я стал ждать своих артиллеристов, но это было бесцельно, и я пошел дальше. По дороге мне стали встречаться мелкие группы, из мотодивизии, из обоза, всякий сброд. Но мне ничего не оставалось, как идти с ними вместе. Я пошел. Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме, и вот они попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать с самолета, а следовательно, и их будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались. Я решил присоединиться к одной из групп. По просьбе этих людей я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим… Я все отдал, чтобы выменять. Я был в крестьянской одежде, я хотел бежать к своим. Каким образом? Я отдал военную одежду и получил крестьянскую. Ах нет, боже мой! Я решил пробиваться вместе с другими. Тогда я увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь». Все!..

Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал, они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

Вопрос: Его товарищи помешали ему что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что он живым попал в плен?

Ответ: Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: «Уходите». Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же, а то мы донесем на тебя!», и уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы.

Выхода не было. Итак, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то… Крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом…

Вопрос: Как узнали, что вы сын Сталина, ведь у вас не было обнаружено никаких документов?

Ответ: Меня выдали некоторые военнослужащие моей части.

Вопрос: Каковы ваши отношения с отцом?

Ответ: Не такие хорошие. Я не во всем разделяю его политические взгляды…»

Плен

Вероятно, скорее всего вот эта информация о «не таких хороших отношениях с отцом», бесхитростно подтвержденная во время допроса самим Яковом, и стала побудительной причиной всей провокации с ним. Но иметь «не такие хорошие отношения» и предать Родину, отца, всё, что любил и чем дорожил – разные вещи. По крайней мере, для порядочного человека, которым Яков, безусловно, был. Да, из стенограммы допроса видно, что на первых порах, – когда мысли не собраны, когда трудно определить дату и время, когда в голове мешаются подробности, – находясь в смятении, в растерянности, в шоке от произошедшего, он не выглядел образцом твердости и духовной отваги. Он даже как бы старался оправдаться перед врагами, захватившими его в плен, за свою слабость – за то, что переоделся в гражданское, избавился от документов, вероятно, и от оружия тоже, иначе какой смысл переодеваться в гражданское. Это и правда не назовешь геройством. Слабым оправданием может быть только то, что рядом с ним это проделывали тысячи других солдат, его товарищей. Но они не были сыновьями Сталина, хоть тот и сказал в момент, когда ему предложили обменять Якова: «Там все мои сыновья». Так оно и было, но все же, все же… Другие были не кровными.

Сейчас, когда в общественном сознании изо всех сил закрепляют миф о «кровавом монстре Сталине», его суровое отношение к пленным, которых он во всеуслышание объявил изменниками Родины, подается как образец необъяснимой жестокости. Так же, как и приказ № 227, известный под названием «Ни шагу назад». Однако как иначе можно было реагировать на панику, приведшую к повальному дезертирству в первые месяцы войны, под воздействие которой попал и его старший сын, хоть и пытался сопротивляться? Как иначе надо было реагировать на массовый психоз, чтобы его остановить?

Ведь и в плен можно попасть по-разному – можно, будучи раненным или контуженным, можно попасть в окружение во время боя, не бросив оружия, а можно и во время панического бегства, избавляясь на ходу от военной формы, документов и оружия. Увы, летом 41-го происходило именно последнее. Но разве это не трусость и не измена, пусть даже порожденные паникой? А за трусость и измену в условиях военного времени по законам любой страны солдат не щадили.

Другое дело, какие причины породили эту панику. Только ли явное преимущество сил врага, уже опытного, обстрелянного,

прекрасно вооруженного и экипированного? Или имело место еще и предательство генералов, связанных в недалеком прошлом с Тухачевским и троцкистами, которых было среди военной верхушки слишком много? Во всяком случае, слухи такие – о предательстве военной верхушки, приведшей к трагедии 41-го, – после войны ходили, приводились примеры множества фактов, указывающих на это. А Сталин еще во время войны начал свое расследование причин того, что произошло в 1941 году, но закончить его не успел. Или не позволили закончить?

Между прочим, в рамки этой версии логично укладывается и провокация с Яковом, в результате которой он оказался в фашистском плену.

Ну, а по поводу пленных, которых нет, а есть только изменники и предатели, то, как известно, вопреки грозным словам, говорившимся в суровую годину, после проверки в фильтрационных лагерях большинство из них ни осуждено, ни расстреляно не было.

Что же касается самого Якова, то он довольно скоро оправился от первоначальной растерянности и смятения и занял твердую, даже бескомпромиссную политику в отношении тех, кто его пленил и пытался склонить к сотрудничеству. Он отбросил свои политические разногласия с отцом и утверждал, будто убежден в том, что новое государственное устройство России более соответствует интересам её населения, чем прежнее монархическое. Он заявил, что не верит в возможность захвата Москвы немцами, не может себе этого представить. На предложение написать семье, ответил отказом, что не помешало немцам сочинить от его имени фальшивку, подделав почерк. Когда же ему на это намекнули – на возможное использование его имени в призывах сдаваться в плен, – даже засмеялся: «Никто этому не поверит». Хотя кто-то и верил.

Словом, на сотрудничество с врагами Яков не шел. Тогда его перевели в штаб-квартиру фельдмаршала фон Бока. Здесь его допрашивал капитан В. Штрик-Штрикфельд, профессиональный разведчик, в совершенстве владевший русским языком, благополучно проживавший после войны в ФРГ и оставивший свои воспоминания. В них он, в частности, рассказывал о том, как безуспешно пытался завербовать Якова Джугашвили на место, впоследствии занятое генералом Власовым, и о решительном неприятии Яковом его рассуждений о духовно-расовом превосходстве германской нации.

«Интеллигентное лицо с ярко выраженными грузинскими чертами, – описывал он сына Сталина. – Держался он спокойно и корректно… Он рассказал нам, что отец простился с ним перед

его отправкой на фронт по телефону. Крайнюю нищету, в которой русский народ живет под Советской властью, Джугашвили объяснял необходимостью вооружения страны, так как Советский Союз со времени Октябрьской революции окружен технически высокоразвитыми и прекрасно вооруженными империалистическим государствами.

– Вы, немцы, слишком рано на нас напали, – сказал он. – Поэтому вы нашли нас сейчас недостаточно вооруженными и в бедности. Но придет время, когда плоды нашей работы будут идти не только на вооружение, но и на поднятие уровня жизни всех народов Советского Союза.

…Он не верил в возможность компромисса между капитализмом и коммунизмом. Ведь еще Ленин считал сосуществование обеих систем лишь «передышкой». Майор (в действительности – старший лейтенант, – *прим. авт.*) Джугашвили назвал нападение немцев на Советский Союз бандитизмом. В освобождение русского народа немцами он не верил, как и в конечную победу Германии. Русский народ дал миру выдающихся художников, писателей, музыкантов, ученых…

– А вы смотрите на нас свысока, как на примитивных туземцев какого-нибудь тихоокеанского острова. Я же за короткое время моего пребывания в плену, не обнаружил ни одной причины смотреть на вас снизу вверх…»

Возможно, то было время наиболее интенсивной обработки Якова. В качестве основного средства давления ему стали предъявлять листовки, газеты, где были сфабрикованы его заявления. Об этом свидетельствует бывший польский поручик Мариан Венцлевич: «4 мая 1942 года трое вооруженных автоматами охранников во главе с капитаном ввели в наш барак пленного в советской военной форме. Этот тщательно охраняемый пленный и был старший лейтенант Джугашвили. Мы сразу узнали его: без головного убора, черноволосый, точно такой же, как на фотографии, помещенной в фашистской газете… Несколько раз мне удавалось встретиться с Яковом с глазу на глаз. Он рассказывал о том, что никогда не делал немцам никаких заявлений, и просил, что если ему больше не придется увидеть своей Родины, сообщить отцу, что он остался верен воинскому долгу. Все, что состряпала фашистская пропаганда, – ложь».

Подтверждает это также бывший польский военнопленный капитан Александр Салацкий: «Во время пребывания в Любеке Джугашвили сблизился и подружился с поляками. К его близким друзьям относились поручик Кордани, свободно говоривший по-русски, поручик Венцлевич и поручик Мысловский. Мы

обсуждали разные темы, играли в карты, шахматы… Рассказывая о своих трагических переживаниях, он подчеркивал, что никогда не изменит Родине, что заявления немецкой прессы ничем не прикрытая ложь. Он верил в победу Советского Союза».

Так, в фашистском плену, Яков, раньше споривший с отцом, стал проводником и апологетом той самой сталинско-большевистской концепции о России как священной родине социализма, носительнице огромной идеи мирового счастья, которая если еще и не сбылась, то всё равно сбудется, несмотря на все усилия и происки врагов. Старший сын Сталина не предал ни отца, ни его идею.

После этого Якова передают в распоряжение ведомства Геббельса. Следуют новые этапы обработки, когда «кнут» чередуется с «пряником», но все бесполезно, сын Сталина на сотрудничество не шел. Есть сведения, что Якова не только допрашивали, но и пытали. В материалах дела есть неподтвержденная информация, что Яков дважды пытался вскрыть себе вены. Его переводили из лагеря в лагерь, меняли сокамерников, но ничего принципиально не менялось – ни его позиция, ни отношение к нему. Так, эсэсовец И. Кауфман, бывший охранник в Хаммельбурге, писал в 1967 году на страницах западногерманской прессы: «Сын Сталина выступал в защиту своей страны всякий раз, как представлялся случай. Он был твердо убежден, что русские победят в войне».

В том же Хаммельбурге находилась и группа советских генералов с Д. М. Карбышевым в их числе, с которыми Яков тесно общался. Карбышев сказал тогда о Якове: «К Якову Иосифовичу следует относиться как к непоколебимому советскому патриоту. Это очень честный и скромный товарищ. Он немногословен и держится особняком, потому что за ним постоянно следят. Он опасается подвести тех, кто с ним будет общаться».

Один из советских военнопленных в лагере, капитан Ужинский потом рассказывал, как однажды охранник подошел к Якову с банкой краски и кистью и стал на его форме выводит буквы S.U. (Soviet Union – Советский Союз). Он расписал всю форму Якова, вплоть до пилотки.

– Пусть малюет! – крикнул Яков, обернувшись к товарищам. – Советский Союз – такая надпись делает мне честь. Я горжусь этим!»

Кстати, рассказы Ужинского о его будто бы близкой дружбе с Яковом, который якобы даже делил с ним нары в лагере, заставили Галину Джугашвили, дочь Якова, вообще отрицать пребывание её отца в плену, настолько неправдоподобно описал эту дружбу и беседы с Яковом капитан. А дело, скорее всего, было

в том, что Ужинский в лагере Якова, безусловно, видел, только вот дружбы с ним не водил и на одних нарах не спал. Вернее, Яков с ним не дружил. Яков общался в Хаммельсбурге, в основном, с советскими генералами. Но кому были бы интересны рассказы Ужинского только о том, что он видел Якова? Другое дело – дружба, совместные нары с сыном Сталина! Вот этим уже можно привлечь внимание.

В засекреченном «Деле № Т-176» из архива Госдепартамента США было зафиксировано, что незадолго до своей гибели Яков заявил: «Скоро германские захватчики будут переодеты в наши лохмотья и каждый из них, способный работать, поедет в Россию восстанавливать камень за камнем все то, что они разрушили…» Так и произошло, хотя поехали не все, многие спокойно и благополучно дожили свой век в англо-американской зоне оккупации Германии.

Яков Джугашвили был убит выстрелом в голову 14 апреля 1943 года якобы при попытке к бегству.

22 апреля 1943 г. Гиммлер направил письмо в нацистское министерство иностранных дел:

«Дорогой Риббентроп!

Посылаю Вам рапорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был расстрелян при попытке к бегству из особого блока «А» в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Генрих Гиммлер».

Гибель

«Дело № Т-176», в котором с немецкой педантичностью было описано все, что случилось с Яковом Джугашвили, вплоть до имен его убийц, обнаружили среди секретных документов фашистского рейха американские военные после разгрома гитлеровских войск. Сначала думали передать его Сталину, даже советовались, как лучше это сделать, с послом США в СССР Гарриманом – все же документы не самые приятные. Однако через некоторое время поступило другое указание, найденные документы были засекречены и на долгие годы спрятаны в архив госдепартамента США. Вроде бы оттого, что одной из причин, толкнувших Якова на конфликт с часовым, в ходе которого тот выстрелил ему в голову, стала ссора между английскими и советскими военнопленными. В лагере в соседней с Яковом комнате содержался племянник Молотова Василий Кокорин (как выяснилось позже, этот самозванец лишь выдавал себя за племянника Молотова, – *прим. авт.*), а в других комнатах жили племянник Черчилля Томас Кучинн, сын премьер-министра Франции капитан Блюм и другие знатные пленники.

В то время обсуждались дата и условия открытия второго фронта. Естественно, немцам хотелось это во что бы то ни стало сорвать. Будто бы с целью вызвать кофликт между высокопоставленными пленниками рейха, администрация лагеря вменила в обязанность англичанам ежедневно мыть комнаты и чистить туалеты русских. Идея была такова: англичане возмутятся, затеют драку, во время которой убьют Кокорина и Джугашвили. Геббельсовские газеты поднимут шумиху, обвиняя во всем племянника Черчилля. Сталин и Молотов, само собой, возмутятся и разорвут отношения между СССР и Англией… Как ни нелепо выглядит эта затея, но перед угрозой открытия второго фронта немцы были готовы на все.

Конфликт не заставил себя долго ждать – гордые, но, похоже, не слишком умные британцы в своем унижении винили не немцев, а русских, за которыми им приходилось убирать. Вспыхнула ссора, англичане, как водится на цивилизованном Западе, обзывали советских офицеров «русскими свиньями». Дошло до рукоприкладства – кто-то из англичан ударил Якова кулаком в лицо. Почему тот не ответил обидчику тем же? Не дали? Это осталось неизвестным. После инцидента Яков не хотел вечером заходить в барак, требовал позвать коменданта. Когда просьбу не исполнили, он «вдруг стремительно бросился мимо меня к проволоке, через которую проходил электрический ток

высокого напряжения с криком: «Часовой, стреляй!» – написал в рапорте офицер охраны Хартфиг. – Он сунул правую ногу в пустой квадрат колючей проволоки, а левой ногой – на электрический провод… Затем он крикнул: «Хартфиг, ты солдат! Не трусь, пристрели меня!» – И я выстрелил».

Есть и несколько другая версия причины ссоры между союзниками. Заключалась она будто бы в том, что наши пленные не становились перед фашистами по стойке «смирно» в отличие от англичан. От этого у всех были неприятности, лагерное начальство наказывало целый барак. Перепалка переросла в драку, в которой сын Сталина получил удар кулаком в лицо. Разъяренный Яков потребовал встречи с комендантом. Во встрече ему отказали, и, как говорится, далее по тексту.

Знал ли Сталин о том, что происходит с его сыном в плену? Да, знал, разведка работала четко, хоть, естественно, знал не во всех подробностях.

Предпринимались ли по инициативе СССР в ходе войны какие-либо мероприятия по вызволению Якова Джугашвили из плена?

Предпринимались, и неоднократно. Поиски Якова были организованы уже в июле 1941 года. Генеральным штабом в войска была дана специальная директива по этому поводу. В тыл были направлены специальные группы по организации его поиска. Правда, искали они его, как мы помним, плохо. Впоследствии несколько раз в тыл врага отправлялись специальные диверсионные группы. Одна вернулась благополучно, но без Якова, так как его незадолго до того перевели в другой лагерь. Другие погибли, почему Сталин и решил прекратить такие попытки. Долорес Ибаррури в своих мемуарах, вышедших в Барселоне в 1985 году, также написала, что в сентябре 1942 года в СССР был сформирован специальный отряд по вызволению Я. Джугашвили из плена. Отряд был переброшен через линию фронта, позже погиб. В отряде находились три испанца (из числа тех, кто в 1936 году был вывезен в СССР из охваченной огнем гражданской войны Испании).

А вот что написал на эту тему маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях, который был у Сталина в начале марта 1945 года:

«Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно стал рассказывать мне о своем детстве… Потом сказал:

– Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

– Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове.

Нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

– Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

– Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде».

Тогда же, в начале марта 1945 года Сталин получил от Берии вот такую информацию:

«№ 295. СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ
И. В. СТАЛИНУ О ПОКАЗАНИЯХ ЮГОСЛАВСКОГО
ГЕНЕРАЛА О ЯКОВЕ ДЖУГАШВИЛИ
5 марта 1945 г.
№ 229/6 Копия Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ – товарищу СТАЛИНУ И. В.

В конце января с.г. на первом Белорусском фронте была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров.

Среди освобожденных оказался генерал югославской жандармерии СТЕФАНОВИЧ, который в беседе с нашим оперативным работником рассказал:

С 16 июля 1942 года до 2 августа 1943 года он находился в штрафном лагере «Х-С» в г. Люббек. В этом лагере содержалось около 1200 человек: французы, бельгийцы, поляки, югославы и один советский офицер старший лейтенант ДЖУГАШВИЛИ Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона БЛЮМА, капитан французской армии БЛЮМ Роберт, начальник бельгийского генштаба, генерал-лейтенант ВАН ден БЕРГЕН и другие.

До прибытия СТЕФАНОВИЧА в этот лагерь ДЖУГАШВИЛИ и БЛЮМ Роберт содержались в одной комнате, а затем их рассадили по отдельным комнатам, установили для них строгий режим, приставили часовых, которые круглосуточно стояли на посту.

Окна их комнат были обнесены колючей проволокой. В течение дня им разрешалось выходить на прогулку не более 2-х часов в сопровождении часового.

СТЕФАНОВИЧ часто во время прогулок подходил к старшему лейтенанту ДЖУГАШВИЛИ Якову и раз 15 за время пребывания в лагере заходил к нему в комнату. СТЕФАНОВИЧ неоднократно от

имени югославских офицеров предлагал ему материальную помощь, но он категорически отказывался, заявляя, что он не хочет выделяться по своему содержанию в плену от остальных советских офицеров.

ДЖУГАШВИЛИ держал себя всегда независимо и гордо. Когда к нему в комнату входил немецкий офицер, он никогда перед ним не вставал и часто на обращение немецкого офицера поворачивался к нему спиной. За это ДЖУГАШВИЛИ часто подвергался заключению в карцер.

В немецкой печати после пленения ДЖУГАШВИЛИ был помещен его портрет и интервью корреспондентов с клеветой на Советский Союз. Как-то на прогулке СТЕФАНОВИЧ сказал ему об этом, на что ДЖУГАШВИЛИ ответил, что это сплошная ложь, ни с каким газетчиком он никогда не разговаривал и ни на один вопрос политического или военного характера во время допросов не отвечал.

Находясь в лагере, он также избегал разговаривать с кем бы то ни было на политические или военные темы. И только один раз, когда СТЕФАНОВИЧ спросил его, какой, по его мнению, будет исход войны, ДЖУГАШВИЛИ ответил: «Я ни на одну минуту не сомневаюсь, что Германия будет разгромлена и Красная Армия одержит решительную победу».

О немцах ДЖУГАШВИЛИ говорил с презрением и негодованием.

В сентябре 1942 года югославские офицеры пытались совершить побег и из своего барака сделали подкоп, но поскольку ближайшим выходом была комната, в которой жил ДЖУГАШВИЛИ, – подкоп был произведен и под его комнатой. Об этом стало известно коменданту лагеря, который усмотрел в этом ГОТОВИВШИЙСЯ побег со стороны ДЖУГАШВИЛИ, посадил его в карцер, забетонировал пол, и через несколько дней, по приказу из Берлина, ДЖУГАШВИЛИ был вывезен из лагеря самолетом в неизвестном направлении».

Так что, как видим, И. В. Сталин определенной информацией о поведении сына в плену владел. Вот только даже весной победного 45-го он не знал, что его сына уже два года как нет в живых.

Дочь Якова Галина Джугашвили в своей книге пишет о сне, который приснился её матери в 1943 году.

«…Сон был простой: высокий холм на ясном вечереющем небе. На вершине холма – отец, и огромный крылатый ангел простирает над ним руки. (Она говорила, что в ту ночь он и погиб, хотя до конца поверить в его смерть так и не смогла.)»

Любимая дочь вождя, предавшая отца

Ни счастья, ни покоя…

«Ехали мы вечером домой… И все смотрела я вокруг с печалью и радостью и думала – откуда это во мне такая любовь к России?..

Я так понимаю всех, кто вернулся в Россию после эмиграции из Франции, где жизнь была не такой уж неустроенной… Я понимаю и тех, кто не уехал к родственникам за границу, возвратясь из лагерей и тюрем, – нет, не хотят, все-таки, уезжать из России!

Да что там говорить! Как ни жестока наша страна, как ни трудна наша земля, как ни приходится всем нам падать, расшибаться в кровь, терпеть боль и обиды, незаслуженные и неоправданные, – никто из нас, привязанных сердцем к России, никогда не предаст ее и не бросит, и не убежит от нее в поисках комфорта без души. И как свет ее бледного неба, мягкий и грустный, светит нам всем ее мудрая и спокойная краса, которой все нипочем, которая все перетерпит, и сохранится вовеки».

Двадцать писем к другу. 1963 г.

– У меня 30 лет американского гражданства, и я не хочу говорить по-русски. Я всегда ненавидела Россию. Советскую Россию. И я никогда в неё не вернусь. Я не являюсь этнической русской.

Светлана Аллилуева:

«Я всегда ненавидела Россию…» КП, 2008 г.

«Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники, – все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети – руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача…

…Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, – наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» – генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, – наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка (Валентина Истомина – экономка Сталина. – *прим. авт.*) – как и все они – за последние

годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно… И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем».

Двадцать писем к другу. 1963 г.

«В семье, где я родилась и выросла, все было ненормальным и угнетающим, а самоубийство мамы было самым красноречивым символом безвыходности. Кремлевские стены вокруг, секретная полиция в доме, в школе, в кухне. Опустошенный, ожесточенный человек, отгородившийся стеной от старых коллег, от друзей, от близких, от всего мира, вместе со своими сообщниками превративший страну в тюрьму, где казнилось все живое и мыслящее; человек, вызывавший страх и ненависть у миллионов людей, – это мой отец…

…Когда я писала «20 писем», в моих ушах звучали слова священника, крестившего меня: «Ты своего отца не суди. Суд Высший уже свершился над ним: при жизни он слишком высоко вознесся, а теперь от славы его ничего не осталось. Господь выравнивает и исправляет ложное. А тебе – нельзя, ты – дочь».

Только один год. 1970 г.

«…Жизнь мамы была прозрачна, как кристалл. Характер ее был поразительно цельный, убедительный, без внутренних противоречий и изломов. Недолгая жизнь ее – всего тридцать один год… – необычайно последовательна… С детских лет сложился ее цельный, стойкий характер…

…Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в ее характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции – к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми, и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прочих пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма…»

Двадцать писем к другу. 1963 г.

– Мою мать нельзя назвать несчастной. Разговоры о том, что она была несчастна и поэтому застрелилась, – всё это вздор! – вспоминает, закрыв глаза, Светлана Иосифовна. – Она могла иметь всё, что хотела. Она начала учиться в Индустриальной

(Промышленной, – *прим. авт.*) академии и собиралась развестись с отцом. Об этом все знали. Мать хотела закончить академию и пойти работать. Она ведь была феминисткой. Хотела жить самостоятельно.

Светлана Аллилуева:

«Я всегда ненавидела Россию…» КП, 2008 г.

«Вася всегда был любимчиком мамы, которая его обожала. Ему было одиннадцать, когда мама изволила застрелиться…»

«Я вошла в квартиру дочери Сталина, как в клетку с тигром». Труд, 2008 г.

Эти примеры смены взглядов, убеждений, отношения к людям – близким и дальним, можно множить и множить. Она меняла имена и фамилии: Светлана Сталина, Светлана Аллилуева, Лана Питерс… Меняла города и страны – 39 раз изменялся ее адрес! Меняла мужей и любовников. Меняла даже религию. Впрочем, будем объективны, хотя сама наша героиня объективной не была никогда и ни к кому, – насчет религии она заявляла сразу: «Все догматические различия религий сейчас теряют свое значение. Сейчас люди, скорее, разделяются на тех, для кого существует Бог, и на тех, для кого вообще существование Бога не нужно. Когда мне стало 35 лет, уже кое-что пережив и повидав, с детства приучаемая обществом и семьей к материализму и атеизму, я все же приняла сторону тех, для кого немыслимо жить без Бога. И я счастлива, что это со мною произошло».

Нет, ни счастья, ни покоя своей мятущейся душе она так и не нашла – ни в православии, ни в индуизме, ни в протестантизме, ни в католицизме. Как не нашла ни любви, ни семьи, хотя и то и другое искала исступленно.

От чего она бежала, чего искала? От системы, как она уверяет, или все же от себя, от своей больной, изломанной души? Но от себя не убежишь, сколько не меняй адреса, сколько не отрекайся от прошлого – от Родины, от отца с матерью, от близких. Зато получишь «награду» – одиночество. В этом ужасающем одиночестве, забытая Богом (или богами?), не общаясь ни с детьми, ни с родственниками, в приюте для престарелых (ей уже идет девятый десяток) в американском штате Висконсин она ждет смерти.

«Пусть меня весь свет ненавидит, лишь бы меня любил папа»

Она родилась в последний день февраля 1926 года – почти ровно через пять лет после Василия. И стала антиподом ему. По всему – по характеру, по вкусам, по убеждениям, наконец.

Светлане было всего шесть лет, когда ее мать покончила жизнь самоубийством. Сталин потом с горечью говорил родственникам, что дети забыли мать преступно быстро. Но это не так. Может быть, к сожалению. Именно самоубийство матери, своеобразно воспринятое и осмысленное, очень сильно повлияло на судьбу дочери. Правда, огромную роль в этом сыграли и родственники с материнской стороны, от которых она, уже в юности, узнала подробности ее жизни и смерти, подробности, преподнесенные ими в определенном ключе. Однако и сама Светлана тот день и похороны матери запомнила достаточно подробно:

«Я помню, как нас, детей, вдруг неожиданно утром в неурочное время отправили гулять. Помню, как за завтраком утирала платочком глаза Наталия Константиновна. Гуляли мы почему-то долго. Потом нас вдруг повезли на дачу в Соколовку, – мрачный, темный дом, куда мы все стали ездить этой осенью вместо нашего милого Зубалова. В Соколовке всегда было на редкость угрюмо, большой зал внизу был темным, повсюду были какие-то темные углы и закоулки; в комнатах было холодно, непривычно, неуютно. Потом, к концу дня, к нам приехал Климент Ефремович (Ворошилов, – *прим. авт.*) пошел с нами гулять, пытался играть, а сам плакал. Я не помню, как мне сказали о смерти, как я это восприняла, – наверное, потому что этого понятия для меня тогда еще не существовало…

Я что-то поняла, лишь когда меня привезли в здание, где теперь ГУМ, а тогда было какое-то официальное учреждение, и в зале стоял гроб с телом и происходило прощание. Тут я страшно испугалась, потому что Зина Орджоникидзе взяла меня на руки и поднесла близко к маминому лицу – «попрощаться». Тут я, наверное, и почувствовала смерть, потому что мне стало страшно – я громко закричала и отпрянула от этого лица, и меня поскорее кто-то унес на руках в другую комнату. А там меня взял на колени дядя Авель Енукидзе, и стал играть со мной, совал мне какие-то фрукты, и я снова позабыла про смерть. А на похороны меня уже не взяли, только Василий ходил».

Василий, между прочим, тоже не забыл о матери, он назвал в

ее честь свою дочь, ставшую его любимицей. Кстати, сына Иосифом он ведь не назвал, Иосифом своего сына назвала именно Светлана.

Ну, а сетуя на то, что потом их жизнь быстро вошла в привычную колею с их детскими делами и заботами, не грех было бы вспомнить: и при жизни мать не слишком много времени проводила с ними, вспомнить тот детский дом, куда Василий с Артемом были направлены в самом нежном возрасте. Помните воспоминания Артема: «… Наши матери дружили, были они и содиректорами детского дома для беспризорников и детей руководителей государства. С двух до шести лет и мы с Василием были воспитанниками этого детдома». И в другом интервью: «Мы с Василием оказались в детском доме, когда нам было по два с половиной года. Первый раз меня мама привела туда за ручку, а во второй раз с моим горшком. Это означало, что я остаюсь там».

Что тут сказать? Такими были убеждения этих строителей нового общества, многим из них и семья казалась пережитком прошлого. К счастью, Сталин был в этом отношении старомоден, может быть, потому Светлану участь братьев миновала – она росла в окружении нянек, учителей и воспитателей, которых подбирала мать. Но и она, по ее словам, маму видела нечасто. Как писала сама Светлана в своей первой книге, «Мама бывала с нами очень редко. Вечно загруженная учебой, службой, партийными поручениями, общественной работой, она где-то находилась вне дома. А мы были тоже загружены уроками, прогулками с учителем или Натальей Константиновной, собиранием гербариев, уходом за кроликами – только бы не было безделья! Правило, высказанное ею еще в одном из гимназических ее писем: «чем больше времени, тем больше лени», – мама неукоснительно применяла к своим детям».

Безусловно, метода правильная – чем больше занятий у детей, тем лучше и разностороннее они развиваются, занятия дают пищу для ума. Но нужна еще и пища для сердца, для души, нужно еще и тепло материнской любви, в котором только и может вырасти и сформироваться полноценная личность, без комплексов и душевных деформаций. Неужели не понимала этого Надежда Сергеевна? Или не было у нее этой любви, этого душевного тепла? Мысли о необходимости правильного воспитания были, ответственность за организацию такого воспитания была, а была ли любовь? Или ее нельзя и требовать от человека, которого мучают невыносимые головные боли, который страдает, который просто болен? Но как же это сочеталось с учебой, службой, «партийными поручениями»? Однако интеллект – одно, а психика – это все же другое. Во всяком случае,

интеллект ни у кого из Аллилуевых поврежден не был, даже Федор, у которого болезнь проявилась в наиболее явной форме, сохранил свои способности к математике и физике и потом помогал свои племянникам готовиться к экзаменам. А вот деформация личности, увы, происходит. Похоже, что это в какой-то степени произошло и с Надеждой. Во всяком случае такая мысль приходит в голову, когда знакомишься со Светланиными откровениями:

«Мама была строга с нами, детьми – неумолима, недоступна. Это было не по сухости души, нет, а от внутренней требовательности к нам и к себе… Она редко ласкала меня, а отец меня вечно носил на руках, любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами – «воробушка», «мушка». Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил… Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников, – он не переносил детского плача и крика. Мама же была неумолима и сердилась на него за «баловство».

В доказательство требовательного отношения матери к своим детям Светлана приводит в своей первой автобиографической книге единственное сохранившееся у нее письмо матери со своими комментариями:

«Здравствуй, Светланочка!

Вася мне написал, что девочка что-то пошаливает усердно. Ужасно скучно получать такие письма про девочку. Я думала, что оставила девочку большую и рассудительную, а она, оказывается, совсем маленькая, и, главное, – не умеет жить по-взрослому. Я тебя прошу, Светланочка, поговори с Н. К. (воспитательницей, – *прим. авт.*), как бы наладить все дела твои, чтобы я больше таких писем не получала. Поговори обязательно и напиши мне вместе с Васей или Н. К. письмо о том, как вы договорились обо всем. Когда мама уезжала, девочка обещала очень, очень много, а оказывается, делает мало.

Так ты обязательно мне ответь, как ты решила жить дальше, по-серьезному или как-нибудь иначе. Подумай как следует, девочка уже большая и умеет думать. Читаешь ли ты что-нибудь на русском языке? Жду от девочки ответ.

Мама».

Вот и все. Ни слова ласки. Проступки «большой девочки», которой тогда было лет пять с половиной или шесть, наверно, были невелики; я была спокойным, послушным ребенком. Но спрашивалось с меня строго». (Двадцать писем к другу).

Интересны в этом плане и воспоминания племянницы

Сталина Киры Политковской:

«Когда меня спрашивают, боялась ли я Сталина, то я всегда отвечаю – нет! Его я не боялась. Я боялась Надежды Сергеевны. Она замораживала, казалась строгой, скрытной. Лицо неприветливое, настороженное. Внешне она была мадонной – миндалевидные глаза, ровный нос, гладкие волосы. Я не видела ее улыбающейся. И лишь однажды… Светлане исполнилось четыре месяца. Надежда Сергеевна позвала меня. Светлана была чудесная, рыженькая толстушка с зелеными глазами. Вот тогда я увидела улыбку на лице Надежды Сергеевны и нежность к ребенку».

И все же не будем судить Надежду Сергеевну, болезнь – слишком уважительная причина. Однако не говорить о взаимоотношениях матери с детьми, если речь идет о причинах их поведения, о формировании их личностей, их взглядов на мир – невозможно.

Но все же детство Светланы, в общем, было счастливым. Сиротой, несмотря на смерть матери, она себя не ощущала. Она росла, окруженная любовью многочисленных родственников, няни, отца… Самое главное в ее детской жизни – вот эта отцовская любовь. Не было бы ее – не было бы и этого многоликого любовного окружения из родственников и друзей семьи. Не то что они были неискренними, нет. Просто они любили почему-то лишь то и тех, кого любил он. К Васе и Яше он относился, как казалось со стороны, холоднее. Холоднее, критичнее относилось к сыновьям Сталина и его окружение, будь то родственники или друзья и сослуживцы. Хотя, разумеется, сыновей своих Сталин тоже любил. Просто он считал, что с ними нельзя нежничать, потому что они мужчины, и воспитываться должны тоже как мужчины. И изливал всю свою нежность, все чувства на маленькую дочку, последнего, младшего ребенка.

«Заговорили о Светланочке, и Иосиф весь засиял, – пишет в своем дневнике Мария Сванидзе, жена Александра Сванидзе (Алеши, как, по партийной кличке, звали его друзья), брата первой жены Сталина. Стали вспоминать ее разговоры, манеры, настроения, и стало за столом теплей…»

Конечно, она отвечала ему тем же. «Светлана все время терлась около отца. Он ее ласкал, целовал, любовался ею, кормил со своей тарелки, любовно выбирал кусочки получше…»

В противоположность сухому письму матери Светлана приводит отцовские письма к ней, наполненные любовью, нежностью и заботой, письма, в которых отец с дочкой играют в удивительную игру, где она выступает «хозяйкой» и главной в доме, а он – подчиненным, одним из «секретаришек»,

беспрекословно и с готовностью выполняющим любой ее «приказ» и каприз.

«Приказываю разрешить мне пойти с тобою в театр или в кино, – пишет «Сетанка», как она себя называла в детстве, «1-ому моему секретарю тов. Сталину». И он отвечает с готовностью: «Что ж, подчиняюсь».

«Приказываю тебе разрешить мне провести праздники в «Липках».

«Приказываю тебе разрешить мне переночевать в «Липках».

«Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово».

«Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев».

И на все эти «приказы» неизменные ответы: «Слушаюсь». «Покоряюсь». «Согласен». «Будет исполнено».

Иногда в «приказах» содержатся угрозы «пожаловаться на секретаришку повару», которого маленькая «хозяйка» почему-то считала самым главным человеком в доме. И Сталин поддерживает игру: «Только не говори ничего повару, а то я пропал».

Надо сказать, игра выглядит несколько странной с педагогической точки зрения, хотя тот же приемный сын Артем был высокого мнения о воспитательных талантах Сталина, рассказывая, как тот умел буквально несколькими словами разрешать их мальчишеские конфликты с Василием, как занимался с ними, простыми словами объясняя сложные для них вещи. И никогда не кричал, не говоря уж о телесных наказаниях. О том, что Сталина любили дети, пишет и племянница Надежды Сергеевны Кира Аллилуева, которая вообще-то Сталина не жалует и оценивает его и его деяния с точки зрения нашей либеральной общественности… До тех пор, пока не переходит к конкретным воспоминаниям, например, своим воспоминаниям из детства: «Очень мне нравилось в Иосифе Виссарионовиче то, что с нами, детьми, он легко находил общий язык и верный тон общения. Я рядом с ним себя очень хорошо чувствовала, смеялась много. И не боялась его ничуточки. Я Надежду Сергеевну боялась. Она умела так посмотреть, что и не захочешь – притихнешь… Я не помню её улыбающейся…»

Ну, а любимица вождя, его маленькая дочка обожала отца так, что даже заявила однажды: «Пусть меня весь свет ненавидит, лишь бы меня любил папа. Если папа скажет мне полезть на луну – я полезу». Так что необычный педагогический прием с игрой в «хозяйку» достиг своей цели. Впрочем, вряд ли отец, подыгрывая дочке, преследовал какую-то цель. Наверно, просто не чаял в ней души и баловал, оттаивая в этих играх сам и пытаясь хотя бы так

дать малышке недостающие ей без матери тепло и любовь.

Это подтверждает и сама Светлана. «После маминой смерти (мне тогда было шесть лет) наступило для меня десятилетие, в котором отец мой был и старался быть по возможности хорошим отцом, хотя при его образе жизни это было очень трудно. Но в эти годы, несмотря на то, что вся прежняя жизнь в доме разрушилась, авторитет отца был для меня неукоснительным во всем…

…Нас, детей, он видел на квартире во время обеда; тут он и спрашивал об учебе, проверял мои отметки в дневнике, иногда просил показать тетради. Вплоть до самой войны, как это полагается делать всем родителям, он сам подписывал мой школьный дневник, а также дневник брата (пока тот не ушел в 1939 году в авиационную спецшколу). Всё же мы виделись тогда часто, почти каждый день…»

Но не так часто, как видятся со своими папами обычные дети, не так часто, как хотелось бы. Может быть, из-за этого и возникла эта игра эпистолярного жанра? Может быть, это был способ привлечь маленького ребенка к постоянному общению с отцом хотя бы в письмах, если уж иначе пообщаться не всегда получается?

Письма Сталина к маленькой дочке, вначале старательно написанные крупными печатными буквами, полны нежности и любви.

«Сетанке-хозяйке. Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твое здоровье? Не хвораешь-ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет, как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего письма. Папка».

«Здравствуй, Сетанка! Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, что не забыла папу. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую. Твой папа».

Эти письма написаны еще при живой Надежде из Сочи, где они отдыхали.

Потом ее не стало, письма стали еще нежнее.

«Здравствуй, моя воробушка! Не обижайся на меня, что не сразу ответил. Я был очень занят. Я жив, здоров, чувствую себя хорошо. Целую мою воробушку крепко-накрепко…»

«Милая Сетанка! Получил твое письмо от 25/IX. Спасибо тебе, что папочку не забываешь. Я живу неплохо, здоров, но скучаю без тебя. Гранаты и персики получила? Пришлю еще, если прикажешь. Скажи Васе, чтобы он тоже писал мне письма. Ну, до

свидания. Целую крепко. Твой папочка…»

«За письмо спасибо, моя Сетаночка. Посылаю персики, пятьдесят штук тебе, пятьдесят – Васе. Если еще нужно тебе персиков и других фруктов, напиши, пришлю. Целую». (8 сентября 1934 г.).

«Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись… Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяюшка. Целую тебя крепко…» (8 октября 1935 г.).

«Сетанка и Вася! Посылаю вам сласти, присланные на днях мамой из Тифлиса, вашей бабушкой. Делите их пополам, да без драчки. Угощайте, кого вздумаете…» (18 апреля 1935 г.).

«Здравствуй, хозяюшка! Посылаю тебе гранаты, мандарины и засахаренные фрукты. Ешь-веселись, моя хозяюшка! Васе ничего не посылаю, так как он все еще плохо учится и кормит меня обещаниями. Объясни ему, что я не верю в словесные обещания, и поверю Васе только тогда, когда он на деле начнет учиться хотя бы на «хорошо». Докладываю тебе, товарищ хозяйка, что был я в Тифлисе на один день, побывал у мамы и передал ей от тебя и Васи поклон. Она более или менее здорова и крепко целует вас обоих. Ну, пока все. Целую. Скоро увидимся». (18 октября 1935 г.)

«Здравствуй, моя хозяюшка! Письмо получил. Спасибо! Я здоров, живу хорошо, Вася хворал ангиной, но теперь здоров. Поеду ли на юг? Я бы поехал, но без твоего приказа не смею трогаться с места. Бываю часто в Липках. Здесь жарко. Как у тебя в Крыму? Целую мою воробушку…»

«Здравствуй, моя воробушка! Письмо получил, за рыбу спасибо. Только прошу тебя, хозяюшка, больше не посылать мне рыбы. Если тебе так нравится в Крыму, можешь остаться в Мухолатке все лето. Целую тебя крепко. Твой папочка». (7 июля 1938 г.)

«Моей хозяйке-Сетанке – привет! Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, – терплю. Целую мою хозяюшку». (22 июля 1939 г.).

«Здравствуй, моя хозяюшка! Оба твои письма получил. Хорошо, что не забываешь папочку. Сразу ответить не мог: занят. Ты, оказывается, побывала на Рице и при этом не одна, а с кавалером. Что же, это не дурно. Рица – место хорошее, особенно,

ежели с кавалером, моя воробушка… Когда думаешь вернуться в Москву? Не пора ли? Думаю, что пора. Приезжай в Москву к числу 25 августа, или даже к 20-му. Как ты об этом думаешь – напиши-ка. Я не собираюсь в этом году на юг. Занят, не смогу отлучиться. Мое здоровье? Я здоров, весел. Скучаю чуточку без тебя, но ты ведь скоро приедешь. Целую тебя, моя воробушка, крепко-накрепко». (8 августа 1939 г.).

Такая переписка между ними продолжалась до самой войны. Светлана пошла в школу, в отличие от Василия, способного, но прилежанием не отличавшегося, училась хорошо, вела себя примерно и дисциплинированно, была активной пионеркой – словом, делала все, чтобы отец был доволен. Ближайшей ее подругой, с которой она сидела в школе за одной партой, была Марфа Пешкова, внучка Горького. Познакомились они еще до школы, когда Сталин вместе с дочкой приехал на дачу к Горькому. Девочки друг другу понравились, подружились, и через некоторое время уже Марфа навестила Светлану в Зубалове. Марфа потом рассказывала: «Впервые я увидела Светлану в 1934 году на дедушкиной даче в Горках. Ее привез туда Сталин. Мы были ровесницы, и взрослые хотели нас подружить. Вскоре меня отвезли к ней в гости на сталинскую дачу в Зубалово. Первое впечатление: встречает меня няня Светланы, ведет наверх, в комнате девочка сидит и ножницами режет что-то черное.

– Что это? – спрашиваю.

– Мамино платье. С бисером. Кукле перешиваю.

У нее не было матери, у меня недавно умер отец. Мы заплакали».

Дружба с Марфой продлится долго, пока обе не влюбятся в одного и того же юношу – Серго Берия. Но до того времени еще было далеко. А пока они сидели на одной парте, Светлана помогала подруге, которая училась гораздо хуже ее, зато какая красавица была – светловолосая, с правильными чертами лица! Однако сама она красавицей себя не считала, ей нравилась Светлана, у которой были, по словам Марфы, «очень красивые рыже-золотые кудрявые волосы и большие зеленые глаза». Однажды они даже провели вместе лето на юге, о чем Светлана писала отцу: «Я посылаю тебе лишь теперь фотографию, раньше не было случая. Две обезьяны на банановом дереве – Света и Марфа на дубе. Не говори Марфе, что я послала тебе снимок, иначе она рассердится и не даст себя больше никогда фотографировать».

Словом, любящий отец делал все для того, чтобы детство любимой дочки было счастливым. Не у всякого в те годы была возможность проводить лето на юге у моря, не каждый рос в

таком «солнечном доме», как называла Светлана свое любимое Зубалово, где была, например, «пасека, и рядом с ней две полянки засевали каждое лето гречихой, для меда. Участки, оставленные вокруг соснового леса, – стройного, сухого – тоже тщательно чистились; там росла земляника, черника, и воздух был какой-то особенно свежий, душистый…

Большие участки были засажены фруктовыми деревьями, посадили в изобилии клубнику, малину, смородину. В отдалении от дома отгородили сетками небольшую полянку с кустарником и развели там фазанов, цесарок, индюшек; в небольшом бассейне плавали утки. Все это возникло не сразу, а постепенно расцветало и разрасталось и мы, дети, росли, по существу, в условиях маленькой помещичьей усадьбы с ее деревенским бытом, – косьбой сена, собиранием грибов и ягод, со свежим ежегодным «своим» медом, «своими» соленьями и маринадами, «своей птицей». (Двадцать писем к другу»).

Рядом находилась дача Микояна, где все было гораздо роскошнее, чем у Сталина, потому что Микояны сохранили дом и усадьбу в том виде, в каком их оставили бывшие хозяева – с мраморными статуями, старинными французскими гобеленами, разноцветными витражами в окнах. Неподалеку располагались дачи Ворошилова, Шапошникова, несколько семей старых большевиков…

Что ж, никто не спорит – руководители государства при любой власти имеют право на жизнь и отдых в условиях повышенной комфортности по сравнению с обычными людьми, особенно, если они это заслуживают своей деятельностью на высших государственных должностях, как, безусловно, заслуживало в большинстве своем сталинское руководство, поднявшее страну из разрухи. И семьи тут от них не отделишь, и в обычный пионерский лагерь детей не пошлешь в условиях ожесточенной борьбы за власть с несогласными, которая в тридцатые годы постоянно выливалась в террористическую деятельность. Но как при этом уберечь их от трансформации из идейных борцов за светлое будущее страны в замкнутую «проклятую касту»? Этого, как мы увидели, даже у Сталина не получилось.

Что касается детей, то из них вырастали наследники идей и дела отцов только тогда, когда они достаточно быстро из этих привилегированных условий вырывались и помещались в обычные – рядом с их непривилегированными сверстниками, как это произошло с Василием, в семнадцатилетнем возрасте поступившем в Качинскую авиашколу, и с его товарищами – Тимуром Фрунзе, теми же Микоянами, Артемом Сергеевым,

учившимся в артиллерийской академии. Когда они так же, как все другие юноши их возраста, шли на фронт, где пули и снаряды были одинаковы для всех.

Но у Светланы жизнь была совсем другой. Как росла она в особых условиях, так в них и оставалась всю жизнь. И сколько бы она ни писала о том, как это ее угнетало, ни к станку, ни на стройки пятилетки, ни хотя бы в аэроклуб или в научную экспедицию она никогда не рвалась. Героическая сторона эпохи прошла мимо нее, не задев, не оставив и следа в душе. В этой эпохе она, когда выросла, увидела лишь темные пятна и душившую ее «систему».

А самой светлой личностью для нее, оставившей о себе самые теплые воспоминания, была ее няня, которая ей заменила и мать, и бабушку, и прислугу. Поэтому «и смерть няни, или «бабуси», как мои дети и я звали ее, была для меня первой утратой действительно близкого, в самом деле глубоко родного, любимого, и любившего меня, человека». Хотя умерла «бабуся» уже после смерти Сталина, в 1956 году. То есть смерть отца утратой близкого человека для дочери не стала.

Александра Андреевна Бычкова, которую в свое время, еще при жизни, нашла для маленькой дочки Надежда, служила раньше в семьях богатых, образованных людей. Была среди них и семья известного театроведа Николая Евреинова. Прежние хозяева научили ее читать, хорошо одеваться и причесываться, но, главное, – правильно служить господам.

«У бабуси (так звала ее Светлана, а потом и ее дети, – *прим. авт.*) была великолепная петербургская школа и выучка, – она была предельно деликатна со всеми в доме, гостеприимна, радушна, быстро и толково делала свое дело, не лезла в дела хозяев, уважала их всех равно и никогда не позволяла себе судачить или критиковать вслух дела и жизнь «господского дома». Она никогда не ссорилась ни с кем, поразительно умея всем сделать какое-нибудь добро… Бабусю даже отец уважал и ценил».

Судя по воспоминаниям Светланы, революции для «бабуси» словно и не было – она, как служила «господам», так и продолжала служить, как растила и воспитывала «господских» детей, так и продолжала это делать, не заморачиваясь, что «господа» уже не те, и обращаться с ними надо, наверно, по-другому. По-другому она просто не умела.

«Она собирала меня утром в школу, кормила завтраком, кормила обедом, когда я возвращалась, сидела в соседней своей комнате и занималась своими делами, пока я готовлю уроки; потом укладывала меня спать. С ее поцелуем я засыпала –

«ягодка, золотко, птичка», – это были ее ласковые слова ко мне; с ее поцелуями я просыпалась утром – «вставай, ягодка, вставай птичка», – и день начинался в ее веселых, ловких руках».

Надо думать, Светлану, выросшую у нее на руках, так рано оставшуюся без матери, она искренне любила. И создавала для нее атмосферу любви и комфорта, которая, как она полагала, должна окружать «господскую» дочку.

«В эти годы – с 1933-го вплоть до самой войны, я жила школой. Это был мой маленький мир – школа, уроки, пионерские обязанности, книги и моя комната – крошечный мирок, где обогревала меня, как уютная русская печь, моя няня. Школа моя была прекрасной – она на всю жизнь дала знания, навыки, друзей; многих учителей невозможно забыть: Гурвица, Яснопольскую, Зворыкина, Новикова… Книг я читала много, – в комнатах отца находилась огромная библиотека, которую начала собирать мама; никто ею не пользовался, кроме меня. А няня моя, с ее веселым нравом, с ее добротой, мягкостью, юмором, создала вокруг меня нечто вроде «воздушной подушки» из своей неподдельной любви, и это защищало меня от внешнего мира и от понимания того, что происходило вокруг. Я жила вплоть до университета под колпаком, как бы за крепостной стеной, и в особой атмосфере, созданной няней в наших с ней двух комнатах, где я занималась за своим столом, а она шила или читала за своим. У нас было тихо, и обе мы не знали, как вокруг все разламывалось на куски. Няня сохранила, как могла, вокруг меня то, что заведено было мамой – обстановку учебы, занятий, здорового отдыха на природе. Она сохранила мне детство – я так ей благодарна теперь, я так ее вспоминаю!

Няня моя воспитывала во мне беспрекословное послушание и любовь к отцу, – это было для нее незыблемой христианской заповедью, что бы там ни происходило вокруг…»

Светлана вспоминает, что няня, родившаяся в деревне, говорила прекрасным, образным и ярким языком, чисто и правильно, в то же время пересыпая речь прибаутками и поговорками. Но деревню она, ставшая горожанкой, не любила и даже презирала. «Для нее это была «грязь, грязь и грязь», ее теперь ужасали суеверия, некультурность, невежество, дикость и, хотя она великолепно знала все виды деревенской работы, ей это все стало неинтересно. Земля ее не тянула, и потом ей хотелось «выучить сына», а для этого надо было зарабатывать в городе…»

Вот с такой же нелюбовью и презрением и Светлана говорила о своей бывшей Родине, очутившись на «цивилизованном Западе». Нельзя, конечно, проводить параллели между крестьянкой, ушедшей в город на заработки и успешно там прижившейся, и

дочерью вождя, любимой им, имевшей и на Родине все, но устремившейся за «свободой» на Запад и оттуда полившей грязью и свою страну, и отца, и то дело, которому он отдал свою жизнь, но все же, все же…

Что касается деревни, в которой «грязь, грязь и грязь», то да – в деревне, тем более в деревне первых десятилетий прошлого века, откуда пришла в город няня Светланы, действительно, не было ни асфальта на улицах, ни теплых комфортабельных туалетов. Только вот кормила город именно деревня, а не город деревню. Именно в деревне научилась няня этому прекрасному, богатому и образному русскому языку, которым восхищалась ее воспитанница, которому учился у своей няни Пушкин, о котором Тургенев говорил, что только он, великий и могучий, наша поддержка и опора «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» о судьбах Родины…

Но может ли вырасти сильным и жизнестойким растение под колпаком? Может ли быть нравственно здоровым человек, огражденный от всех жизненных бурь и невзгод, от жизни страны и народа, от судеб Родины?

Когда проходит детство

И стоит ли удивляться, что выраставшие дети часто не оправдывали ожидания родителей? Справедливости ради, надо сказать, что это, в общем-то, обычная история, происходящая во всех семьях, а отнюдь не только в элитных. После детства наступает переходный возраст, пережить который без моральных потерь, без конфликтов не удается почти никому. Но кто-то его перерастает благополучно, не потеряв любви и доверия к родителям, кто-то теряет и то, и другое. Правда, меньшая часть. Значительно меньшая. Но Светлана попала именно в нее. Очевидно, виноват в этом в какой-то в степени и отец с его в самом деле не простым и не мягким характером, не говоря уж о кавказском менталитете, который в личной жизни проявлялся иногда весьма своеобразно.

«Отец обычно не допекал меня нотациями или какими-нибудь нудными Придирками, – рассказывает дочь. – Его родительское руководство было самым общим – хорошо учиться, больше бывать на воздухе, никакой роскоши, никакого баловства. Иногда он проявлял по отношению ко мне какие-то самодурские причуды. Однажды, когда мне было лет десять, в Сочи, отец, поглядев на меня (я была довольно «крупным ребенком») вдруг сказал: «Ты что это, голая ходишь?» Я не понимала в чем дело. «Вот, вот!» – указал он на длину моего платья – оно было выше колен, как и полагалось в моем возрасте.

«Черт знает что!» – сердился отец, – «а это что такое?» Мои детские трусики тоже его разозлили. «Безобразие! Физкультурницы!» раздражался он все больше – «ходят все голые!» Затем он отправился в свою комнату и вынес оттуда две своих нижних рубашки из батиста. «Идем!» – сказал он мне. «Вот, няня, – сказал он моей няне, на лице которой не отразилось удивления, – вот, сшейте ей сами шаровары, чтобы закрывали колени; а платье должно быть ниже колен!» – «Да, да!» – с готовностью ответила моя няня, вовек не споривша со своими хозяевами. «Папа!» – взмолилась я, – «да ведь так сейчас никто не носит!» Но это был для него совсем не резон… И мне сшили дурацкие длинные шаровары и длинное платье, закрывавшее коленки, и все это я надевала только, идя к отцу. Потом я постепенно укорачивала платье, – он не замечал, потому что ему было уже совсем не до того. И вскоре я вернулась к обычной одежде… Но он не раз еще доводил меня до слез придирками к моей одежде…»

Видимо, зная историю семейной жизни Аллилуевых, отец

больше всего на свете опасался, как бы в дочке не проявились дурные гены Ольги Евгеньевны, не раз оставлявшей мужа и детей ради очередного любовника. Сам он, восточный мужчина, такого позора, конечно, не вынес бы и жены такой бы не потерпел. Впрочем, и у русских мужчин того времени взгляды на поведение женщин мало отличались от восточных. Но Надежда и не давала поводов, она сама его любила страстно и так же страстно ревновала, судя по воспоминаниям современников. А вот в кого удастся дочка? Может ли уберечь от вольного поведения пуританское воспитание? Он надеялся, что может. Надеялся, что его авторитет, его отношение к подобного рода поступкам, манерам заставят дочь быть сдержанной.

Подростком она прислала ему свое фото с отдыха. «Реакция была для всех неожиданной: отец вернул мою фотографию со злобным письмом: «У тебя наглое выражение лица, – было написано его острым почерком, синим карандашом. – Раньше была скромность, и это привлекало».

Может быть, и не наглым было это детское еще лицо, но, обжегшись на молоке, бывает, дуют и на воду. Хотя, как свидетельствуют дальнейшие события, предчувствия отца не обманули. Мужчин в жизни Светланы Аллилуевой было много. Может быть, не меньше, чем в жизни ее бабушки.

Многие считают, что первой любовью шестнадцатилетней Светланы, тогда еще Сталиной, стал взрослый, сорокалетний, известный уже кинорежиссер Алексей Каплер. Но они ошибаются. Как вспоминает в «АиФ» ее одноклассник Владимир Николаев, которому она запомнилась скромной и симпатичной девочкой, «…Когда в ней, как сейчас говорят, взыграли гормоны, оказалось, что девушка она очень влюбчивая. Каждый раз она влюблялась «по уши» и «на всю жизнь». В школе влюбилась в нашего пионервожатого старшеклассника Гришу Морозова. Парень он был видный, брюнет, умел проникновенно рассказать о войне в Испании, о челюскинцах, о Валерии Чкалове… Сталину, конечно, доложили, что у дочери первая любовь, а также о том, что эта первая любовь – еврей. Не знаю, что возмутило Сталина сильнее, только он устроил Светке скандал и отхлестал по щекам. Она ответила: «Выйду за него – и всё!» После окончания школы она так и поступила».

Тут одноклассник ошибается – отхлестал ее отец именно за Каплера, а никак не за первую школьную влюбленность. Скорее всего, он об этой влюбленности и не знал, вряд ли знали и охранники, потому что она ни в чем «противозаконном» не проявилась. Может быть, даже напротив – проявилась вполне положительно. Тот же Владимир Николаев рассказывает и еще

одну интересную вещь: «Надо сказать, что сложена дочь Сталина была средненько, имела склонность к полноте. Девочкой она была неловкой, но её почему-то потянуло в наш физкультурный кружок. Благодаря школьному физруку Ефиму Михайловичу эта дисциплина, особенно снарядовая гимнастика (конь, брусья, перекладина), была поставлена в школе на уровень, можно сказать, вполне профессиональный. Сейчас это назвали бы детской спортивной школой.

Сперва у Светланы ничего не получалось, но она упорно продолжала ходить на занятия. Я был в своей группе старостой по гимнастике, и в мои обязанности входило страховать других на спортивных снарядах. В том числе и Светлану, которая так и норовила свалиться с бревна или брусьев и набить себе шишек. Поскольку занятия у нас шли через день, с уверенностью могу сказать: я держал Светлану Сталину на руках больше, чем все её будущие мужья, вместе взятые».

Потому и потянуло ее физкультурный кружок, что хотелось быть стройной и ловкой, возможно, для того чтобы понравиться Грише Морозову. Наверно, и не только Грише, потому что про школьную любовь Светланы к Грише никто из ее подруг или родственников не рассказывает, а вот о влюбленности в Серго Берию говорят многие. Серго был красивым и умным парнем, «кремлевские девушки» влюблялись в него поголовно, им казалось, что «он как две капли воды похож на американского артиста Роберта Тейлора» – фильмы с его участием они смотрели на своих правительственных дачах, потом уже эти ленты пускали в прокат.

Об этой влюбленности Светланы рассказывает и Марфа Пешкова, лучшая школьная подруга Светланы, потом ставшая женой Серго:

«Пока мы учились в школе, Светлана была нормальная симпатичная девчонка, все ее любили. Мы дружили так, что иногда угадывали мысли и однажды даже видели одинаковый сон, вместе в вагоне ехали на юг, я просыпаюсь и говорю Светлане:

– Мне снился странный сон, будто я должна тебе что-то сказать, но не могу, немая.

Она то же самое видела во сне.

У нее было сильно развито предчувствие. Видит сон: большое гнездо, в нем орел с птенцами, и орел выбрасывает птенцов из гнезда.

– Это о Яше. Что-то случилось с ним, – говорит мне Светлана.

Вскоре стало известно, что Яша попал в плен.

Наша дружба изменилась, когда начались первые

влюбленности: Светлана замкнулась и перестала со мной делиться. Одно время мне казалось, что она влюблена в Серго Берия и выйдет за него замуж».

Это казалось не только Марфе, но и ее двоюродной сестре Кире Аллилуевой.

«В сорок втором году в Свердловск, куда была эвакуирована наша семья, вдруг прилетела Светлана. Она привела нас в семью Берия. Они тоже жили в Свердловске. Я в первый и последний раз видела Нину Теймуразовну – милая, гостеприимная женщина, рыжеволосая мингрелка. Сын ее Серго – красавец мальчик. Светлана улетела. Мы в семье пообсуждали и пришли к выводу, что она прилетала повидаться с Серго».

Был сам Серго влюблен в Светлану или просто относился к ней с симпатией, как к подруге, сказать трудно. Во всяком случае, его мать сделала все, чтобы романа между ними не случилось. «С ней ты будешь несчастлив, – убеждала она сына. Ты же знаешь ее характер, она будет заправлять всеми делами в доме. Я не хотела бы, чтобы такое случилось с моим сыном». А позже добавила: «Сталин бы расценил эту женитьбу как попытку проникнуть в его семью. Кроме того, я ни в коем случае не хотела, чтобы ты попал под его влияние. Я хотела, чтобы ты имел нормальную семейную жизнь. Со Светланой это было бы абсолютно невозможно».

Мудрая Нина Теймуразовна, хорошо знавшая Светлану, была права, в чем Серго убедился через несколько лет, сделав предложение Марфе Пешковой. Тогда Светлана, которая к тому времени уже сама была замужем за Григорием Морозовым, изо всех сил пыталась помешать свадьбе Серго и Марфы. Она даже говорила Нине Теймуразовне, будто Марфа больна туберкулезом, который унаследовала от деда, что было неправдой. Потом такую же атаку пришлось выдержать бабушке Марфы Екатерине Павловне. «Что Марфа делает, она выходит за Серго!» – «Они любят друг друга», – говорит бабушка. «Она попадет в такую ужасную семью!». Слова бабушки, что Марфа и Серго любят друг друга, Светлана не хотела воспринимать. Она вела себя так, словно у нее случилось помрачение рассудка.

Может, так оно и было? Или она так и не сумела отойти в своем сознании от той детской игры, в которую играла с отцом, и продолжала ощущать себя Хозяйкой – всего и вся? Рецидив случился через несколько лет, когда Марфа, с трудом приспосабливающаяся к порядкам в бериевском доме, заговорила о том, что молодой семье лучше жить отдельно от родителей. Тут уж проявила свой крутой характер Нина Теймуразовна, которая заявила невестке, что сын всегда будет жить с ней, и если она еще раз заговорит на эту тему, то в самом деле уйдет из этого дома,

только без мужа и детей. Каким-то образом об этом стало известно Светлане, которая тут же явилась к Нине Теймуразовне и заговорила о том, что Серго и Марфа должны развестись, место Марфы займет она, «а детей поделим».

«Светлана – страшный человек», – узнав об этом, сказал Серго.

Но в 1942 году, уже через несколько месяцев после свидания с Серго, его образ в ее душе заслонил отнюдь не красавец – полноватый, добродушный и обаятельный в своем неиссякаемом красноречии сорокалетний бонвиван Каплер. Правильно, наверно, написал одноклассник – гормоны играли. Да и смешанная горячая аллилуевская кровь давала о себе знать – Светлане нужна была любовь, нужен поклонник, мужчина. Однако ей нужен был не просто мужчина, а мужчина, который бы ее понимал. Таким мужчиной и стал Каплер.

Они познакомились благодаря Василию, которому тогда предложили консультировать какой-то фильм о летчиках. Василий в то время служил в летной инспекции при Главном Штабе ВВС, где командировки на фронт перемежались с тыловой работой. Вот в эти-то перерывы он и собирал своих друзей-летчиков в Зубалово, где они приходили в себя от боев, от смертельного напряжения и, конечно, расслаблялись. Разумеется, с выпивкой. Однако там много говорили и о деле, о новых методах боевых действий. Приглашалась в Зубалово и творческая интеллигенция, в частности, киношники, с которыми теперь Василий стал сотрудничать. Приглашал Василий на эти вечеринки и подросшую сестру, которая постоянно жаловалась на скуку.

«Жизнь в Зубалове, – пишет она, – была в ту зиму 1942 и 1943 года необычной и неприятной… В дом вошел неведомый ему до этой поры дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья-летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны. И вместе с тем было предельно скучно, – ни одного лица, с кем бы всерьез поговорить, ну хотя бы о том, что происходит в мире, в стране, и у себя в душе… В нашем доме всегда было скучно, я привыкла к изоляции, к одиночеству. Но если раньше было скучно и тихо, теперь было скучно и шумно».

Эти жалобы на скуку в разгар страшной войны потрясают. Один брат в плену, другой в постоянных командировках на фронт, отец спит считанные часы в сутки, отдавая все силы организации отпора врагу, а Светлане – скучно! Между прочим, в годы Первой мировой императрица с дочерьми работали в

госпиталях, ухаживая за ранеными солдатами. А была ли хоть раз в госпитале Светлана? Упоминаний об этом в ее книгах и в книгах о ней нет. Да, она еще школьница, но как раз школьники и ходили по госпиталям, помогали медсестрам, устраивали для раненых концерты. Это было, судя по воспоминаниям, массовое движение, как и подготовка подарков для фронта – вязание теплых носков, варежек, изготовление кисетов. Каким подарком для любого бойца была бы такая незатейливая вещица, изготовленная руками дочери Сталина! Но ей это, видимо, и в голову не приходило, как и ее умелице-няне. Она скучала и осуждала друзей Василия за их «пьяные загулы».

То, что для летчиков, вырвавшихся на короткий миг с фронта, где они каждый день рискуют жизнью, а жизни эти всего лишь на несколько лет длиннее, чем у нее, такие передышки необходима, Светлана не понимала. Не понимала, что они, как и Василий, много пьют не оттого, что для них нет войны, а именно потому, что они воюют. Что на войне практически все много пьют, иначе невозможно – там рядом смерть. Их специфические разговоры о боях, обсуждение боевых качеств самолетов, боевых действий и методик были для нее, еще школьницы, разумеется, скучны. Может быть, поэтому и сами они, молодые, красивые, отчаянные парни ей не нравились. А ведь это были герои-летчики. Но не герои ее романа. Героем ее романа стал другой человек – Каплер, человек из красивого мира кино. Мира, который лишь отражает реальность, но не является ею. Каплер был далек от Светланы по возрасту, но близок ментально, поэтому, думается, их роман скорее закономерность, чем случайность.

«Василий привез Каплера к нам в Зубалово в конце октября 1942 года… В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом нас всех пригласили на просмотры фильмов в Гнездниковском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино. Люся Каплер – как все его звали – был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик с герлс и чечеткой. Тогда он предложил показать мне «хорошие фильмы» по своему выбору, и в следующий раз привез к нам в Зубалово «Королеву Христину» с Гретой Гарбо. Я была совершенно потрясена тогда фильмом, а Люся был очень доволен мной…»

Развивался их роман быстро. На ноябрьские праздники Василий устроил большую вечеринку. На нее было приглашено много знаменитостей, интересных людей: Симонов с Серовой, Б. Войтехов с Л. Целиковской, Р. Кармен с женой, известной московской красавицей Ниной, летчики – друзья Василия… И

Каплер. После застолья начались танцы. Светлана сидела угрюмая, она снова чувствовала себя чужой на этом празднике. Видимо, это ощущалось, иначе почему на танец ее пригласил Каплер, а не кто-либо из молодых ребят-летчиков?

Но случилось именно так. Люся Каплер, как все его называли, пригласил ее, что-то почувствовав, может быть, захотев поднять настроение этой маленькой угрюмой девочке – дочери вождя.

«Что вы невеселая сегодня?» – спросил он, не задумываясь о том, что услышит в ответ. И тут я стала, не выпуская его рук и продолжая переступать ногами, говорить обо всем – как мне скучно дома, как неинтересно с братом и с родственниками; о том, что сегодня десять лет со дня смерти мамы, а никто не помнит об этом и говорить об этом не с кем, – все полилось вдруг из сердца, а мы все танцевали, все ставили новые пластинки, и никто не обращал на нас внимания… Крепкие нити протянулись между нами в этот вечер – мы уже были не чужие, мы были друзья. Люся был удивлен, растроган. У него был дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми. Он был дружелюбен, весел, ему было все интересно. В то время он был как-то одинок сам, и может быть, тоже искал чьей-то поддержки…»

«Дар легкого непринужденного общения» с людьми у Каплера, безусловно, был – его всегда окружали многочисленные друзья и знакомые. Он легко менял женщин, несмотря на то, что в эвакуации в Ташкенте жили его жена и дочь. Так что одиночества у него не было, одиночество и Каплер – вещи несовместные, считали его друзья. Хотя, может быть, он и говорил о нем, желая сблизиться со Светланой.

«Нас потянуло друг к другу неудержимо», – пишет она. Они гуляли по Москве, ходили в Третьяковку, в театры, он снова водил ее в просмотровый зал в Гнездниковском, показывая понравившиеся ему фильмы, приносил книги – Хэмингуэя, антологию русской поэзии, «взрослые» книги о любви… Словом, развивал девочку. По-видимому, во всех смыслах этого слова.

«Люся был для меня тогда самым умным, самым добрым и прекрасным человеком. От него шли свет и очарование знаний. Он раскрывал мне мир искусства – незнакомый, неизведанный. А он все не переставал удивляться мне, ему казалось необыкновенным, что я понимаю, слушаю, впитываю его слова, и что они находят отзвук…»

Чего он хотел? Неужели в самом деле влюбился в дочку вождя? По словам той же Марфы Пешковой, Светлана была в то время прехорошенькой – у нее были прекрасные, густые, ярко-каштановые волосы, большие зеленые глаза. Так что влюбиться в

Светлану можно было. Но ведь ей не было еще и семнадцати, она была еще несовершеннолетней… Неужели многомудрый Каплер об этом не помнил? Или действительно думал обрести в дочери вождя поддержку? Да, он был уже известным человеком, кинодраматургом, написавшим сценарии таких популярных в то время фильмов, как «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Три товарища». Он был лауреатом Государственной премии СССР. Но какому творческому человеку не нужна поддержка? И на какую головокружительную высоту можно взлететь с поддержкой такой-то дочки… Говорят, что Каплер, при всей своей беззаботности и легкомысленности, был человеком честолюбивым и азартным. Однако если и были у него подобные помыслы, то они дорого ему обошлись. Плохо он знал ее отца.

Первой его ошибкой была статья из Сталинграда в виде письма лейтенанта Л. любимой девушке, в которой он не только рассказывал о том, что происходит в осажденном городе, но и вспоминал о том времени, когда они были вместе, о том, как они ходили в Третьяковку, в театр и кино. Заканчивалось письмо лейтенанта строками: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля…»

Это был конец ноября 1942 года, канун Сталинградской битвы. Сталин, если и читал статью, то ему было не до того. Зато Светлана испугалась. Безусловно, ей льстила любовь взрослого, известного человека, мало того, он разбудил в ней вулкан страстей, о котором и сам еще не подозревал… Но она предугадывала реакцию отца.

«Люся возвратился из Сталинграда под Новый, 1943-й год. Вскоре мы встретились, и я его умоляла только об одном: больше не видеться и не звонить друг другу. Я чувствовала, что все это может кончиться ужасно. Он и сам был обескуражен, и говорил, что статью он посылал не для «Правды», что его «подвели друзья». Но, по-видимому, он и сам понимал, что мы привлекаем к себе слишком опасное внимание, и он согласился, что нам надо расстаться…

Мы не звонили друг другу две или три недели – весь оставшийся январь. Но от этого только еще больше думали друг о друге. Позже, через двенадцать лет, мы сопоставляли события: Люся говорил, что лежал это время на диване, никуда не ходил и только смотрел на стоявший рядом телефон. Наконец, я первая не выдержала и позвонила ему. И все снова закрутилось. Мы говорили каждый день по телефону не менее часа. Мои домашние были все в ужасе.

Решили как-то образумить Люсю. Ему позвонил полковник Румянцев, ближайший помощник и правая рука генерала Власика

– одна из тех же фигур, охранявших отца… Румянцев дипломатично предложил Люсе уехать из Москвы куда-нибудь в командировку, подальше… Люся послал его к черту и повесил трубку».

В последний день февраля, день рождения Светланы, когда ей исполнилось 17 лет, они с Каплером и неизменно следовавшим за ними по пятам дядькой Климовым – охранником, – пришли в пустую квартиру около Курского вокзала, где собирались иногда летчики – друзья Василия. Климов, умирая от страха от того, что творится и что ему за это будет, сидел в одной комнате, а они с Каплером были в другой. Что между ними там происходило, судить трудно. Светлана в своих книгах уверяет, что просто целовались, другие намекают на большее. Одни пишут, что они провели в той квартире всего лишь вечер, другие – всю ночь.

Через день за Каплером пришли. Его обвинили в связях с иностранцами, он и в самом деле с ними общался, знал в Москве всех иностранных корреспондентов, не раз бывал за границей. Приговор был мягкий – пять лет лагерей, причем он был фотографом и свободно бегал по городу. Правда, после отбытия срока, когда он приехал в Москву, что ему было запрещено, добавили еще пять.

А для Светланы эта связь стала концом ее близких отношений с отцом.

«3-го марта утром, когда я собиралась в школу, – пишет она в своих «Двадцати письмах к другу», – неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты… Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «Где, где это все? – выговорил он, – где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»…

«Мне все известно! Все твои телефонные разговоры – вот они, здесь! – он похлопал себя рукой по карману. – Ну! Давай сюда! Твой Каплер – английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения – на память о нем.

«А я люблю его!» – сказала, наконец, я, обретя дар речи.

«Любишь!» – выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову, и я получила две пощечины, – впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла!» – он не мог больше сдерживаться. – «Идет такая война, а она занята…!» и он произнес грубые мужицкие слова, – других слов он не находил… «Нет, нет, нет», – повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. – «Нет, нет, нет!»

«Как так – нет?!» – не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. – «Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя – кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами. У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку…»

Ни пощечин, ни этих слов Светлана отцу не простила.

Мужья и дети

В наше время многие писатели либерального толка, описывая этот роман, возмущаются реакцией Сталина, напоминая, что и сам он был не моложе Каплера, когда завел роман тоже с шестнадцатилетней Наденькой Аллилуевой. Забывают только, что Надежда не была дочкой вождя, что это Сталин, а не Сергей Яковлевич был одним из вождей революции, породниться с ним было честью, уж не говоря о том, что это сулило немалые выгоды. Во-вторых, у него не было ни жены, ни кучи любовниц, что, согласитесь, немаловажно для родителей. Так что сравнение явно не в пользу Каплера.

Забыла ли Светлана Каплера? Нет, и о том говорят их возобновившиеся на короткое время отношения после того, как он вернулся окончательно из ссылки. Но ее самолюбие, уязвленное словами отца о том, что у него кругом бабы, и их подтекст, что отношение к ней было вызвано лишь ее статусом дочери вождя, сделали свое дело. Через год она вышла замуж за Григория Морозова, который нравился ей еще со школы. Правда, с отцом они после скандала не общались несколько месяцев, он перестал приезжать обедать домой, как раньше, и стал уезжать на дачу в Кунцево, часто вместе с теми, кто его окружал. А Светлана позвонила ему лишь после окончания школы, чтобы сообщить: она окончила школу и собирается поступать на филфак МГУ.

– В литературу хочешь? Так и тянет тебя в богему! Они же необразованные все. И ты хочешь быть такой… Нет, ты получи хорошее образование, – ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, – литератору тоже это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь…

Светлана послушалась и, по ее словам, никогда об этом не жалела, считая, что учеба на истфаке помогла ей лучше узнать историю советского общества и сделать из нее свои выводы, которые категорическим образом отличались от взглядов отца.

Была и еще одна причина, помимо Каплера, которая резко негативно повлияла на ее отношение к отцу – еще в эвакуации в Куйбышеве она наткнулась на статью в английском журнале, который она читала для усовершенствования языка, где говорилось, что ее мать покончила жизнь самоубийством. Она бросилась к бабушке – Ольге Евгеньевне, к теткам, которые и открыли ей страшную правду. Их рассказы убедили ее в том, что в самоубийстве матери виноват отец. К тому времени уже погиб то ли от отравления, то ли от сердечного приступа Павел Аллилуев, были арестованы и расстреляны Станислав Реденс, Алексей и

Мария Сванидзе, так что, надо думать, на их интерпретацию самоубийства Надежды эти события наложили свой оттенок. Что касается брака, то против него Сталин уже не возражал, хотя жених ему и не нравился, причем вовсе не из-за национальности (Григорий Морозов был евреем).

– Слишком он расчетлив, твой молодой человек, – сказал он дочери.

Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, а он, видишь, в тылу окопался…

Почему-то Светлана ничем не оправдала своего «молодого человека». Она смолчала. Им дали квартиру в городе, в знаменитом «доме на набережной», чем они были вполне довольны. Со Светланиным мужем Сталин встречаться не стал, он сразу твердо сказал дочери, что этого никогда не будет. У Григория хватило ума ничего не требовать, он и так был устроен вполне прилично – учился в престижном Институте международных отношений, причин беспокоиться о своей карьере у него не имелось, тем более после женитьбы на дочери Сталина.

Увы, не так повел себя его отец. Иосиф Морозов был на семь лет моложе Сталина. За ним, как за новым членом семьи Сталина, было установлено агентурное наблюдение. Собирались сведения и о его прошлом. Ничего исключительного в этом не было – новые родственники глав государств проходят тайную проверку и в других странах. В результате выяснили, что настоящая фамилия отца Григория была Мороз. Он родился в Могилеве в богатой еврейской семье. Революционных заслуг у него не было, до 1917 года он в основном занимался коммерческой деятельностью, в период нэпа в 1921 году открыл в Москве частную аптеку. Однако за взятку налоговому чиновнику Мороз был арестован и провел год в тюрьме. Выйдя на свободу, решил, от греха подальше, прекратить коммерцию и стать скромным советским служащим, устроившись бухгалтером в государственное учреждение. Однако после женитьбы своего сына на дочери Сталина Иосиф Мороз, ставший Морозовым, изменил образ жизни. Он стал везде представляться старым большевиком и профессором. Родство со Сталиным позволило «старому большевику» войти в круг влиятельной советской элиты. Морозов стал встречаться с женой Молотова Полиной Жемчужиной, с Р. С. Землячкой (Розалия Залкинд) и с другими старыми большевиками, объединенными в Москве в «Общество старых большевиков», имевшее клуб и прикрепленное к элитным распределителям продовольственных и промышленных товаров. Он подружился также с академиком Линой Штерн, которая тогда возглавляла Институт физиологии Академии наук СССР. Штерн

назначила Морозова своим заместителем по административно-хозяйственной работе института. В разговорах Иосиф Морозов небрежно упоминал о своих мнимых встречах со Сталиным, который якобы регулярно приглашал его на приемы в Кремль, он стал часто отдыхать в правительственном санатории под Москвой «Барвиха», где еще более расширял круг своих связей.

Через три года брак Светланы с Григорием распался, Сталин был этим доволен, хотя, по словам Светланы, сам в дела молодых не вмешивался. Как покажет будущее, больше трех лет она не уживалась ни с одним из мужей.

За отцом бывшего мужа Светланы наблюдали еще несколько месяцев, а затем, в феврале 1948 года, он был арестован. По-видимому, он где-то открыто выражал недовольство якобы принудительным разводом сына и винил в этом Сталина. Иосифа Морозова обвинили в «клеветнических измышлениях против главы Советского государства», что подходило под статью 58–10 об антисоветской активности. Приговор, вынесенный без суда, заочно, через Особое Совещание при МГБ, был достаточно суровым: 15 лет тюремного одиночного заключения. Освободили его в апреле 1953 года по распоряжению Берии, с сыном которого Григорий Морозов поддерживал дружеские отношения и после развода со Светланой. На карьере самого Григория ни арест отца, ни развод со Светланой не отразились.

Между тем в 1945 году в молодой семье появился первенец, которого назвали Иосифом. Конечно же, в честь Сталина, хотя и Григорию обижаться было не на что – его отца звали так же. «Я беззаботно родила ребенка и не думала о нем – его растили две няни – моя и та, которая вырастила Яшину Гулю, мою племянницу».

Светлана бросает эту фразу походя, похоже, не задумываясь, какое впечатление она произведет на читателя. А впечатление остается. Мимоходом брошенная фраза проливает свет на многое, происшедшее позднее…

Светлана показала сына отцу уже после развода, когда тому было уже около трех лет, и он деду, неожиданно для нее, понравился:

«…Мой отец, из своих восьми внуков, знал и видел только троих – моих детей и дочь Яши. И хотя он был незаслуженно холоден всегда к Яше, его дочь Гуля вызывала в нем неподдельную нежность. И еще странней – мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа, (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) – вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой. Мальчику было около 3-х лет, он был прехорошенький ребенок, –

не то грек, не то грузин, с большими семитскими глазами в длинных ресницах. Мне казалось неизбежным, что ребенок должен вызвать у деда неприятное чувство, – но я ничего не понимала в логике сердца. Отец растаял, увидев мальчика. Это было в один из его редких приездов после войны в обезлюдевшее, неузнаваемо тихое Зубалово, где жили тогда всего лишь мой сын и две няни – его и моя, уже старая и больная. Я заканчивала последний курс университета и жила в Москве, а мальчик рос под «моей» традиционной сосной и под опекой двух нежных старух. Отец поиграл с ним полчасика, побродил вокруг дома (вернее – обежал вокруг него, потому что ходил он до последнего дня быстрой, легкой походкой) и уехал. Я осталась «переживать и переваривать» происшедшее, – я была на седьмом небе. При его лаконичности, слова: «сынок у тебя – хорош! Глаза хорошие у него», – равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека. Я поняла, что плохо понимала жизнь, полную неожиданностей. Отец видел Оську еще раза два – последний раз за четыре месяца до смерти, когда малышу было семь лет и он уже ходил в школу. «Какие вдумчивые глаза! – сказал отец, – умный мальчик!» – и опять я была счастлива.

Странно, что и Оська запомнил, очевидно, эту последнюю встречу и сохранил в памяти ощущение сердечного контакта, возникшего между ним и дедом… Портрет деда он поставил на своем письменном столе. Так он стоит вот уже несколько лет… И снова я вижу, что я плохо еще понимаю жизнь, полную неожиданностей…»

«А вот моя Катя, несмотря на то, что мой отец очень любил ее отца (как и всех Ждановых), не вызвала в нем каких-либо особо нежных чувств. Видел он ее всего раз. Ей было года два с половиной, такая забавная, краснощекая кнопка с большими темными, как вишни, глазами. Он рассмеялся, увидев ее, и потом смеялся весь вечер…»

Катя, «забавная, краснощекая кнопка», – стала плодом любви следующего брака Светланы – брака с Юрием Ждановым, сыном любимого соратника Сталина Андрея Жданова, правда, уже умершего к тому времени. Светлана пишет, что вышла она за Юрия без особой любви и чуть ли только не для того, чтобы угодить отцу. Однако не такой она была особой, чтобы даже ради отца смирять и насиловать свои чувства. Но чего не напишешь ради красного словца, а уж если произведение предназначено для продажи в «свободном, цивилизованном мире», то признаться в чувствах к сыну гонителя творческой интеллигенции, ненавидимого этой интеллигенцией едва ли не больше самого Сталина, конечно же, невозможно. А вот ее родственники и

знакомые говорят об их браке совсем другое. Так, Гуля, племянница Светланы и дочка Якова, запомнила ее счастливой невестой, примеряющей у зеркала роскошное белое платье. А они с няней любуются на нее – сияющую от счастья и все время повторяющую: «Мой Юрочка лучше всех!»

Актриса Кира Головко, которая в то время входила в одну компанию со Светланой и Юрием, тоже вспоминает, как Светлана надевала туфли на низком каблуке, чтобы не быть выше Юры, как просила найти для нее учительницу пения, потому что Юра – всегда душа компании, и поет, и играет, а она не умеет… Кира оказалась и одной из первых, кто узнал о их предстоящем разводе.

«…Как-то раз, когда я проходила Боровицкие ворота, меня кто-то окликнул по имени. От неожиданности я вздрогнула. Подняла глаза и увидела Светлану.

– Давай пойдем вместе, я хочу с тобой поговорить, – сказала она. Вид у нее был расстроенный. Дальнейшее я хорошо запомнила, потому что это был наш единственный разговор по душам…

– Кира, – начала Светлана, – мы разводимся…

Я была ошарашена. Мне казалось, что Юра и Светлана – это такая любовь! Ведь и пение, и туфли без каблуков – все это делалось ради Юры. И девочка родилась – видно было, что Светлана души в ней не чаяла.

(Теперь, когда по телевизору показывают Светлану, живущую в американском доме престарелых, оставленных ею детей, Катю, чья судьба сложилась особенно несчастливо, взгляд на события многолетней давности, конечно, меняется. Но я говорю о том, что было тогда, и не хочу подтасовывать свои ощущения задним числом.)

– Это мама Юры, – продолжала Светлана. – Она с самого начала была против того, чтобы он на мне женился. И вот сейчас все на грани катастрофы. Знаешь, дошло до того, что я даже кидалась к отцу!

– И что же он тебе сказал? – спросила я.

– Он сказал, что брак – это бесконечная цепь взаимных компромиссов, и что, если вы родили ребенка, то вам следует так или иначе семью сохранить.

– Ты рассказала Юре об этом разговоре?

– Да… Но это почти не подействовало… Мама его считает, что я загубила его талант как ученого и как пианиста…»

Там папа, тут мама, потом будет виновато правительство, система, в Америке – «сумасшедшая» миллионерша, сильно влияющая на Светланиного американского мужа… Словом,

ужасные личности и ужасные обстоятельства. Все и вся, только не она, не Светлана…

А отец после развода со Ждановым сказал ей: «Ну и дура! В кои-то веки попался порядочный человек, и не смогла его удержать».

Впрочем, кажется, что со Светланой ему все стало ясно еще после истории с Каплером. Дурные гены, унаследованные, как ему казалось, от Ольги Евгеньевны, возобладали, страстность и невоздержанность в отношении с мужчинами с тех пор определяли многие повороты в ее бурной жизни. К счастью для него, большинство их произошло уже после его смерти. Но и того, что он увидел, было достаточно. Ничего хуже и позорнее для восточного человека, каким все же оставался Сталин, несмотря на «отрыв от корней», чем подобное поведение дочери, не могло быть.

«С этого дня (когда произошел скандал по поводу Каплера, – *прим. авт.*) мы с отцом стали чужими надолго, – пишет Светлана. – Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде».

Чужими они стали не надолго, а на всю жизнь. Нет, отец продолжал ее любить, пусть и с надрывом, с горечью в душе, но выводы были сделаны раз и навсегда. К тому же теперь для него стал очевиднее характер Светланы, к становлению которого, надо признаться, он сам приложил руку. Наверно, стала понятней и ее внутренняя сущность – эгоцентризм и абсолютная чуждость взглядов и устремлений. В отличие от сына, который, несмотря на все свои «зигзаги», всегда хранил верность ему и его идеям. Как признается сама Светлана, после войны он не раз повторял ей:

– Скажи Ваське: Васька, прыгай в огонь! – он прыгнет, не думая. А ты – не-ет! Будешь раздумывать. У-у, дипломатка! Все думает что-то, никогда сразу не ответит!

Брак с Юрием Ждановым, казалось, дал отцу некоторую надежду на лучшее, он даже, видимо, начал мечтать о совместной жизни, о большой семье с детьми и внуками, начал пристраивать к даче второй этаж, но и сам быстро понял бесполезность этой затеи. Светлана хотела свободы, свободы во всем, а отец – единственный человек, которого она боялась, – эту свободу ограничивал уже одним своим существованием. Поэтому и смерть его для нее стала, скорее, освобождением, чем утратой, и разоблачение «культа личности» не стало той трагедией, от которой хотелось бы умереть.

Освобождение было, в том числе, и от нравственных ограничений. Недолгий брак с Джонридом Сванидзе, Джоником,

дальним родственником и известным диссидентом тех лет, распался очень быстро – по причине ее многочисленных измен, о которых ему быстро становилось известно. Может, не очень-то она их и скрывала? Не Джоника же ей бояться… А того, кого боялась, уже нет на этой земле.

«…Разве могла бы я раньше жить так свободно, передвигаться без спроса, встречаться с кем хочу? Разве могли бы мои дети раньше существовать так свободно и вне докучливого надзора, как живут они сейчас? – задает Светлана риторические вопросы. Ответ для нее очевиден: – Все вздохнули свободнее, отведена тяжелая, каменная плита, давившая всех».

Почему же эти «все» рыдали так безутешно, получив право жить свободно, освободившись от «тяжелой, каменной плиты, давившей всех»? Может, дело в том, что «все» для Светланы – был лишь круг ненавидимой ей номенклатуры да круг либеральной творческой интеллигенции, той «богемы», которую так не любил ее отец, но которая ей представлялась обществом лучших людей, противостоящих кругу правительственных чиновников? О «всех» в истинном значении этого слова, то есть о народе, о его жизни, надеждах и чаяниях она и понятия не имела и, кажется, всерьез не задумывалась никогда.

К этой же мысли пришел и Юрий Мухин, написавший в предисловии к своей новой книге «СССР – потерянный рай»: «…то сообщество деятелей, которые разрушили мою Родину, это не просто подлые дегенераты, эти люди, кроме прочего, не представляли, ни что они разрушают, ни как это отзовется на людях и на них самих». На людей, в смысле – на народ – им было просто наплевать. Всегда. И при советской власти, и теперь – при милом их сердцу «обществе всеобщей конкуренции». Они же о свободе мечтали. О свободе для себя. А о народе пусть Сталин думает. Он и думал, пока был жив.

…После Джоника для Светланы наступил долгий период жизни, в которой мужчины появлялись лишь как предмет любовных увлечений. Этих увлечений было много, ее знакомым и родственникам казалось, что слишком много. Тем не менее, ее душевное состояние резко ухудшалось, наступила депрессия, появились даже мысли о самоубийстве. Конечно, были дети, причем, судя по ее книгам, в их отношениях была едва ли не полная гармония. Однако ее сын, Иосиф Аллилуев, почти никогда не дававший никаких интервью ни о матери, ни о своем деде, все же однажды проговорился: «Катю она больше любила. В отношении меня это был сплошной мордобой. Как-то, когда я уже учился в школе, она разгневалась из-за сломанного дверного замка и запустила мне в голову молоток. И если бы я не

пригнулся, мы бы сейчас не разговаривали…» Так что не только у Василия были вспышки неукротимого гнева, когда темнеет в глазах и теряется ощущение реальности. Но Василий был добр и отходчив, не в пример Светлане.

По совету, кажется, Синявского, она решила обратиться к Богу, стала ходить в церковь, даже исповедываться. К счастью, ей попался хороший священник, с которым у нее возник душевный контакт. Однажды он ее спросил строгим голосом:

– Ты сейчас одна? Есть кто-то около тебя?

Светлана даже растерялась от столь прямого вопроса и отрицательно мотнула головой.

– Не спеши, – батюшка несколько смягчил тон. – Ты все спешишь, и от этого все твои беды. Вот подожди, скоро явится князь заморский…

Батюшка не обманул. Князь заморский явился.

Осенью 1963 года Светлана легла в правительственную больницу в Кунцеве, чтобы удалить миндалины. Ее положили в отдельную палату, правда, в столовую она ходила вместе со всеми. Еще ходила в больничную библиотеку. Почему-то тогда ее интересовала Индия. Она читала «Махабхарату», Веды, книги о Махатме Ганди и Неру. Наверно, поэтому, когда она узнала, что седой, сутулый мужчина в очках с тампонами в носу – коммунист из Индии по имени Сингх Браджеш, она и решила с ним заговорить. Ей хотелось поговорить о прочитанном. Кроме того, в больнице было просто скучно (Светлане почему-то почти всегда было скучно). И публика скучная – партийные функционеры и их столь же скучные жены. Тех и других она терпеть не могла, тем более что многие из них тайком старались выразить ей сочувствие и сказать теплые слова о ее отце. Никто из них и представить не мог, что она-то вовсе о нем не грустила. Ей казалось, будто она ненавидит не его, а созданную им систему, но по тем книгам, что она позднее напишет, этого не скажешь. Слишком часто кажется, что речь идет лишь о мести – за униженное самолюбие, за вынужденное смирение и притворство, за то, что внутренне отодвинул ее от себя и предпочел ей хотя бы в чем-то брата. И брата возненавидела, не находя для него никаких добрых слов в своих книгах, только его виня за все случившееся с ним – и за тюрьму, и за ссылку, но, может быть, сильнее всего за его верность отцу и за его презрительные слова о себе: «Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра. Я никогда не отказывался и не откажусь от отца. Ничего общего у меня с ней не будет».

Даже на похороны Василия в Казань она не поехала, хотя потом и описывала их, будто на самом деле там была. Стоит ли

удивляться ее душевному нездоровью? Конечно, наследственность наследственностью, но и предательство близких людей Бог, к которому она вроде бы обратилась, не прощает и не оправдывает. В своей яро антисоветской книге «Только один год», она вспоминает слова священника: «Ты своего отца не суди… Господь выравнивает и исправляет ложное. А тебе – нельзя, ты – дочь». Она почему-то считает, что последовала этим советам, каждым своим словом их опровергая…

Правда, до этой книги еще далеко, но уже написаны «Двадцать писем к другу». Может, из-за этого было у ней так плохо на душе, а мягкая улыбка индийского раджи, его естественное спокойствие, раскованность, доброжелательность так привлекали…

Так или иначе, они познакомились и стали проводить в беседах много времени, вызывая недоуменные, а то и явно неодобрительные взгляды больничной публики. Однако они не обращали на нее внимания – им было интересно и хорошо вместе. Особенно хорошо это общение действовало на Светлану – она чувствовала, как оттаивает, как уходит куда-то депрессия, как тает постоянное напряжение и в мятущуюся душу приходит покой.

После больницы их обоих направили в санаторий в Сочи, где было все еще тепло и благоухали розы, хотя на дворе была уже глубокая осень. Они подолгу гуляли по городу, любовались морем, ходили на рынок, часами сидели в маленьком ресторанчике на берегу, наслаждаясь приятным легким вином и искусно приготовленными дарами моря. Иногда заходили в православный храм, где шла служба. Индийцу она понравилась своей красотой и душевностью. Сингха иногда отрывали от Светланы, предлагая, вместе с другими индийскими товарищами (в СССР отдыхала тогда целая группа индийских коммунистов), присоединиться к какому-нибудь запланированному идеологическому мероприятию, вроде поездки в чайный совхоз или посещения школы, где дети непременно повязывали иностранным гостям красный галстук. Он ни от чего не отказывался, относясь ко всему с неизменным индийским спокойствием и добродушием. А Светлане выговаривали за ее слишком тесные связи с иностранцами, пусть и коммунистической направленности. Но она, конечно, и не думала прислушиваться.

После возвращения в Москву пришло время отъезда Сингха в Индию. Он обещал ей вернуться в течение ближайшего времени – они уже не представляли жизни друг без друга. Он решил, что устроится в Москве переводчиком в какое-нибудь издательство.

Два его брака к тому времени остались в прошлом, он был свободен и очарован Светланой. С ее детьми у него тоже установилось полное взаимопонимание и прекрасные отношения, это подтверждал впоследствии и Иосиф, считая, что Сингх был тем человеком, с которым у его матери, проживи он подольше, может быть, и получился бы наконец счастливый брак. Возможен ли был для нее счастливый брак в принципе? Но это риторический вопрос, на который жизнь не дала ответа.

Итак, Сингх уехал, а возвратиться оказалось совсем не просто – официальные органы изо всех сил затягивали с решением вопроса. Светлана для них оставалась дочерью Сталина, возле которой были возможны любые провокации со стороны иностранцев. Она даже ходила к Микояну с просьбой разрешить этот вопрос, Микоян всегда хорошо к ней относился, перед XX съездом именно он заранее дал ей прочитать доклад о пресловутом «культе личности», чтобы она была морально готова к предстоящим событиям. Тогда она ему сказала, прочитав доклад: «К сожалению, все это очень похоже на правду». После Куйбышева, где она узнала о самоубийстве матери, и рассказов об этом бабушки и теток с их комментариями, после истории с Каплером, она была вполне готова считать отца негодяем и даже преступником. Микоян и здесь отнесся к ней с пониманием и обещал помочь. Он сдержал свое обещание, несмотря на то, что ситуация в стране к тому времени переменилась, Хрущева уже отодвинули от власти и послали на пенсию. Микоян, близкий его соратник, тем не менее, остался у власти, хотя его влияние существенно уменьшилось. Он помог Сингху получить приглашение в СССР, которого они со Светланой так долго добивались.

Весной 1965 года Сингх приехал в Москву. Иосиф со Светланой встречали его в аэропорту, Иосиф же и предложил матери везти Сингха не в гостиницу, а сразу к ним домой. Сингх попытался их предупредить:

– Подумайте хорошо. Я очень болен, я не хочу стать вам обузой… Я еще не подписал контракт и могу поехать к друзьям в Югославию.

Но Светлана решительно сказала:

– Глупости. Едем к нам, домой.

Наверно, если бы он поехал в Югославию, он прожил бы дольше, все же климат там значительно лучше. Москва же с ее морозами, промозглой сыростью совершенно не подходила как место жительства для Сингха с его застарелым хроническим бронхитом. Зато для Светланы этот период стал временем душевного покоя и тихого счастья. Однако регистрировать брак

правительство им не разрешило. Почему? Уже тогда предугадывали ее намерение уехать за границу, что ей было бы гораздо проще, если бы она стала женой иностранца? Скорее всего, такую возможность просчитывали, предполагая, какую бурю возмущения могла вызвать в душе дочери кампания очернительства ее отца, поднятая Хрущевым. Собственно, Косыгин, к которому ее пригласили на прием, так ей об этом и сказал:

– Мы понимаем, вам было трудно в то время. Но мы не собираемся продолжать гнилую линию Хрущева. Мы собираемся принять кое-какие решения, и вам надо занять достойное место в коллективе. Мы вам поможем…

Косыгину, сталинскому наркому, навсегда сохранившему уважение к великому вождю, и в голову не приходило, что у дочки-то Сталина совсем другие взгляды и на отца, и на советскую власть, и на советскую идеологию. Что не работает она вовсе не оттого, что ее, как дочь Сталина, травят в коллективе – ее коллеги, либеральные советские интеллигенты, уже тогда в душе присягнувшие Западу, давно считали Светлану Аллилуеву своей. Неужели не знал Косыгин о ее романе с Синявским, о других ее друзьях и подругах из того же круга? Очевидно, не знал. Но ведь КГБ-то знало, и в правительстве многие знали о ее похождениях и связях. В общем, не того человека попросили беседовать со Светланой и даже почему-то не снабдили нужной информацией. В результате Светлана Косыгина возненавидела, о чем она и писала впоследствии, и говорила в своих интервью.

Сингх тоже был обескуражен отказом, он многого не понимал в устройстве советской жизни, наверно, и историю-то страны плохо знал. Он очень переживал, состояние его ухудшалось, периодически он ложился в больницу, где его, как казалось Светлане, перегружали лекарствами. Дни его были сочтены.

Светлана снова обращается к властям, на сей раз к Брежневу. И ее снова принимают. Не Брежнев, конечно, но Суслов – главный идеолог страны. Вначале он напомнил ей об отце, сказав, что тот никогда бы не разрешил ей выйти замуж за иностранца. (Вряд ли тут Суслов был прав. Сталин был не чета ни Суслову, ни всему брежневскому политбюро по уму и смелости решений. Он не был догматиком. Увидев, что индиец благотворно действует на дочь в смысле ее душевного здоровья и равновесия, он вряд ли стал бы препятствовать их браку. К тому же, не стоит забывать, что Сингх был коммунистом.) Потом сказал, что за границу Светлану никто не выпустит, там на нее набросятся корреспонденты, возможны всяческие провокации, а Сингх, если хочет, пусть уезжает один.

– Но он болен, ему нужен уход. Он, может быть, скоро

умрет! – восклицала она в отчаянии.

– Умрет так умрет, – равнодушно сказал Суслов. – Он больной человек…

Через неделю Сингх умер. Он умер на рассвете, тихо и спокойно, как умирают праведники. И не только в Индии.

Но даже из потустороннего мира Сингх помог ей. Он завещал кремировать себя, а прах бросить в реку. «Религиозная церемония не нужна», – написал он в своей записной книжке.

– Какую реку ты имеешь в виду? – спросила его Светлана, прочитав эту запись, написанную им задолго до смерти. Улыбнувшись, он, как и подобает индийскому философу, видящего мир во всей его всеобъемлющей цельности, сказал, что на самом деле все реки впадают в один океан. Хотя ему, конечно, хотелось бы, чтобы это был Ганг.

Она снова обратилась к властям, ее снова принял Косыгин, на сей раз очень быстро давший ей разрешение на поездку в Индию, чтобы она смогла развеять прах мужа над Гангом. Косыгин, порядочный человек, чувствовал себя виноватым перед ней – прошлый раз он, обремененный огромной ношей сложнейших государственных проблем, не разобрался в ситуации, не изучил ее, а теперь вот человек умер.

1 ноября 1966 года Сингха кремировали, а уже через десять дней Светлана получила на руки паспорт с индийской визой на один месяц. Еще через две с половиной недели она вылетела в Дели к племяннику Сингха, который выслал ей приглашение. Всё. Она вырвалась, добилась того, чего так желала долгие годы. В СССР она больше не вернется (не считать же возвращением ее недолгое пребывание здесь в 1984–85 годах).

Потом во всех своих книгах Светлана будет писать, что она и не думала о невозвращении, улетая из Москвы, прощаясь с детьми и друзьями в Шереметьеве, что такие мысли пришли к ней только в Индии. Трудно сказать однозначно, так это или нет. Если бы она не являлась столь импульсивной и непредсказуемой особой, то можно было бы сказать, что линия ее поведения четко говорит об обратном. В самом деле – ну, вроде бы достаточно случайно познакомилась с индийским коммунистом. Пусть он показался интересным, спокойным и мудрым человеком, с которым ей было интересно общаться… Не будем говорить, что он был некрасив и невзрачен на вид, но он был достаточно пожилым и больным человеком. Такой ли муж нужен женщине бальзаковского возраста (Светлане было на момент знакомства 36 лет) с ярко выраженной, едва ли не агрессивной сексуальностью? Да, благодаря его мудрости и душевному равновесию, они со Светланой, по свидетельству очевидцев, на удивление хорошо ладили. Однако для него это кончилось смертью. Разве не было очевидно сразу же, что климат России, холодный и часто сырой,

для него не подходит? Надо ли было тащить его, неизлечимо больного, из теплой, родной ему Индии? Стоило бы подумать о его здоровье, если так велика была любовь. Всего лишь не слишком горячо настаивать на приезде, и он бы не приехал. Неужели за почти два года разлуки ее чувства не остыли? Тут же невольно вспоминаются Каплер, Серго Берия, забытые почти мгновенно…

И все же поверим, что решение не возвращаться в СССР пришло неожиданно и спонтанно, уже в Индии, что виной тому стало неуклюжее поведение сотрудников советского посольства, слишком плотно ее опекавших, не желавших продлевать ей визу. Но ведь продлевали же…

Так или иначе, однажды вечером, после того, как она пробыла в Индии почти три месяца, после того, как она развеяв прах Сингха над Гангом, как он того желал и пробыв на его родине, в его деревне, у его родственников более двух месяцев, возвратилась в Дели, чтобы оттуда вернуться в Москву, она собрала маленький чемоданчик и, вызвав такси, отправилась в американское посольство. Думала ли она в тот момент об оставляемых навсегда детях? Она уверяет, что думала, однако отвращение к советской действительности, к советской жизни с ее часто глупыми и нелепыми ограничениями было сильнее. Да и когда дети были для Светланы важнее, чем ее желания, когда их, детей, существование накладывало на нее хоть какие-то ограничения?

Она оправдывала себя: «Если я не вернусь в СССР, жизнь моих детей не изменится: она слишком хорошо налажена, они дружны втроем (Ося к тому времени был уже женат, – *прим. авт.)*, они будут продолжать работать. У них кругом любящие друзья, их отцы сделают все возможное, чтобы помочь им. Осин отец – известный в Москве специалист по международному праву и внешней политике. С тех пор как мы расстались, он всегда мечтал принимать участие в жизни сына: у него нет других детей. Катин отец – ректор одного из крупнейших в СССР университетов, доктор биохимии. Катя дружна с ним, хотя он живет в Ростове, где у него другая семья и маленький сын. Но это не мешает их общему интересу к точным наукам. Несомненно, он поможет ей в дальнейшем образовании. Детям даже полезно, наконец, расправить собственные крылышки. Моему сердцу будет не хватать их, но им я не так уж необходима».

Светлана, как всегда, когда речь шла о чувствах других людей, которых она так и не научилась понимать, ошиблась. Для детей ее невозвращение стало тяжким ударом, ожесточивших их, особенно Катю, которая стала с ней переписываться, только когда

постарела сама. Они восприняли поступок матери как предательство не только по отношению к стране, к Родине, но и к ним. И дело отнюдь не в советской пропаганде, которую она обвиняла, думая, что именно пропаганда виновата в том, что дети ее не поняли, – нет, дело было только в том, что она их оставила, бросила, не подготовив их к своему шагу, не объяснившись с ними. И они в очередной раз увидели, что ее собственная жизнь, стремление к какой-то эфемерной свободе, к собственному успеху для нее дороже, чем они и их жизнь.

Еще в Индии, в Калаканкаре, на родине Сингха она получила письмо от Оси:

«Мамочка, милая, здравствуй! Получил твое письмо и телеграмму. Очень удивлен тем, что ты не получила ту телеграмму, которую я послал тебе. Я думаю, что она где-нибудь потерялась… У нас все прекрасно. Обеденную книжку мы получили по твоей доверенности, а в остальном все не так уж плохо, за исключением того, что Катя очень по тебе тоскует. Я тоже очень скучаю по тебе и очень хочу тебя видеть… В общем, все очень хорошо, за тем исключением, что мы очень скучаем по тебе. Очень нам без тебя плохо. Приезжай, пожалуйста!»

Она не приехала. Ни Катина тоска, ни деликатные уговоры сына, словно уже почувствовавшего, что что-то не так, ее уже не могли остановить.

Она мечтала быть писательницей, ее книга «Двадцать писем к другу» была уже с помощью Сингха передана в Индию. Но кому в Индии, дружественно настроенной к Советскому Союзу и не желающей с ним ссориться, с ее достаточно аполитичной интеллигенцией, были нужны недобрые воспоминания дочери Сталина? Другое дело – Запад. И Светлана это прекрасно понимала. Еще из Дели ей помогли переправить книгу в США, где ее прочитал бывший посол США в СССР Джордж Кеннан. Книга ему понравилась. Это известие ее окрылило и еще более укрепило в ее решении. Стать знаменитостью, выйти из тени своего великого, но такого непростого, такого чуждого ей душевно и духовно отца – эта мечта ее согревала и манила.

«Кроме любви к детям и привязанности к друзьям, меня не звало назад ничего. Вся моя жизнь была лишь отмиранием корней, – непрочных, нереальных. Я не была привязана ни к родичам по крови, ни к Москве, где родилась и прожила всю жизнь, ни ко всему тому, что меня окружало там с детства».

«Ты своего отца не суди, – сказал ей когда-то мудрый священник в Москве, – …тебе – нельзя, ты – дочь».

Но она судила. Она развенчивала и осуждала. Иначе нельзя было здесь, на Западе, где именно этого от нее и ждали, именно

поэтому купили ее, в общем-то, совершенно непримечательную в творческом отношении маленькую книжонку воспоминаний за полтора миллиона долларов, обеспечив надолго безбедное существование.

«Если бы судьба дала мне родиться в лачуге безвестного грузинского сапожника! Как естественно и легко было бы мне, вместе с другими, ненавидеть того далекого тирана, его партию, его дела и слова… Но нет, я родилась его дочерью, в детстве – любимой. Моя юность прошла под знаком его неопровержимого авторитета; все учило и заставляло меня верить этому авторитету, а если было столько горя вокруг, то мне только оставалось думать, что другие были в этом виноваты. Двадцать семь лет я была свидетелем духовного разрушения собственного отца и наблюдала день за днем как его покидало все человеческое и он постепенно превращался в мрачный монумент самому себе… Но мое поколение учили думать, что этот монумент и есть воплощение всех прекрасных идеалов коммунизма, его живое олицетворение…».

«Павлика Морозова из меня не получилось», – будет потом, через много лет повторять она, словно убеждая не людей – саму себя, что не продалась за тридцать серебряников. Продалась, и ни причем тут Павлик Морозов – несчастный мальчишка, погибший страшной смертью, и виновный лишь в том, что встал на сторону матери, подтвердив ее показания против отца, бросившего ее с четырьмя детьми и жившего на их глазах в той же деревне весело, разгульно и пьяно. Не Светлане Аллилуевой, никогда и ни в чем не знавшей нужды, не знавшей ни своей страны, ни ее тяжелой, трагической и героической жизни, порицать Павлика Морозова и сравнивать себя с ним. Так же, как с кем бы то ни было из этой страны – из ненавидимой ею, по ее же словам, России.

«Пятьдесят лет партия старалась истребить все мыслящее в России, свести к нулю интеллектуальную жизнь, похоронить память о свободах, существовавших при царях, отбить вкус к политической активности у многомиллионного народа, обманутого, ослепленного, обреченного на рабский труд ради куска хлеба. Эти миллионы малограмотных тружеников были приучены веками страдать и верить в правоту «царя-батюшки», клонить голову перед ярмом и кнутом».

Кремлевской ли жительнице, никогда не выезжавшей, кроме как на Черноморское побережье, за пределы Московской кольцевой дороги, не знавшей ни России, ни ее народа, об этом народе писать? Она говорила потом, на короткое время возвратившись в СССР, что не она и писала, что все порочащие нашу страну строки, написаны авторами из ЦРУ. Но подпись-то

стоит ее! К тому же в одной из последних книг она описывала, как занималась правкой этого своего самого антисоветского произведения под названием «Только один год». Занималась с наслаждением. Так что верить Светлане Аллилуевой можно, как Никите Сергеевичу, с очень большими оговорками и очень большими сомнениями. Ее сочинения буквально пропитаны ложью, от описания ее якобы идиллических отношений с детьми до ее отъезда в Индию (стоит только вспомнить о молотке, летевшем в голову Иосифа) до политических взглядов и описания денежных вопросов.

Однако стоит ли описывать ее заграничную жизнь, сплошь состоявшую из метаний из одного места в другое в поисках неведомо чего? Новое замужество за американского архитектора Вэса Питерса, рождение американской дочери Ольги, которую она сознательно не научила ни одному русскому слову, «чтобы та чувствовала себя стопроцентной американкой, а не иммигранткой»? Ее разочарование в «свободном мире» и западной демократии? Ее короткое возвращение в Советский Союз, по ее словам, – для того, чтобы увидеть детей и близких людей и воссоединиться с ними, а по словам ее сына Иосифа – оттого, что кончились деньги, а Ольге нужно было дать образование? Воссоединения не получилось, она рассорилась со всеми и восстановила против себя практически всех, кто встречался на ее пути. Все это не безынтересно, но достаточно отвратительно и муторно.

«Вы нигде не будете счастливы», – сказал ей когда-то, давным-давно Зиновий Гердт. Так оно и оказалось. Но жизнь ли, предоставлявшая ей столько возможностей для счастья, в этом виновата?

Мужей потом в ее жизни будет еще несколько, еще больше любовников, но никто не разделит с ней жизнь. Никто. Исследовательница подробностей жизни и судеб кремлевских обитателей писательница Лариса Васильева составит список Светланиных мужчин, причем, судя по литературе, он далеко не полон. И, тем не менее, впечатляет. Судите сами:

«Мужья и возлюбленные Светланы Сталиной – словно вехи ее фантасмагорической жизни: невысокий, полнотелый московский ловелас Алексей Каплер; первый муж – красивый, умный и серьезный Григорий Морозов, школьный приятель Светланиного брата Василия; кремлевский сын Юрий Жданов, ученый: кто говорит – блестящий, кто – скучный человек; троюродный брат Светланы Джоник Сванидзе, человек с феноменальной памятью, о котором его мать в детстве неосторожно сказала: «Ты такой умный, что когда вырастешь, будешь у нас вместо Сталина»;

диссидент Андрей Синявский, известный как писатель Абрам Терц, чьи «Прогулки с Пушкиным» стали интересной попыткой восхищения гением через отрицание; знаменитый врач Вишневский; математик, сын художника Томского; галантный Дмитрий Писаревский, редактор журнала «Искусство кино»; некто Феликс Широков; знаменитый поэт Давид Самойлов; индийский аристократ и коммунист Радж Бридж Сингх; американский архитектор, статный красавец Питерс…»

«Кого искала Светлана во всех этих и других приписываемых ей мужчинах?..» – спрашивает Васильева. Но ответа на свой вопрос не находит.

Послесловие

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Эти героические стихи Ольга Берггольц написала во время войны, в блокадном Ленинграде. Могла ли она представить, что внуки завидовать не будут? Что внуки ее просто не поймут. Потому что такие понятия как сила духа, смерть за Родину в наши дни не могут вызвать у большинства молодых людей ничего, кроме недоумения или презрительной ухмылки: «Совки!» Эти понятия им недоступны. Как недоступны и тем, кто сегодня заведует идеологией государства, занимает ведущие позиции на этом поле – всей нашей либеральной рати, абсолютно чуждой по своему духу и менталитету народу, который они пытаются учить и воспитывать. Однако надо сказать честно, значительную часть молодежи им все же удалось научить и воспитать в нужном духе – тех, кто бегает за «Клинским» и старается брать от жизни все. Впрочем, их можно понять – если Родину представляют Абрамовичи с их футбольными клубами и яхтами да Ксюши Собчак с обитателями «Дома-2», то за такую Родину умирать просто глупо. Но и умирать за Родину ГУЛАГов и «штрафбатов», в которую теперь превратили героическую страну их отцов и дедов, по их мнению, было не менее глупо.

Когда-то Федор Иванович Тютчев говорил, что история – это единственный защитник России на ее таинственных путях. А два других крупнейших гения XIX века – Федор Михайлович Достоевский и Константин Николаевич Леонтьев – предупреждали: грядущий век лишит русский народ его истории. И вместо настоящей истории, которую зароют в землю, нам предложат суррогат. Именно так все и происходит.

Интересно, понимают ли те, кто стоит ныне во главе государства, к чему в конце концов приводит политика поливания грязью своей истории, своего прошлого? Слышали ли они старинную мудрость: тот, кто презирает свое прошлое, не имеет будущего? Или свое будущее они с «этой страной» не связывают?

Но у нас-то, в отличие от этой самозванной «элиты», и прошлое, и настоящее, и будущее здесь. У нас другой страны нет. Потому и бьемся мы над нашими вековечными, неизменными

вопросами: кто виноват и что делать?

Варианты ответов уже перечислялись. Но есть и еще одна причина. Не случайно Сталин сказал в конце своей жизни знаменитую фразу: «Без теории нам смерть, смерть, смерть». Теории построения нового общества не было. Первый раз в мировой истории появилось государство, выбравшее себе иной путь развития, иные принципы своего существования, иные принципы отношений между людьми, среди которых главный – социальная справедливость на базе общественной собственности на средства производства. Все приходилось делать впервые, с нуля, поэтому ошибок объективно избежать было нельзя. И Сталин, при всем его могучем уме и государственной воле, как уже говорилось, был не богом, а человеком, который тоже мог ошибаться. И ошибался. Не проклинать бы, не отрицать, но и не восхвалять его и наше прошлое, не зная меры, а анализировать, учиться на ошибках, исправляя их, и использовать лучшее, которого было много. В частности, воспитание молодежи. Воспитание героев, которыми становились обыкновенные люди в массовом порядке.

Именно сила их духа создала великую державу, спасла в ту страшную войну и страну, и блокадный Ленинград, и жизнь тех, кто остался в живых. Как пишет уже не раз поминавшийся здесь публицист Павел Краснов, «Очень характерный признак этого состояния – сильнейший духовный и энергетический подъём, который как награду за силу духа даёт неописуемое ощущение высшего Счастья…

Происходит настройка человеческих душ на Героическую Волну, и выходит Героическая Симфония. И вчерашний школьник, балбес и хулиган, пишет кровью в подвале Брестской Крепости «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!» Вхождение нашего народа в состояние Героя происходило в конце 30-х, начале 40-х годов, и эта настройка была возможна благодаря железной воле и необычайной силе духа Иосифа Сталина, «заразившего» этим состоянием весь народ…»

Да, благодаря железной воле и силе духа Сталина народ был объединен в единое целое, но на подвиги его вдохновляла великая идея, положенная в основу жизни общества. Это сейчас либералы каждый день со всех экранов ТВ и страниц газет уверяют нас, что самая большая ценность на свете – человеческая жизнь, а наши отцы и деды думали иначе. Для них дороже жизни была Родина и вот эта великая идея, а если было бы иначе, если бы в войну каждый считал свою жизнь самой большой ценностью на свете, мы бы никого не победили. Потому что только великая идея придает высший смысл и жизни и смерти. Когда она

теряется, тускнеет, исчезает, тогда все приходит в упадок, все рассыпается и загнивает.

Что и произошло с нами. Ведь не может быть высший смысл заключен в шикарной яхте, автомашине или миллионе долларов! Это не просто мелко, это ничтожно. Что уж говорить о «гуляше на каждом столе», который для Хрущева был олицетворением коммунизма! Не могла страна после этого, после того, как у нее отняли великую идею – смысл ее созидания и существования, – оставаться великой, сильной и могучей. Она не могла не исчезнуть. И уже второй вопрос – было это сделано со злым, предательским умыслом или по причине мелкости и ничтожности души тех, кто стоял у власти, души, в которой забота о жизненных благах затмила стремление к высшему.

Прекрасно понимал это и сам Сталин. Как вспоминал его бывший зять Юрий Жданов, «Сталин с тревогой наблюдал за процессами общественной эволюции, фиксируя отход актива партии от теории, засилье догматизма и узкого практицизма. Он настойчиво подчеркивал (во время упомянутой выше беседы со мной в 1947 году в Сочи): «Главное в жизни – идея. Когда нет идеи, то нет цели движения; когда нет цели – неизвестно, вокруг чего следует сконцентрировать волю».

При жизни Сталина теорию развития социалистического общества разработать не успели, его главную, высшую идею сначала потеряли за узким практицизмом Хрущева, затем, его же стараниями, дискредитировали «преступлениями сталинского режима», потом надежно похоронили под завалами сусловского догматизма. Путь для Горбачева с его перестройкой и туманными «общечеловеческими ценностями» взамен общества с сияющей идеей мирового счастья и социальной справедливости был открыт.

Детям Отца народов – героическому поколению – досталась тяжкая судьба. Большая часть их погибла в войну, однако оставшиеся успели, еще при Сталине, восстановить страну, создать мощное оружие, позволившее обеспечить государству несколько мирных десятилетий, и, в конце концов, первыми в мире послать человека в космос. Единицы из них, дожившие до наших дней, частью с бессилием и болью наблюдают за гибелью страны, частью, потеряв все ориентиры и мировоззренческие основы, растерянно голосуют за «Единую Россию» и сегодняшнюю власть.

Еще трагичнее сложилась жизнь личных детей Сталина. Погиб в концлагере его старший сын Яков, выбравший смерть, но не пошедший на предательство. Хрущевская система уничтожила Василия, оставшегося верным отцу. А вот любимая дочь вождя,

которой его дело и его идеи были чужды и недоступны, отца предала. Зато она нашла общий язык с Никитой Сергеевичем, который ей оказался близок, понятен и приятен. И совсем не случайно, что она так же, как и дети Хрущева, доживает свой век на Западе, и так же, как и они, ненавидит Родину, ненавидит социализм и коммунистические идеи.

Но вовсе не за «тоталитаризм». Просто предатели всегда ненавидят тех, кого предали.

Литература

Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Новый Мир, 1991, № 5.

Алексашин М. Последний бой Василия Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 1995.

Аллилуева К. П. Племянница Сталина. М.: Вагриус, 2006.

Аллилуева С. И. Далекая музыка. М.: Новости, 1992.

Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М.: Известия, 1990.

Аллилуева С. И. Книга для внучек. Октябрь, 1991, № 6

Аллилуева С. И. Только один год. М.: Книга, 1990.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990

Баландин Р. Завещание Ленина. М.: Алгоритм, 2009.

Берия С. Л. Мой отец Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Васильева Л. Дети Кремля. М.: АСТ, 1997.

Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 2008.

Волков В. В. Покорение воздушного пространства и техники личности сталинского времени. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, Летний сад, 2006.

Галин В. Ответный сталинский удар. М.: Алгоритм, 2008.

Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич, 1998.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная… М.: ООО «Дельта НБ», 2004.

Грибанов С. Хроника времен Василия Сталина. М.: Гея итэрум, 1999.

Громыко А. Памятное. М.: Политиздат, 1990.

Джугашвили-Сталина Г. Я. Внучка вождя: дед, отец, Ма и другие. М.: Вече, 2003.

Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции. М.: Эксмо, 2003.

Елисеев А. Кто развязал “Большой террор»? // Наш современник, 2005, № 3.

Жуков Г. Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс, 2002.

Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус.

Иосиф Сталин в объятиях семьи: Документы. Родина, 1993.

Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001.

Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. Харьков:

Метафора, 1990.

Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск: Русич, 2001.

Литвиненко В. Правда сталинской эпохи. М.: Алгоритм, 2008.

Макаренко А. Педагогическая поэма. М.: ИТРК, 2003.

Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: НТЦ «Техноэкс», 1992.

Манцуров Ю. Сталин – сын Сталина. www.km.ru, от 12 апреля 2005.

Мартиросян А. 200 мифов о Великой Отечественной. М.: Вече, 2007–2008.

Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001.

Миронин С. Сталинский порядок. М.: Алгоритм, 2007.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берии.

Назаров М. Тайна России. М.: Русская идея, 1999.

Пилкингтон Х., Омельченко Е. Глядя на Запад. М.: Алетейя, 2004.

Прудникова Е. Иосиф Джугашвили. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

Рыбас С. Сталин. М.: Молодая гвардия.

Рыбин А. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М.: Ветеран МП, 1992.

Самсонова В. Дочь Сталина. М.: Олимп, 1999.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. Знамя, 1988. № 3–5.

Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004.

Соколов Б. Василий Сталин. М.: АСТ, 2003.

Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. / Составитель М. Лобанов. М., 1995.

Сухомлинов А. Василий, сын вождя. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.

Ферр Г. Антисталинская подлость, М.: Алгоритм, 2007.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991.